

Не всем дано ловить журавлей в небе

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Я прибыл в Колвинскую геологоразведочную экспедицию 2 апреля 1987 года, был небольшой для Крайнего Севера, а для меня, крымчанина, чувствительный, мороз, минус тридцать шесть. Экспедиция располагалась в посёлке под названием Харьягинский или просто Харьяга – несколько длинных барачных, двухэтажная вахта и вертолётная площадка. Контора экспедиции представляла собой два ряда балков под общей крышей. Экспедиция была организована недавно, капитальных зданий не построили.

Зайдя в контору, я спросил, как мне разыскать начальника экспедиции Братишко, и мне показали его кабинет. Секретарша не обратила на меня внимания, и я приоткрыл дверь в кабинет начальника. За длинным столом сидело много людей, судя по скучным лицам, сидели они, видимо, давно. Худощавый человек во главе длинного стола, – как я понял, это и есть Братишко, – разговаривал по телефону, но моё появление заметил:

– А ну, заходи, – сказал он, – ты кто такой?

– Юрий Поклад.

– Понятно. Садись.

Я сел на единственное свободное место, и мне показалось, что начальник экспедиции сразу же забыл обо мне. На самом же деле, он держал ситуацию в кабинете под контролем. Едва прекращалась телефонная беседа, показывал пальцем на одного из сидящих за столом, того, кто был необходим ему именно в эту минуту, и задавал вопрос, касающийся только этого человека, причём попадал сразу в самую суть стоящей проблемы. Разговаривал, посмеиваясь, пересыпая речь шутками, но если при этом начинал звонить один из телефонов, строго грозил собеседнику пальцем, помолчи, мол, и переключался на телефонную беседу.

Если кто-то ещё заглядывал в дверь, даже явно незнакомый ему, говорил:

– Эй, ты кто такой? Заходи и садись.

Прошло полчаса, и я заскучал так же, как и

остальные присутствующие, пришедшие по неотложным делам, и ожидающие аудиенции. Надо отдать должное начальнику, занята у него была каждая минута. Секретарша приносила чай в большой дымящейся кружке, Юрий Анастасьевич, не прерывая разговора, пил чай.

Время шло, и когда мне показалось, что Братишко так никогда обо мне и не вспомнит, он вдруг показал на меня пальцем, и я невольно встал.

– Знакомьтесь, – объявил он присутствующим, – это Юрий Поклад, он будет работать у нас начальником ремонтного цеха.

Так встретился я с человеком, с которым мне предстояло работать в течение долгих лет не только в этой, но ещё в трёх компаниях.

Но ни Юрий Анастасьевич Братишко, ни я, 2 апреля 1987 года, об этом, конечно же, не подозревали.

Юрий Анастасьевич Братишко родился 26 февраля 1939 года в городе Мена Черниговской области. Родители – Анастасий Степанович и Евдокия Михайловна (в девичестве Москаленко). Город Мена был оккупирован фашистами в сентябре 1941 года. Дом семьи Братишко был разрушен бомбардировками, жить приходилось в погребе. В тот момент в семье было двое детей, кроме Юрия, старшая дочь Раиса (1937 г.р.). Однажды в погреб угодил снаряд, пробив крышу. Он не взорвался. Спускаться в погреб, и ночевать рядом с торчащим из земли снарядом было страшно. Но постепенно привыкли и стали опять ночевать в погребе. Анастасий Степанович был оставлен для сохранения сельскохозяйственной техники, так как являлся бригадиром тракторной бригады в Менском районе, на самом же деле, он был оставлен для подпольной работы, хотя никто не думал тогда о затяжной войне, все были уверены, что фашистов быстро прогонят. Но быстро прогнать их не удалось, поэтому в близлежащем лесу появились партизанские отряды, туда и перебрался со временем Анастасий Степанович, прихватив с собой сына Юрия. Партизаны жили в землян-



№ 1 (131), 2021

**Этнополитический
и литературно-
художественный
журнал**

Учредитель:
редакция газеты «Литературная Россия»

Главный редактор
Вячеслав ОГРЫЗКО

Заместитель главного редактора
Иван КОРОТКОВ

Компьютерный набор
Татьяна ЕГОРОВА
Дизайн/Вёрстка
Ольга ПЕЛЕНКОВА

Автор фотографий на обложке:
Алексей ИОНОВ

Подписано в печать 25 февраля
2021 года

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ
по печати. Свидетельство о регистрации
№ 015849 от 14 марта 1997 года.

Тираж 1000 экз.

Адрес редакции:
127051, Москва,
Цветной бульвар, 32, строение 3.

Телефоны: 8 (495) 694-23-24,
8 (495) 694-03-65

www.north.litrossia.ru
E-mail: litrossia@litrossia.ru

Отпечатано в ФГУП
«Издательство «Наука»
(Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Заказ 157к-21

СОДЕРЖАНИЕ

- Под полярной звездой
Юрий ПОКЛАД
Не всем дано ловить журавлей в небе..... **1**
- Регион под микроскопом
Олег ХИМАНЫЧ
Есть ли у Солзы будущее..... **13**
- Время, вперёд!
Анатолий ОМЕЛЬЧУК
Пора подсчитывать грехи..... **19**
- Ветер в твои паруса
Леонид ТАТАРИН
Невезучий капитан..... **24**
- Рассказ
Александр ЛАТКИН
Ороченка **30**
- Драма
Александр ПЕТРУШИН
Изучая расстрельные дела..... **32**
- Разыскания
Александр МИЛЬ
«Я помню тот Ванинский порт...»..... **39**
- В поисках правды
Пётр ЦЫБУЛЬКИН
Пулемёт я вам не дам..... **42**
- Из путевого блокнота
Юрий ЛЕОНОВ
Лагуна..... **47**
- Музыка севера
Татьяна ШАТКОВСКАЯ
Звонящая тишина большого Норильска **51**
- Как это было
Хабир ХАРИСОВ
В тундре не пропадёшь..... **54**
- Исторический боевик
Вадим СИЛАНТЬЕВ
Казак..... **72**
- Живые традиции
Валентина ВАНУЙТО
Загадочный мир Крайнего Севера..... **76**
- На краю света
Светлана БЫЧЕНКО
В поисках розовой чайки..... **79**

ках, ночами пробирались в Мёну и навещали родных.

Заняв Мёну, немецкие войска двинулись дальше на восток, ни о каких зверствах в первое время оккупации речи не шло, население как-то даже успокоилось. Но потом появились каратели, войска СС, быстро были найдены среди местного населения сочувствующие новой власти. Одним из главных пособников оккупантов оказался друг детства Анастасия Степановича по фамилии Дайнеко. Зверства начались после того, как выяснилось то, что в окрестностях посёлка действует партизанский отряд. Дайнеко отлично знал местность, и партизанам приходилось нелегко. Доставалось и тем, кто оставался в посёлке, особенно еврейскому населению, которое уничтожалось без пощады. Долгое время Евдокия Михайловна прятала у себя двух еврейских детей, девочку и мальчика, это было очень опасно, в случае обнаружения их фашистами, семью Братишко не пощадили бы.

В 1943 году с Юрием произошёл трагический случай, он попал под обстрел, осколок снаряда угодил в живот. Мальчик истекал кровью и должен был умереть, квалифицированной медицинской помощи ждать было неоткуда. И тогда Анастасий Степанович, отчаявшись, обратился к немецкому доктору, который оказался человеком порядочным и рискованным: за помощь местному населению фашисты жестоко наказывали свой медицинский персонал. Доктор тайно сделал Юре операцию в домашних условиях, сшил разорванные осколком внутренние органы, спас ребёнку жизнь. Через некоторое время доктор ушёл к партизанам, и окончил войну уже в их рядах. После войны, при медицинских обследованиях, Юрию Братишко приходилось тщательно скрывать то, что он был прооперирован на оккупированной врагами территории, у бдительных компетентных органов могли появиться подозрения в сотрудничестве родителей Юрия Анастасьевича с оккупантами.

Это была первая из многочисленных операций, которые предстоят Юрию Анастасьевичу Братишко на его длинном жизненном пути, несколько раз он будет вновь оказываться на краю гибели.

Лишь в преклонном возрасте, после одной из полостных операций, в ходе которой врачей удивило не совсем обычное расположение внутренних органов, Юрий Анастасьевич рассказал удивительную историю его спасения немецким доктором в годы войны.

18 сентября 1943 года посёлок Мёна был освобождён частями 16-й гвардейской кавалерийской дивизии Красной Армии.

В 1943 году в семье Братишко родился ещё

один сын – Михаил. Анастасий Степанович ушёл довоевывать в составе регулярного воинского подразделения. Он прошёл всю войну, был ранен, но остался в живых.

Юрий Братишко окончил школу имени Ленина в Мёне и поступил в Киевский геолого-разведочный техникум на отделение «Бурение скважин». Окончив его в 1960 году заведение, он был направлен в Туркмению, в Прикаспийскую экспедицию. Экспедиция занималась поисками нефти и газа на профиле Красноводск-Кушка. Молодой специалист попал в Капланкирскую геолого-поисковую партию.

Мне довелось работать в тех местах через пятьдесят лет после Братишко, но по внешнему обличению и внутреннему содержанию эти места почти не изменились. Пустыня Каракумы с жестокими песчаными бурями, когда видимость снижается до одного-двух метров, дикая жара, когда лучше не смотреть на термометр, там может быть за пятьдесят, жалкое существование местного населения – безработица, бедность. Представить, что в такую погоду нужно ещё и работать, просто невозможно. Тем более, на буровой, где стальные элементы конструкций нагреты палящим солнцем, а промывочный раствор, насыщенный всяческой химией, парит и пахнет нестерпимо.

Юрия Братишко назначили буровым мастером. Если учесть то, что бурение шло в зоне аномально высоких пластовых давлений, и промывочный раствор имел плотность до 2,9 г/см³, можно с уверенностью сказать, что это было серьёзное испытание. Но Юрий справился, скважину успешно пробурил и испытал.

Весной 1962 года предложили с группой молодых специалистов поехать в Мали на один год для поисковых работ со своими буровыми установками, для этого нужно срочно пройти комиссию, вот тогда и выяснилось, что он не служил в армии. Юрия Братишко срочно направили в Ленинградский военный округ, в школу подготовки воздушно-десантных войск, элиты вооружённых сил страны. Бывший буровой мастер совершил семнадцать прыжков с парашютом, был обучен науке выживания в безлюдных и труднодоступных районах, овладел навыками обращения с холодным оружием и ведения боя при отсутствии какого-либо оружия, чёткому и хладнокровному ориентированию в любой, самой сложной ситуации.

В составе ограниченного контингента, Юрий Братишко был десантирован в одну из африканских «братских» стран, идущих по некапиталистическому пути. Секретная операция не удалась, молодой десантник получил



Буровые вышки в пустыне Кара-Кумы

тяжёлое ранение, его удалось эвакуировать. Он перенёс несколько операций, врачи спасли ему жизнь.

Через год Юрий Братишко вернулся в Туркмению и вновь приступил к работе в родной экспедиции. Год жизни оказался вычеркнутым из жизни, да и из памяти. И снова пески, зной, выполнение плана по метражу, испытание скважин.

Неконтролируемый выброс – самое страшное, что может случиться при бурении скважины, тем более, при наличии пластов с аномально высоким давлением. Для предупреждения выбросов существует устьевое оборудование – превентора, а так же система управления плотностью промывочного раствора, предусмотренная ГТН (геолого-техническим нарядом). На одной из скважин никак не удавалось получить приток нефти, и Юрий Братишко решился на рискованный и запрещённый всеми возможными правилами, но единственный, на его взгляд в данной ситуации, метод. Он сознательно понизил плотность промывочной жидкости, дождался, пока из скважины ударит фонтан давно ожидаемой им нефти, а потом успел, энергичной промывкой, заместить промывочную жидкость на более тяжёлую, и, таким образом, справиться с выбросом. Начальник экспедиции, случайно узнав о столь «прогрессивном» методе испытания скважины, лишь укоризненно покачал головой: «Победителей, конечно, не судят, но если бы этот эксперимент не удался, для Братишко бы это очень плохо кончилось».

Главный инженер экспедиции однажды по-

слал Юрия Братишко к вышкомонтажникам, километров за пятьдесят, проверить, как идёт строительство буровой установки, на которую ему предстоит вскоре перейти. Командировка была на два дня, поэтому Юрий не взял с собой никаких продуктов, решил, что у вышкомонтажников есть столовая. Его забросили самолётом, – летали тогда по пустыне лёгкие «фанерные» лайнеры, – а на обратный путь пообещали прислать за ним трактор. Трактор по пути поломался, и Братишко забрали от вышкомонтажников только через неделю. За это время он узнал много нового. Например, то, что никакой столовой тут нет, более того, продуктов вышкомонтажникам не завозят, потому что в такую жару они быстро портятся, о холодильниках в то время ещё мало кто слышал. Чем же питались эти люди?

Юрий был удивлён куском мяса, которое ему предложили на обед, оказалось, что это мясо черепахи. пожаловались, что с черепахами проблемы: из-за большого размера они не лезут в ведра, сварить их, по этой причине, трудно. На второе Юрию предложили странного вида круглые кусочки, это была жареная змея. Лишь позже он узнал любопытный факт: там, где стояли вышкомонтажники, живность в ближайшей округе быстро исчезает. За неделю, проведённую на строящейся буровой, Юрий Братишко успел проникнуться большим уважением к этим мужественным людям.

В 1963 году он перешёл на работу в Контору разведочного бурения треста «Туркменбурнефть» буровым мастером.

Работа буровых мастеров в тресте «Туркмен-

бурнефть» была организована следующим образом: утром работников привозили автобусом из Небит-Дага на месторождение, в Коар – Тупе, вечером – забирала назад в город. Суббота и воскресенье – выходные. Юрий Братишко, как герой-десантник, к тому времени стал обладателем однокомнатной квартиры, что для двадцатитрёхлетнего парня было огромным счастьем.

Однажды, это было в пятницу, Юрий Братишко, перед тем, как сесть в автобус, долго разговаривал с инженером по бурению, остававшимся ответственным по скважине на выходные дни. Забой скважины был три тысячи двести метров, где-то близко продуктивный горизонт, Юрия это очень беспокоило, он попросил инженера тщательно контролировать, чтобы спуск бурового инструмента проходил с небольшой скоростью, и чтобы вахта была готова в любой момент закрыть превентор и загерметизировать устье скважины.

Опасения Юрия оказались не напрасными, события пошли по худшему из предполагаемых им сценариев: бурильщик растерялся, когда началось интенсивное движение промывочного раствора по желобам, в таких случаях всё решают минуты, даже секунды. Мощный фонтан газа ударил из устья, буровая загорелась. Лишь верховой успел спастись, съехав по оттяжке на специальном ролике – была предусмотрена такая система эвакуации, – вся остальная вахта, четыре человека, погибли в огне. Буровая установка горит быстро – двадцать-двадцать пять минут, – потом вышка обычно падает.

У Юрия Братишко были большие неприятности, но ему удалось доказать свою невиновность, показания верхового подтвердили неграмотные действия бурильщика при спуске инструмента, он и был признан виновником аварии. Одного так и не смог простить себе Юрий Братишко: почему не остался тогда, в ту злополучную пятницу, на буровой? Не наплевал на законные выходные дни, не поверил своей интуиции. А она редко его подводила.

В августе 1963 года от треста «Туркменбурнефть» Юрий Братишко был направлен в Азербайджанский нефтехимический институт на повышение квалификации, без отрыва от производства. В январе 1965 года, после окончания учёбы, его назначили заместителем начальника участка № 2.

В августе 1965 года уволился директор конторы Яманидзе, с которым у Юрия были очень хорошие отношения. С новым руководством у Юрия отношения не сложились, и он откликнулся на приглашение в Таджикистан, на должность старшего инженера по бурению.

В июле 1967 года, Юрий Братишко оказался на Чукотке, в нефтеразведочной партии при Анадырской комплексной экспедиции. На Чукотке

решили развивать глубокое поисковое бурение на нефть и газ, Юрий Братишко для этой цели подходил как нельзя лучше.

Чукотка – это не просто отдалённый от основной территории страны регион, это другая планета. И люди там живут соответствующие, иные попросту не выживают – уезжают или гибнут.

Вот как описывает Олег Михайлович Куваев, проработавший на Чукотке много лет, в романе «Территория» местных, так называемых, «корифеев»: *«Спины их и по сей день были прямыми, и каждый, даже если за плечами было два инфаркта, считал себя способным на многое. Так оно и было, потому что любой из этих мужиков прошёл суровую школу естественного отбора. Они погибали от голода и тонули, но не погибли и не потонули. Они глушили спирт ящиками, но не спились. Мужчины, с изрезанными морщинами лицами, сверхчеловеки. Каждый нёс за плечами груз легендарных лет».*

Вот к каким людям попал Юрий Братишко. И не потерялся в этой компании, несмотря на молодость. А принимал его на работу начальник Северо-Восточного территориального геологического управления, легендарный Израиль Ефимович Драбкин (в романе «Территория» – Робыкин). Вот как описывает О.М. Куваев этого человека: *«Он шёл в окружении приближённых, и походил на стремительно летящий бильярдный шар – низенький, коротконогий, круглый, с какой стороны ни глянь, сверкающий бритой головой и улыбкой».*

Драбкин коротко сказал Братишко:

– Возьмёшь в библиотеке у секретарши необходимую литературу, и через три дня представишь мне отчёт, абсолютно обо всём, что нужно тебе для бурения скважины глубиной три тысячи метров.

Братишко на это ответил:

– Никакой библиотеки мне не нужно, отчёт могу представить через два часа.

Драбкин посмотрел на него удивлённо, но больше ничего не сказал, только кивнул головой.

С другой легендой Чукотки, Николаем Ильичом Чемодановым (в романе «Территория» – Илья Николаевич Чинков, по прозвищу Будда), Юрий Братишко познакомился позднее.

Юрий Братишко пробурил первую на Чукотке глубокую скважину (3000 метров). В то время вокруг буровой выстраивался посёлок, со всеми элементами инфраструктуры. Вот как описывает первую глубокую скважину на Чукотке В. Бондаренко – корреспондент газеты «Магаданский комсомолец» (от 13 октября 1967 года) в статье «Флаг над вышкой»:

«Не прошло и года, как я был здесь, а «Глубокую» невозможно узнать. В том месте, где десять месяцев назад рабочие долбили шурфы под



Юрий Братишко. 1967 год. Чукотка.

основание буровой, теперь возвышается 42-метровая ажурная вышка. Десять месяцев назад здесь стояло четыре маленьких домика на санях, а сейчас на полкилометра протянулась улица, на которой почти три десятка жилых домиков, клуб «Нефтяник», столовая, пекарня, баня, дизельная электростанция, медпункт, склады под продовольствие и снаряжение, под стройматериалы и запчасти, дизтопливо и уголь. И радиостанция, и магазин. Вот от посёлка к буровой пробирается вездеход с рабочими, первым из него выходит буровой мастер Юрий Братишко. Восемь из двадцати восьми прожитых лет, он отдал нефтеразведке. Работал на буровых в Туркмении и Таджикистане. В соавторстве с инженерами-нефтяниками написал интересную брошюру о скоростном методе бурения глубоких скважин. Сейчас Юрий по-особому сосредоточен. Вчера государственная комиссия закончила приём буровой в эксплуатацию, а сегодня бригаде Юрия поручено пробурить первые метры будущей трёхкилометровой скважины. Следом за Юрием с вездехода сходят бурильщик Анатолий Гурченко и дизелист Олег Тибиев, помощники бурильщика Роман Белалов и Александр Усов. На каждого из этих четверых Юрий готов положить, как на самого себя. Потому что вместе с ними начинал он разрабатывать знаменитую газоносную площадь «Комсомольскую» под Душанбе. Вместе с ними пришлось ему взглянуть в лицо

смерти, когда там внезапно вырвался из-под земли и вспыхнул мощный газовый фонтан. С такими друзьями можно было ехать на Чукотку. И Юрий приехал.

С первого октября в посёлке начал работать учебно-консультационный пункт окружной заочной средней школы. Заведует им Маричка Братишко, жена бурового мастера. Она – педагог, до приезда на Чукотку преподавала русский язык и литературу в школе. Консультации по математике, физике и другим предметам проводят работающие на «Глубокой» инженеры-геологи.

Однажды у Юрия Братишко возникла необходимость съездить на базу геофизиков за отчётом. Для этой цели у него имелся надёжный ГТ-Т (гусеничный транспортёр-тягач) с опытным водителем Геннадием Головиным. Погода стояла вполне сносная для Чукотской зимы, минус тридцать и полный штиль, безветрие. До базы геофизиков было около ста двадцати километров, Юрий рассчитывал быстро обернуться туда и обратно, поэтому не взял с собой продуктов, лишь спальный мешок был в вездеходе, как всегда, под сиденьем. Это, как выяснилось позже, была его серьёзная, и едва не роковая, ошибка.

До геофизиков, действительно, домчались довольно быстро, зимник был почти не заснежен, ГТ-Т бежал по нему резво, распугивая рёвом двигателя стаи куропаток с дороги. Солнце, едва прокатившись по горизонту, исчезло, стало темнеть.

Юрий взял у начальника геофизиков, Евгения Клопкова отчёт, и собирался уже отправляться обратно, но Евгений вдруг попросил взять в вездеход людей, которые хотели добраться до «Глубокой». Вместе с Евгением, оказалось девять человек, они плотно уселись на скамейках вдоль бортов ГТ-Т. Ни эти люди, ни Евгений, не взяли с собой продуктов в дорогу, а двое из них, не взяли даже спальных мешков, и это при том, что в тундре существует суровый, незыблемый закон: не верь хорошей погоде, едешь на день – считай, что едешь на неделю.

Погода в тундре, и в самом деле, обманчива: только что было тихо, как вдруг поднимается лёгкий ветерок, который вскоре перерастает в серьёзную пургу, которая может длиться неделю, а иногда, и дольше.

Пурга началась, когда отъехали километров на сорок от базы геофизиков, да какая пурга! В пяти метрах перед вездеходом ничего не было видно. Зимник был провешкован длинными палками с чёрными смоляными концами. Сбиваться с зимника смертельно опасно, можно было уйти в море, берег которого под снегом невозможно угадать. Юрий и Евгений, по очереди, шли перед вездеходом, высматривая по обочинам вешки, и

контролируя дорогу. На третий день оба выбились из сил, но никому другому доверить эту ответственную задачу они не считали возможным. Всем очень хотелось есть, но продуктов считай, что не было: немного сухарей, да несколько банок зелёного горошка, случайно оказавшихся у водителя под сиденьем. Зелёный горошек распределяли поштучно.

Пурга всё не стихала. Чтобы не сбиться с дороги, простояли целый день, но напрасно. На ночь залезали в спальные мешки, те, у кого они были, для тех, у кого их не было – сняли капоты с двигателя вездехода.

На следующий день попытались двигаться дальше, и зря: вскоре стало ясно, что они заблудились, вешек найти больше не удавалось. Измученные голодом и холодом люди были в одном шаге от отчаяния. В такой ситуации человек способен на самые неожиданные, безумные поступки. Например, добраться пешком.

У Юрия Братишко на поясе был пистолет в кобуре, на Чукотке он полагался по штату буровому мастеру. Он вынул пистолет и сказал, что тот, кто попробует уйти пешком, будет застрелен, потому что всё равно погибнет, только гораздо более мучительной смертью. Он приказал водителю не двигаться с места и ожидать, когда кончится пурга, чтобы сориентироваться. Геннадий Головин, опытный тундровик, одобрил это решение.

Пурга дула почти две недели, одиннадцать человек, запертые в вездеходе, потеряли счёт времени, они понимали, что погибают, и что выхода из этой ситуации нет. Они впали в апатичное состояние ожидания смерти, что им ещё оставалось?

Пурга прекратилась неожиданно, открыв дверь вездехода и оглядевшись, Юрий увидел ослепительно белую, почти сливавшуюся с горизонтом тундру.

Дома в «Глубокой» монтировали на сваях, но их всё равно заносило снегом по самую крышу. Для того, чтобы их, всё же, различить, дымовые трубы делались очень высокими, по три метра. Вот эти чёрные трубы и сумел разглядеть Юрий, примерно километрах в пяти от вездехода. Он сначала не поверил своим глазам, потом хрипло и громко закричал. Люди высыпали из вездехода, сразу же поняли, что это за трубы, и тоже дико и сипло заорали. Этот страшный вопль людей, спасшихся от неминуемой гибели, долго стоял над тундрой, уносясь в её серо-свинцовое, равнодушное небо.

Юрий Братишко многое забыл, а, скорее, не хотел вспоминать тех страшных двух недель. Через много лет его жена, Мария Кирилловна, напомнила, как разрезала ножницами голенища сапог на его обмороженных ногах, снять сапоги было невозможно.

В 1973 году Юрий Братишко возглавил нефтеразведочную партию глубокого бурения. Предприятие было пока что небольшое – было всего три буровых установки – сейсморазведка, геофизика и структурное бурение. Но предприятие имело собственный бюджет и отличные перспективы. Неудивительно, что на базе Анадырской экспедиции в 1974 году было принято решение создать гораздо более крупную – Чукотскую НГРЭ. Для её создания был приглашён Рудольф Вольдемарович Требс. Он сразу же обратил внимание на энергичного, технически грамотного Юрия Братишко, почувствовал в нём надёжного помощника. Вскоре он убедился, что не ошибся.

Но у Юрия Братишко появились серьёзные семейные проблемы, состояли они вот в чём: в 1972 году у Марии и Юрия родился сын Саша, ребёнку не подошёл климат Чукотки, его пришлось отвезти к родителям Марии, на Украину, Мария и Юрий очень скучали по сыну, и подумывали о том, чтобы вернуться на Большую Землю.

В 1975 году у Р.В. Требса произошёл серьёзный конфликт с его непосредственным руководителем И.Е. Драбкиным. Инициативные, волевые люди трудно ладят друг с другом. Требс уволился и отбыл в Ненецкий округ, организовывать Варандейскую НГРЭ. Пришедший на его место человек не пришёлся по душе Юрию Братишко, работа перестала быть ему в радость. К тому же произошёл трагический случай, вины в котором Юрия Братишко не было, но он не мог не воспринять эти события спокойно, у него случился инфаркт. На одной из буровых, находящихся в подчинении Братишко, вахта, сменившаяся после работы, села в вездеход ГАЗ-71 и самовольно поехала в близлежащий посёлок. При форсировании реки лёд проломился и вездеход утонул. Погибло двенадцать человек.

Все эти события ускорили решение Юрия и Марии Братишко расстаться с Чукоткой.

Они купили небольшой дом в Днепропетровске, Юрий стал работать начальником структурной партии по бурению скважин на воду, о Севере он больше не помышлял. Решил обосноваться на Украине. Как вдруг пришла срочная телеграмма с красной поперечной полосой: «Ищу тебя целый год. Немедленно вылетай в Нарьян-Мар. Подробности объясню на месте. Требс».

Так Юрий Братишко, совершенно неожиданно для себя, стал первым заместителем начальника Варандейской нефтегазразведочной экспедиции глубокого бурения.

Варандейская экспедиция располагалась на берегу Баренцева моря, с суши доступ к посёлку Варандей был весьма затруднён, машинам приходилось преодолевать сотни

километров зимника. С моря – доступ был также затруднён: летом большегрузные суда не могли слишком приближаться к берегу из-за опасности сесть на мель, зимой – прибрежная зона была скована крепким льдом. Юрий Братишко вышел с предложением: проложить трубы ПМТ по льду и принимать дизельное топливо в зимнее время. Другие грузы: трубы, цемент, глину, балки, лес – выгружать морскими кранами прямо на лёд, а затем возить машинами на базу, в посёлок Варандей.

Предложение было рискованным, но оно было принято руководством, и риск оправдал себя. Первыми операциями по разгрузке судов Юрий Братишко руководил лично, без неожиданностей не обошлось, но в целом всё прошло успешно.

Но Рудольфа Вольдемаровича Требса забрали на повышение, главным экономистом объединения «Архангельскгеология». Случился конфликт Юрия Братишко с новым руководством экспедиции, и опять стало ясно, что пришло время искать новое место работы.

И вот случайная встреча в Архангельске – сколько таких случайностей было в жизни Юрия Братишко, – с руководителем Архангельского института ВНИГНИ Владимиром Сергеевичем Войтенко. Тот отлично знал, на что способен Братишко, и сразу же предложил:

– Пойдёшь ко мне ведущим специалистом?

– Что ты? – удивился Братишко. – Какой из меня учёный? К тому же мне звонили из Крыма,

предлагают возглавить экспедицию в посёлке Черноморском.

Но Войтенко был тонким знатоком людей, он вынул из кармана ключи:

– Вот. Трёхкомнатная квартира в Архангельске. Заселяться можешь хоть сегодня.

Такого искушения Братишко выдержать не смог. И пошёл в науку.

В.С. Войтенко не ошибся, несмотря на отсутствие опыта работы в научных сферах, Юрий Братишко пришёлся в институте ко двору, его производственный опыт помогал выдвигать столь интересные предложения, что бывалые учёные, кандидаты и доктора, только удивлённо качали головами: как же мы сами до этого не додумались. Некоторые из разработок Юрия Братишко до сих пор используются при строительстве фундаментных оснований на Крайнем Севере.

Но у Братишко был сложный характер, он не мог долго находиться на одном месте работы. В декабре 1984 года он получил предложение возглавить Мурманскую экспедицию морского бурения, уволился из ВНИГНИ и совсем уже собрался вылететь в Мурманск, как вдруг оказался в больнице: прободная язва, срочная операция, жизнь повисла на волоске. Полгода он выкарабкивался из цепких лап болезни, но выкарабкался, ведь не зря когда-то немецкий доктор спас ему жизнь, разве можно было подвести этого благородного человека?

В 1985 году генеральный директор ПО «Архангельскгеология» Юрий Алексеевич Росси-



Посёлок Харьягинский. 1987 год

хин получил распоряжение из министерства геологии создать три новых экспедиции. Р.В. Требс посоветовал Ю.А. Россихину назначить начальником Колвинской экспедиции Ю.А.Братишко, сказав, что лучшего специалиста на эту должность найти трудно. Через две недели Юрий Братишко вместе с главным геологом А.А. Сливкой и начальником цеха испытания скважин Б.С. Стадником, прибыл на заснеженный берег реки Колвы, выбирать место для посёлка, которому было дано название Харьягинский, или просто Харьяга. Название происходило из наименования протекавшей неподалёку небольшой речки, притока Колвы – Хараяхи.

...Когда летишь вертолётom из Усинска, невольно придрёмываешь, убаюканный монотонным гулом турбин, утомлённый однообразным пейзажем: редкие островки заснеженных деревьев, ровный до самого горизонта белый ковёр тундры со столбиками буровых вышек. Посёлок возникает неожиданно, наверное, оттого, что органично и неотъемлемо вписан в пейзаж. Столпившиеся вдоль извилистого русла Колвы пирамидки елей. Вмёрзший в лёд понтон. Цилиндрические ёмкости, окрашенные в серебристый цвет, сливающиеся под ярким солнцем с искрящимся снегом. Трубы котельной, двухэтажные «вахты», столовая... Хорошее место выбрано для посёлка, всё рядом – и причал на реке, и бетонка на Усинск к железнодорожной станции.

Посёлок вырос быстро, за какие-то полтора года люди из балков переселились в двухэтажные «вахты». А началось всё не так-то просто. В новогоднюю ночь, на 1 января 1986 года, сгорела единственная электростанция, дававшая свет первым работникам Колвинской НГРЭ, ютившихся в двух десятках балков. Тут уж не до празднования, Братишко с ног сбился, пока раздобыл в НГДУ «Архангельскнефтегаз» другую электростанцию и не дал людям окончательно замёрзнуть. Когда ему напоминают о том случае, он лишь сокрушённо качает головой: «Да. Было дело».

В апреле 1986 года была забурена первая скважина новой экспедиции – сотая Овражная. Про неё сложил песню местный поэт и бард, Володя Безумов: «Сотая Овражная – буровая важная».

Везение сопутствовало Колвинской экспедиции. Едва ли не каждая вторая скважина оказывалась с нефтью. Бурение шло быстро и почти без аварий, если они и случались, то ликвидировались успешно и с небольшими затратами.

В чём было дело? В удачном ли подборе кадров, в стратегическом ли уме начальника,

в благоприятном ли сложении пород на площадях, которые разбуривались, или просто в элементарном дурном везении – неизвестно. Наверное, и в том, и в другом, и в третьем, и в четвёртом. Экспедиция уверенно шла в передовых и по проходке, и по разведанным запасам нефти.

Стремительно разрастался посёлок, строились новые «вахты», прокатно-ремонтный цех перебрался из двух ветхих сараев в громадный ангар, была отстроена новая контора экспедиции и клуб из белого кирпича. В клубе по воскресеньям «крутили» кинофильмы.

Юрий Анастасьевич Братишко – удивительный человек. От него исходила гипнотическая энергия. Он говорил: вот здесь, на месте редкого заболоченного леса, будет девятиэтажный дом. Ему верили и чуть ли не распределяли квартиры. Он говорил: наш город будет называться Харьягинск и по численности будет равен Усинску. И опять верили. Он собирался построить в посёлке аэропорт, чтобы принимать вахтовые самолёты и начал отсыпать взлётно-посадочную полосу.

Он и сам верил в то, что говорил. Что-то из обещаний было реальным, что-то нет, но в том, что в результате ничего не получилось, виноват не один Юрий Анастасьевич.

В старых экспедиционных бумагах случайно нашлась схема перспективного развития посёлка, датированная мартом 1986 года. Кое-кто пытался иронизировать, но большинство погрузтели: мечта не может быть смешной. Теперь, когда иллюзии и мечты в прошлом, вспоминается о них, всё же, с теплотой и добром. Незабываемы те времена, когда мы были молоды, строили планы, искренне верили в то, что они осуществляются.

Многим показалось удивительным то, что в 1990, ещё весьма «тучном» и денежном году, Юрий Анастасьевич вдруг купил в транспортный цех семь тракторов «Кировец-700» на резиновом ходу, это решение не поддавалось, на первый взгляд, никакой логике: по зимнику «Кировцы» ходили плохо, медленно, часто застревали, не в Усинск же на них возить грузы. Братишко никому не стал объяснять этого странного решения. Но в 1992 году, когда правительство России дало разрешение продавать часть добытой нефти, «Кировцы» оказались более, чем кстати. На них поставили бочки и стали возить нефть со скважин к пункту налива на магистральном нефтепроводе, который в своё время самовольно был построен Колвинской экспедицией, и за который Ю.А. Братишко получил от руководства строгий выговор. Каким образом смог он предвидеть столь крутой поворот в судьбе экспедиции, да и всей страны,



Юрий Алексеевич Россихин (второй слева), Юрий Александрович Гуськов (четвертый слева) и Юрий Анастасьевич Братишко (второй справа) в начале пути по созданию СП "Полярное сияние" - первого в России совместного российско-американского предприятия по добыче нефти

так и осталось непонятным, но, как бы то ни было, его интуиция не может не вызывать восхищения.

Впрочем, вопрос выживания предприятия, которое стало именоваться теперь «Колвагелдодобыча», волновал в 1994 году уже нового начальника, Александра Владимировича Шмакова, Юрий Анастасьевич в это в это время работал директором компании «Полярное Сияние». Как это случилось, будет рассказано ниже.

Чем глубже вязла страна в перестройке, тем неотвратимее увядала Колвинская экспедиция. Одно сокращение штатов следовало за другим. Тем людям, что оставались, зарплату выдавали от случая к случаю, а потом и вовсе прекратили. Зияли пустотой окна безлюдных «вахт», посёлок замер в тяжёлой летаргии. Колвинская экспедиция должна была погибнуть. Помощь пришла неожиданно. Точно так, как у Маркеса в романе «Сто лет одиночества»: «Когда Макондо уже совсем погрязло в своих проблемах и казалось, что нет выхода, вдруг появилась банановая компания».

Нельзя не признать, что колвинцы называли так новое предприятие больше из зависти, потому что компания «Полярное Сияние» выглядела вполне солидно, её сотрудники

получали приличные деньги, тогда как колвинцы зарплату не видели порой по несколько месяцев.

В помещении бывшей школы в посёлке Харьягинский расположился офис компании «Полярное Сияние». Соучредителями компании выступили «Сопосо» (50%) и российское государственное предприятие «Архангельскгеология» (50%). Новоявленная компания подрядила Колвинскую экспедицию пробурить шесть эксплуатационных скважин на Ардалинском нефтяном месторождении, это было весьма кстати, коллектив экспедиции взбодрился. Правда, ненадолго.

А теперь о том, как оказался Юрий Анастасьевич руководителем первого в стране совместного, российско-американского предприятия.

Генеральный директор ОАО «Архангельскгеология» Ю.А. Россихин высоко ценил организаторские качества Юрия Анастасьевича Братишко, и когда в 1992 году зашла речь о создании совместного российско-американского предприятия, сразу же привлёк его к переговорам. Юрия Анастасьевича сотрудничество с американскими коллегами заинтересовало, кроме того, он имел далеко идущие планы по поводу непосредственного

взаимодействия Колвинской НГРЭ с вновь создаваемым предприятием. Переговоры велись в Москве и продвигались вполне успешно, но едва не сорвались из-за трагического и загадочного события, объяснения которому нет до сих пор. После одного из затянувшихся допоздна совещаний, где Ю.А. Россихин выступил с эмоциональным, аргументированным докладом, он, энергичный 53-летний человек, приехал в гостиницу, поужинал и лёг отдыхать. Утром его обнаружили мёртвым.

Дело организации совместного предприятия взял на себя главный инженер ОАО «Архангельскгеология» А.Г. Казаков. Но дело застопорилось, слишком тяжёлым ударом стала неожиданная смерть Ю.А. Россихина. Дело могло совсем сорваться, если бы не энергия и решительность Ю.А. Братишко. Он пользовался у американцев большим авторитетом, они чувствовали в нём бывалого буровика-профессионала, опытного руководителя. Всё решила встреча делегации ОАО «Архангельскгеология» с тогдашним вице-премьером Е.Т. Гайдаром, его удалось убедить в том, что совместное предприятие выгодно и необходимо для России.

По предложению американской стороны

директором компании «Полярное Сияние» был назначен Юрий Анастасьевич Братишко.

Начались работы по освоению Ардалинской группы месторождений. Первая нефть была добыта компанией в августе 1994 года.

ЭПИЛОГ

Я уволился из Колвинской экспедиции и работал в Западной Сибири в НГДУ. Сначала заместителем начальника цеха добычи нефти, потом – начальником базы производственного обслуживания. Геологоразведочная вольность была в глубоком прошлом, её сменила суровая дисциплина «Роснефти». Я стал забывать людей, работавших со мной на буровых, мне казалось, что они исчезли из моей жизни безвозвратно, и я никогда больше с ними не увижусь. Но я не учёл того, что жизнь умеет преподносить сюрпризы.

...Закончив очередной рабочий день, я закрыл кабинет на ключ, вышел на крыльцо комплекса, именуемого «Офисным зданием базы производственного обслуживания». В сгустившейся тьме чётко горели два факела на ДНС – один высокого, другой – низко-



Вице-спикер Государственной Думы Артур Николаевич Чилингаров, вице-губернатор Архангельской области Анатолий Антонович Ефремов, первый директор СП "Полярное сияние" с российской стороны Юрий Анастасиевич Братишко и губернатор Ненецкого округа Юрий Владимирович Комаровский на Ардалинском месторождении

го давления. Я почувствовал усталость, не столько от работы, сколько от ясного осознания того, что в моей жизни ничего уже не изменится, до самой пенсии будет то же самое: ДНС, станки-качалки, насосы и прочие нехитрые устройства для добычи и перекачки «чёрного золота». Было не то что тяжело на душе, но как-то грустно.

Неподалёку от офисного здания располагался отапливаемый гараж для моего УАЗика. Сначала я ездил с шофёром, он был местным и постоянно отпрашивался по своим делам, мне это надоело, и я стал ездить за рулём сам.

Гараж был сооружён в старой компрессорной и оборудован по-хозяйски, я им тайно гордился. Я включил фары, выехал из гаража, и не спеша поехал по направлению к жилому городку. Двигатель урчал уютно и ровно, словно соскучившись за день.

Зазвонил сотовый телефон. Я не люблю, когда вечером звонит сотовый телефон, не люблю новостей на ночь, мало ли какими они окажутся. Старческое желание покоя.

– Тёзка, привет! – прокричал мне в ухо весёлый голос. – Ты где?

– В Западной Сибири.

– Ты что там делаешь?

Я сразу же узнал этого человека, только он один называет меня «тёзкой». Этот был Юрий Анастасьевич Братишко.

– Работаю. Сейчас на ужин еду.

– С ужином ясно, кем работаешь?

– Начальником базы производственного обслуживания. А что?

Я невольно напрягся, Юрий Анастасьевич не тот человек, который звонит для того, чтобы узнать о моём здоровье, о погоде, или о том, чем я занимаюсь в свободное от работы время, его весёлый голос не может ввести меня в заблуждение.

– Ну, и как, всё тебя там устраивает? – спросил он.

Всё ли меня устраивает? А что меня может не устраивать? Деньги платят вовремя, дали служебную машину, хорошую должность, комфортабельное жильё: кухня, душ, спальня, новый телевизор; обеспечили вахтовый метод работы, месяц через месяц, бесплатно возят туда и обратно на самолёте. Что собирается Юрий Анастасьевич предложить взамен?

– Слушай, брось ты всё это, – сказал он, – ты мне нужен.

– А где работать? Кем? – спросил я, хотя делать этого не следовало, зачем вводить человека в заблуждение, я сразу же решил, что откажусь.

– Работать на Севере, конечно. А должность мы тебе придумаем.

Я так и знал. Он любит говорить: «Не всем дано ловить журавлей в небе». Эта мысль меня когда-то интриговала, но это было давно.

– Плохо слышно, я позже перезвоню, – сказал я, хотя слышно было отлично.

Юрий Анастасьевич, всё же, ввёл меня в смущение, у него мощная энергетика, она подействовала даже на расстоянии двух с половиной тысяч километров, которые нас разделяли.

Я выключил телефон, чтобы собраться с мыслями. Надо объяснить ему, что занять место начальника базы производственного обслуживания стоило мне ощутимых усилий, что с подвигами я завязал, что мне сорок семь лет, осталось три года до льготной пенсии, и нет смысла влезать в рискованные приключения, связанные с переменной работы, что некоторые жизненные устремления я подверг переоценке, поэтому делать сомнительные шаги, коренным образом меняющие течение жизни, в мои планы не входит.

Я свернул с трассы в посёлок, припарковал машину на стоянке возле столовой и заглушил двигатель. Нужно деликатно изложить Юрию Анастасьевичу все эти бесспорные соображения, он помнит меня другим человеком.

В столовую зашла толпа монтажников из подъехавшего автобуса, будет очередь, но повара меня знают и обслужат без проблем. У нас хороша столовая, кормят вкусно и дёшево, и вообще посёлок экспериментальный, образцово-показательный, один спортзал чего стоит, даже бассейн есть, правда пока без воды. А хлебопекарня? А прачечная? Не говоря уже о жилом фонде. Что я смогу получить взамен? Балок с капельницей посреди тундры? Это мы уже проходили, не стоит возвращаться в прошлое.

Вздохнув, я набрал номер и долго ждал, слушая длинные гудки. Наверное, Юрий Анастасьевич сейчас едет в машине в Москве по МКАДу, автохулиганы подрезают слева и справа, и он никак не может отвлечься, чтобы вытащить сотовый телефон из кармана.

– Алло, – послышался, наконец, его голос. – Слушаю тебя внимательно.

– Я согласен.

Таким образом, я оказался главным механиком ООО «Данао инжиниринг», компании, ставшей ещё одной яркой страницей на трудовом пути Юрия Анастасьевича Братишко, человека, которому «дано ловить журавлей в небе».

Юрий ПОКЛАД

Есть ли у Солзы будущее?

Разбей Бог лодью – накорми Бог Солзу

Для большинства северодвинцев существуют два географических понятия с именем Солза. Первое относится к нижнему течению ближней к городу таёжной реки, которая питает его питьевой водой. Здесь построена и уже много лет действует плотина. Второе же наименование относится к устьевому участку той же реки, где на берегу Белого моря отсчитывает столетия поморское село Солза, тоже ближайшее к Северодвинску.

Жемчуг и сёмга

Как считается, общая площадь водосборного бассейна Солзы – 1420 квадратных километров. Длина реки, которая проистекает из Солозера (Онежский район Архангельской области) – 160 километров. В неёпадают две относительно крупные речки – Пележма и Казанка, а также таёжные ручьи – Глубокий, Берёзовый и Перевесный. Места здесь довольно глухие – только в нижнем течении реку пересекает мост автодороги Архангельск – Северодвинск – Онега. Изыскатели в своё время обнаружили в бассейне Солзы геологические отложения эдиакарского периода. Считается, поэтому ботаники дали наименование одному из редких представителей местной флоры – *Solza margarita*... Река также известна популяцией жемчужницы европейской (*Margaritifera*). Утверждают, что с XVIII по XX век в Солзе и её притоке Казанке даже вёлся промысел жемчуга. Однако это не единственное местное сокровище. Море – родная стихия поморской Царь-рыбы – сёмги. Однако чтобы оставить потомство, эта благородная рыба непременно заходит в «родную реку», где в пресной воде икринки «дозревают». Таких рек, к слову, на Белом море немало, и Солза одна из них.

А ещё прекрасный знаток этих мест знаменитая этнограф и краевед Ксения Петровна Гемп в своих записях упоминала и о тёплых источниках подземных вод на Солзе. Правда, подобному чуду природы местные жители (не в пример поселянам соседней Сюзьмы) применения так и не нашли.

Свежая гресочка – сахарина!

С упоминаниями в литературе Солзе, откровенно говоря, не повезло. Лишь в 1854-м писатель-этнограф Сергей Васильевич Максимов в своей книге «Год на Севере», говорит о деревне, но сравнительно скупо и без восторга. Солза оказалась самым первым поселением на Летнем берегу Белого моря, которое встретилось Сергею Васильевичу, когда он после посещения деревни Кудьма впервые «съехал» с Онежского тракта. А сделал он это на обычной крестьянской телеге по гужевой лесной дороге, огибающей редкую местную возвышенность, известную сегодня, как Миронова гора. Тогда-то взору писателя и открылось впервые Белое море. И пока ехали по куйпоге, ямщик излагал Сергею Васильевичу свои представления о море. Они любопытны: «– Ведь оно у нас так-то никогда не живёт, чтобы покойно стояло, как в ведре бы, при-

мерно, али в кадке: всё зыбит, всё шевелится, всё этот колышень в нём ходит, как вот и теперь бы взять. Нет ему так-то ни днём, ни ночью покою: из веков уж знать такое, с той самой поры, как Господь его Бог в нашей сторонушке пролил... Никакую дрянь эту наше море в себе не держит, всё выкидывает вон из себя: все эти брёвна, щепы там, что ли – всё на берег мечет. Чистоту блюдёт!».

Оглядывая горизонт, ямщик усмотрел и бегущую под парусом лодью и принял её за промысловый карбас, шедший на Мурман, но, приглядевшись, поправился:

«– А ведь про лодью-то про эту я тебе даве соврал: лодья-то ведь соловецкая! Не треску, а знать, богомольцев повезла... Да гляди: на передней мачте у неё словно звёздочка горит. У них завсегда на передней мачте крест живёт медный; поближе бы стала, и надпись бы на корме распознал. Они ведь у них... лодьи-то расписные такие бывают. Поэтому и узнаём их. И лодье ихней всякой имя живёт, как бы человеку примерно: Зосима бы тебе, Савватий, Александр Невский...»

Они всё ехали вдоль морского берега, и, верно потому и зашёл у них разговор о рыбе. Да и как было помору-трескою не сказать о треске:

« – Больно, ведь, хороша она, свежая-то: сахарина, братец ты мой, словом сказать! Нам так и мяса твоего не надо, коли тресочка есть – верно слово! У вас там, в Расее-то, какая больше рыба живёт, на Волге-то на твоей?»

Ну, а писатель, думается, не случайно в тот день оставил такую запись:

«Архангельские поморы до того любопытны и подозрительны, что во всякой деревне являются толпами и в одиночку опрашивать всякого, куда, зачем и откуда едет, и всякою подробностью жизни всякого нового лица интересуются едва ли не больше собственной. В этом поморские мужики похожи на великорусских баб...»

Так за разговором они всё и ехали до самой Солзы.

Присловье бедного села

Точная дата основания селения Солза неизвестна. Однако мы знаем, что ещё в 1772 году на морской берег здесь высаживалась группа академика Ивана Ивановича Лепёхина. Прибыл он сюда на гребной шняке, которую, как и солдат-гребцов, выделил им архангельский губернатор. Учёный же тогда записал: «в Солзе 62 крестьянина и одна церковь»...

К слову, сегодня той церкви нет – лет двад-

цать, как её разобрали, что называется, по брёвнышкам, чтобы перевезти и собрать уже на новом месте – на въезде-выезде островного микрорайона Северодвинска. На прежнем же её месте стараниями солзян установлен памятный крест...

Описание Солзы Сергеем Васильевичем Максимовым тоже стоит привести и даже полностью – оно наверняка заинтересует, скорее даже позабавит современного читателя:

«Мы ехали недолго и, стало быть, немного, когда под нашими ногами, под горой, раскинулась неширокая река Солза, а по другую сторону – небольшое селение того же имени, с деревянной церковью. Надо было переезжать на карбасе и тащить свои вещи пешком с полверсты для того, чтобы взять новых лошадей и поверить личными расспросами ту поговорку, которая ходит про солзян, и по смыслу которой, будто они, выходя на морской берег, к устью реки своей, и видя идущую морем лодью, говорят на ветер: «Разбей Бог лодью – накорми Бог Солзу». Настоящий же смысл этого присловья оказался таков, что Солза, находясь на довольно значительном удалении от моря, на реке, в которую только осенью (и то в небольшом количестве) заходит сёмга, живёт бедно, живёт почти исключительно, можно сказать, случайностями: или тою же починкой разбившейся о ближайший, богатый частыми и значительными по величине песчаными мелями, морской берег, или ловлею морского зверя – белухи, которая только годами заходит сюда. Хлебопашество в Солзе так же незначительно по бесплодию почвы и суровости полярного климата и вообще деревушка эта при наглядном осмотре гораздо беднее многих других».

Возможно, и бедна была Солза, может, и застал её Сергей Васильевич Максимов не в самое лучшее время, но в изоляции от мира, конечно, не жила. Мне в связи с этим почему-то не раз вспоминалось, как старая жительница села Лидия Ивановна Тетеревлёва увлечённо рассказывала о своей случайной находке в огороде – монете времён Петра I...

Железом по природе

Железная дорога здесь изначально появилась в связи со строительством Молотовска (так назывался Северодвинск до 1957 года, – Прим. О.Х.), когда стала проблема доставки песка, который решили добывать у Солзы. Это уже потом, в послевоенные годы линия дошла до поморского села Нёнокса, где ракетчики обживали испытательный полигон. А до того стальные пути упирались в карьеры Сол-



зы. Там же, ещё до войны, обустроили небольшой шпалозавод. По воспоминаниям одного из строителей дороги Бориса Михайловича Аристидова, которому поручили изначальную разработку проекта и разбивку будущего полотна, особенно много хлопот здесь доставили глубокие, с заболоченными берегами, протоки, а также капризные извилины речек Кудьмы и Ширшемы. Но с болотами и протоками справился рефулёрный песок, а с речками – два деревянных моста. Хотя с ними, к слову, позже возникли проблемы – слишком близко к морю их поставили, и особо злобные осенние шторма стали размывать железнодорожную насыпь. С 1967-го по 1970-й год из-за этого пришлось «корректировать» маршрут дороги и строить новые мосты – уже дальше от ворчливого Белого моря, вглубь материка.

Не лучшим образом сказались железная дорога и на местной экологии. С разработкой карьеров и шпалозавода сосняки вырубали, а пострадали от этого не только пейзажи – песок дюнами двинулся к деревне.

И даже тогда между Северодвинском и Солзой какое-то время ещё оставался ещё небольшой участок живой природы, с изобилием перелётных птиц. Известный краевед, основатель отдела Географического общества СССР в Северодвинске Марк Васильевич Пуссе вспоминал:

«В середине пятидесятых, когда болота вокруг Молотовска кишели куликами и утками, не существовало никакой зелёной зоны, охотились прямо у городских окраин. В начале

августа тогда открывалась охота, хлопки выстрелов были слышны чуть ли не в центре города. Там же, где располагалось охотничье угодье, в несезонное для охоты время местные совхозники пасли скот и лошадей». Однако с начала 90-х и эту территорию принялись рьяно «оккупировать» дачи, которые затем просто «въехали» с окраин на территорию села. И тогда природной элегии на Солзе окончательно пришёл конец – всё по сценарию превращения поморского села в дачный пригород. Мне довелось застать тех, кого, образно говоря, можно называть «последними из могикан».

«Как выжили, не знаю...»

Ираида Иосифовна Барбушенко – одна из них. В своё время она поделилась воспоминаниями, а моя коллега – Татьяна Букурова тогда же «взяла их на карандаш». Рассказ Ираиды Иосифовны получился незатейливым, чрезвычайно сжатым, возможно, кому-то он покажется сумбурным и обрывочным. Но читал-перечитывал его, и всякий раз думал – он служит свидетельством судьбы северного крестьянина, который жил-выживал в полное великих потрясений, а потому очень противоречивое двадцатое столетие. Прочтите и вы:

«Жила наша семья своим трудом, было у нас восемь детей, корова, лошадь, овцы. Деревня была большая – более ста дворов – это с маминых слов. До революции Солзу считали небедной. Реку нашу называли золотым дном:



много было сёмги, а ещё в ней добывали жемчуг. Тем и жили мы, солзенские, и пришлые – из деревни Кудьма...

Мама моя поступила, было, в гимназию в Архангельске, да её отец не дал учиться, сказал: «Писать-считать умеешь – и хватит. Отдаём тебя замуж...». Жених её только что пришёл из армии, где служил в Петербурге во дворце у царя в кавалерийском полку. Служил долго, до тридцати четырёх лет. Были у него две медали: одна серебряная, другая золотая. Серебряную потом украли, а золотая, где-то потерялась. Зато каким-то чудом сохранились грамоты. Одна с портретом царя, царицы и первой их дочери. И другая, данная отцу по поводу смотра Лейб-гвардии Кирасирского полка его величества. На ней царь уже со всей семьёй. Подписано и послание от самодержца, чтоб хорошо Россию защищать. И дата указана – 22 февраля 1906 года...

Мама вспоминала такой случай времени Гражданской войны. «Белые», а скорее всего английские интервенты, бежали от Красной армии и остановились у нас и в других избах деревни. У нас, видно, начальство стояло – офицеры всё на карты смотрели. А как напились, стрелять начали, опрокинули буфет со всей посудой да потолок прострелили – и по сей день память осталась. Мама беременная была, грела им самовар, картошку варила да плакала, жалко было добра нажитого. Постояльцы, как протрезвели, ей обещали, что в Архангельске в посольстве оплатят убытки, которые они нанесли, и написали справку

по-английски. Да конечно, никто и ничего нам не вернул. Кому в то время было дело до вражеской справки?!

А после Гражданской «раскулачка» наступила – раскулачили тогда в Солзе два дома. Один ничего был, а другой бедный, но там хозяйка наняла мужика напилить дров – ей сказали: «эксплуатация»...

В 1939-м на Солзе построили шпалозавод, шпалы нужны были стране. Вот и вырубил вокруг деревни весь лес, да и песок вывезли. Иными словами – разорили Солзу. Старикито берегли деревню, ближний лес не рубили, ведь он защищал от моря. Брат мой поступил работать на этот завод, и стали мы жить получше, да только перед войной сгорел завод. Потом, когда стал строиться Молотовск, много народу туда уехало из нашей Солзы...

У нас в семье сестра Тоня была животноводом в колхозе, а Лида – агрономом – растила капусту. А брата, как началась война, забрали в армию. Был он сначала юнгой на Соловках, потом отправили его Волгу защищать. Служил он водолазом, и после войны ту же Волгу очищал от затопленных кораблей и барж. А сестру Лиду ещё раньше призвали на карело-финскую...

Нам в деревне в те годы тяжело приходилось. Все должны платить налог государству – 500 рублей. Где деньги взять? Зарплаты-то не было, и хоть где бери. Так мы ягоды из леса продавали. А ещё ведь надо было сдавать пятьдесят литров молока да от овец шкуру, ещё мясо, яйца – всё надо отдать государству. А как самим жить, если у матери – ин-

валидность второй группы и двое детей на фронте?! Как выжили, не знаю...

На Солзе во время войны было три лагеря заключённых. Они строили железную дорогу. В одном лагере – осуждённые на сроки до семи лет, а в другом от семи до двадцати. Тех, кому двадцать лет сидеть, не очень-то на тяжёлую работу гоняли, они все сами поумирали от туберкулёза. Третий лагерь был в лесу – там те, чьи сроки шли к концу. Песок заключённые рыли лопатами, руки-то у них без «верхонек» (рукавицы. – Прим.), все в крови. Мы детьми бегали к ним, и всё видели, хотя близко к ним нам подходить не разрешали. Спустя многие годы хотела я узнать, сколько ж людей в лагерях наших сидело и сколько погибло. Но куда бы я ни писала, никакого ответа не было. Как же так? Что ж мы беспамятные такие? На том месте, где раньше часовня стояла, мы с соседом крест поставили. И батюшка из города обещался к нам приехать, да так и не сдержал своего слова...

Закончилась война, брат женился, а сёстры замуж так и не вышли. Я и брат остались с мамой. Брат, хоть был инвалидом по зрению, но работал в колхозе конюхом – лошадей любил, много жеребятков вырастил. Я пошла работать на почту, была почтальоном. С моей лошадкой мы весь Молотовск обслуживали, почту развозили. Возили и деньги в банк Пертоминска – я как сопровождающая. А позже пятнадцать лет работала телефонисткой.

Замуж я вышла за матроса. Он потом

остался служить сверхсрочно, стал мичманом. Родила двух сыновей. Здесь, в Солзе, ребята мои и в школу ходить начали. Всё у нас было: и школа хорошая, и колхоз. Это потом уж разорили деревню. Дали нам квартиру в Северодвинске, а я, как пошла на пенсию, вернулась жить в деревню. Квартиру сыну оставила. Ему за его труды на заводе никакого жилья не дали, только здоровье своё он на работе потерял.

Вот так я и вернулась в свой дом. Ему уже, почитай, два века. Конечно, нужен дому ремонт, да спасибо хоть помогли мне два раза крышу покрыть. Ну и ладно. Жить можно! А дальше посмотрим, что будет. Но, наверное, всё до конца разворуют. Вот ведь Пётр Первый всё в Россию тащил, а сейчас всё из России увозят. Разве мы будем богатыми?»...

Сохранить крупницы истории

Валентин Мефодиевич Панов – один из последних старост Солзы. Его преемнику старшинствовать почти не над кем – умерла, рассеялась местная корневая община, и живут в селе дети, внуки и правнуки, не заставшие крестьянского уклада. Валентин Мефодьевич памятливы, даже на, казалось бы, незначительные детали, слово его ценно и может увлечь. А ещё у него руки труженика – и в самом деле, он знает, каков вкус здешнего хлеба. Война ему не запечатлелась – был слишком мал, вот первое десятилетие после неё помнится живо – песчаные карьеры и лагерь заключённых,



рыбный промысел и крестьянские будни. Когда подросток, подался в город – учился, работал монтажником на местном гиганте судостроения. Село, где оставалась мать, не забывал – всякий выходной приезжал, чтобы помочь ей с бытом и хозяйством. Когда сам вышел на пенсию, пытался, было, осесть в Псковской области. Не вышло – тянуло домой. Вернулся. Он из тех, кого нет-нет, да будоражит печальная мысль – не должна Солза исчезнуть, должна остаться, пусть в старых документах и снимках. Таких обычно зовут краеведами – собирает Валентин Мефодьевич крупницы истории своего села, где как во многих северных деревнях сплошь «родня»: Пановы, Шестаковы, Поповы, Маклаковы... Для городского ли музея они или пытливого архивиста, а может, ещё проще – надо бы, чтоб остались хотя бы заметки на страницах местной газеты – тоже ведь след в летописи...

Чуть выше по реке

А что сказать о той Солзе, что в 11 километрах выше по течению, там, где сдерживает напор таёжных вод плотина? Она появилась после войны, когда стремительно растущий Северодвинск – центр кораблестроения на Советском Севере потребовал стабильного водоснабжения. На реке организовали водозабор. Первые годы к ней вели автодорожные гати, доступные только трёхосным «студебеккерам» и ЗИСам, сейчас проложено более-менее обихоженное шоссе.

Второй промышленный объект на реке появился чуть ниже плотины уже в середине восьмидесятых, когда потребовалось, наконец, упорядочить «сёмужий вопрос», десятилетиями не дававший покоя браконьерам. Тогда-то и решили организовать специализированное предприятие, чтобы наладить искусственное воспроизводство ценного «рыбьего поголовья». В начале 1985-го уже поднимались стены его административного корпуса и здания главного производственного цеха, которое протянулось на 144 метра. Тогда же здесь готовили к установке 12-тонные бетонные «аквариумы для мальков». И уже на следующий год в садках на самой быстрине Солзы появились первые «младенцы сёмги».

Завод, который так и назвали – Солзенский экспериментальный лососевый, успешно прошёл первую стадию освоения, обзавёлся тремя сотнями тысяч мальков сёмги. Больше того, из Калининградской области на совсем молодой завод привезли для выращивания ещё и икринки форели.

– По проекту мы должны заниматься только

воспроизводством сёмги, – рассказывали рыбоводы, – Но мы рассчитали, что сумеем, не уменьшая мощностей основного производства, выделить часть бассейнов для выращивания товарной рыбы. Форель в наших условиях – самый подходящий вид. Затем годовиков форели передадим Архангельскому рыбокомбинату. В садках, установленных в морской воде Унской губы (*если по Летнему Берегу на запад, то в 200 километрах от Северодвинска, – Прим. О.Х.*) она будет расти дальше...

Таковыми были планы. Уже через год молодёжь сёмги (5.500 экземпляров), перезимовавшую в тёплой воде рыбозавода, северодвинцы решили выпустить «взрослеть на вольные хлеба», оставив себе для дальнейшего выращивания порядка 900 тысяч мальков...

Справедливости ради скажем, что с сёмгой дело сразу не наладилось. Первые два года существования рыбоводного хозяйства означались гибелью большого количества личинок сёмги. Стали искать причину, и нашли её в несовершенстве применяемой на заводе проектной технологии. Выяснилось, предприятие строили с учётом средней полосы, а не местных условий. Поэтому встала проблема замены несовершенного оборудования...

К тому же, в 1987-м у Солзы появились новые рыбные обитатели – в реку впервые стала заходить ещё и горбуша, икру которой в своё время привезли из Магадана на Онежский рыбозаводный завод, который, если напрямки – примерно в 160 километрах от устья Солзы. А горбуша, как позже признали ихтиологи, по отношению к сёмге повела себя агрессивно и по всему Белому морю стала её вытеснять с привычных нерестилищ.

По доброй воле

Дом Валентина Мефодиевича Панова в крайнем, ближнем к морю ряду. Когда-то именно здесь шумел старинный сосновый бор, защищал деревню от ветров с неприятливого простора... Деревья принесли в жертву строительному песку – вырубил вчистую. Нынче здесь голое место и линия железной дороги. Хотя островок зелени всё же есть – он появился лет двадцать назад, когда Панов посадил молодые сосенки. Никто его к тому не обязывал, сделал он это, как говорится, для души и, думаю, ещё и в память о своём селе уходящем в века. Сосенки прижились и нынче уже радуют взор. Жаль, в те дни Валентин Мефодиевич оказался один...

Олег ХИМАНЫЧ,
морской историк

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

Пора подсчитывать грехи

Одна из главных идей тюменского подвижника Анатолия Омельчука – идея о том, что Сибирь – последний шанс неразумного человечества. Что за этим стоит?

Горжусь тем, что я – лауреат премии «Литературной России», мало того, получал эту премию вместе с Валентином Григорьевичем Распутиным.

Анатолий Омельчук

– Анатолий Константинович, вы – известный теле- и радиожурналист, медиаменеджер, много лет руководивший телерадиокомпанией «Регион-Тюмень», вы создали свыше 500 документальных фильмов и 47 книг. В этой сложной и многообразной деятельности какое место занимают литература и книги?

– Мне нет повода обижаться на жизнь, могу только сердечно благодарить за всё. Деревенское сибирское детство, мать – белорусская крестьянка, хохол-отец – пролетарский рабочий, советская дружная школа, Томский императорский университет, любимая телерадиоработа на всю жизнь, путешествия, искушения, испытания, катастрофы, кризисы, жена – единственная, дети замечательные, внуки ещё замечательнее, любовь, выпивка, окружающие женщины, мощные современники, красивое время и родина... Которая, как и жена, всегда права. Особенно, когда неправа.

Слава Богу, жизнь поворачивалась ко мне всеми своими сторонами. Жалеть не о чем. Но осознаю, что моё освоение жизни – с излишним литературным уклоном. Литература обогащает личность, но и обкрадывает: ворует нас у жизни. Моё самосознание литературоцентрично. Но это и плюс: только литература осмысливает самого человека и человека в человечестве. Других ключей к нему у человечества нет.

Так что определил Господь при литературе, приговорил к писательству – спасибо. Знак свыше заметил профессор Александр Еманов, он расшифровал мои инициалы (АО) как альфу и омегу греческого алфавита. Приговорён к буквам, словам, литературе. Неизбежно.



– Вы пишете о себе: «Я – носитель идеи Сибири. Сибирь мною говорит». В чём, по-вашему, идея Сибири, о чём и кому она вами говорит? Кто, по-вашему, главные герои и творцы сибирской истории?

– В своё время великий Михайло Ломоносов приговорил: «Россия Сибирью прирастать будет». И уже несколько веков Российская Азия принуждена оправдываться: она как бы только проросток России, азиатская добавка, не вполне полноценна, в отличие от основной России. Это не соответствует действительности. Насколько мне известно и насколько я понимаю Творца, Сибирь ментально – начальная Россия, в божественном замысле Россия всегда – от Тихого океана до Атлантики и под прикрытием Северного Ледовитого. Не было никакого приращения, присоединения, тем более – покорения. Было – воссоединение. Сейчас я работаю над книжкой «Тюменский завет», там есть глава «Сибирский путь Александра Невского». Это о хождении великого русского стратега и провидца, князя Александра Ярославовича в чингисханов Ка-

ракорум. Его сознательно забываемый сегодня мудрый подвиг определил межконтинентальный путь России. Историю Российской Империи следовало бы начинать именно с великого Александра Невского. Забывается, сознательно вычёркивается, пропускается его сибирский подвиг – хождение к Каракорум (это 1250 год). Мудрейший государственный шаг. А 1555 год при Иоанне Грозном – не присоединение Россией Сибири, а воссоединение Сибири с Россией. В моём представлении Сибирь ментально – изначальная Россия.

Даты – это, понятно, слишком мирское и человеческое, круговорот империй на планете проходит по «небесному ярлыку».

Сибирские герои моих книг – подлинные герои и творцы сибирской истории. Начнём с того же Александра Невского – Иван Грозный, царь Фёдор Иоаннович, Чингисхан, Лев Гумилёв, Василий Подшибякин, Виктор Черномырдин, Пётр Мирошников, Иван Нестеров, Константин Носилов, Александр Кастрен, Валерий Чернецов, Екатерина Прокофьева.

Мне выпало красивое время – время большого сибирского созидания: есть чем гордиться. В том числе своей причастностью.

– Россия и Сибирь: как они, по-вашему, связаны: чем были и будут друг для друга? И кто такие русские азиаты?

– Россия до сих пор недооценивает свой азиатский человеческий капитал и потенциал. Здесь же живёт не меньше сотни народов, и каждый – со своей тысячелетней историей и культурой. Невероятное богатство! Наше, российское. Какую великую книгу написала ненецкая писательница Анна Неркаги «Мудрые изречения ненецкого народа»! Это же завет последнего естественного человека самоубийственно, смертельно заблуждающемуся человечеству. Неркаги издала этот мощный завет первоначально за свой счёт всего в 30 экземплярах. А ведь её вслух надо бы читать всей Генеральной Ассамблее организации Объединённых Наций. Каких современных мощных мыслителей выдвинули сибиряки – Еремей Айпин, Баир Дугаров, Бронтой Бедюров, Владимир Санги, Юрий Вэлла.

Надо только вчитаться в их мудрое русское слово сильного сибирского корня.

Всё, что я пишу, – о родине, о Сибири, а пишу я исключительно о двух вещах: о любви и о любви к Сибири – это взгляд русского азиата. Взгляд на историю нашей великой страны из Азиатской России делает нашу общую историю полней, насыщенней, многокрасочней, масштабней и, я бы сказал, – планетарней. Европейский удел – мелковат для страны – континента.

Россия – птица. Мощная птица! Естествен-

но, с двумя крылами. Однокрылые птицы далеко не летают. Да и такому мощному государству, как гербодвуглавая Россия, надёжнее и увереннее стоять на двух ногах и летать на двух крылах.

– Как вы открывали для себя Сибирь, ведь ваши родители оказались здесь не по своей воле? Посёлок Могочино на Оби, Томск, Дудинка, Салехард, Тюмень – этапы жизни и литературного творчества?

– Да, я сын родителей – европейцев, и осознание, что я азиат в первом поколении прорастало, не быстро.

Для самомиросозерцания я придумал для себя такую версию – у человека три родителя: мама, отец и родное место. Жизнь делается надёжнее от такого осознания. Попробуйте сами.

Я родился в Могочино, упокоюсь, думаю, в Тюмени, где живу уже четвёртый десяток. Мелкая, может быть, подробность: Могочино с Тюменью тютелька в тютельку совпадают координатой северной широты. Думаете, это случайно?

Свой литературный путь я никак не строил, в литературном процессе практически не участвовал. Помню, ещё в советские времена, Евгений Григорьевич Шерман, тогдашний лидер тюменского писательского Союза, приобнял меня и шепчет на ухо:

– На своё убрать место вижу, Толя, только тебя.

Я опешил, обомлел, ужас! Как-то отговорился. Возглавлять писателей – нет, такой степени альтруизма я никогда не достигну.

Кстати, удивляюсь нынешнему лидеру тюменского СП Леониду Иванову – не подозревал, что бывают люди такого невероятного альтруизма, как он.

– Можно ли сказать о вас: писатель и путешественник? Как вы ощущаете власть пространства над своей судьбой? Ваши любимые места в Сибири и на планете Земля?

– Около своего деревянного дома я посадил тайгу. Она мощно поднимается. Особенно семь красавиц-лиственниц. Кедры и пихты набирают рост не торопясь. У елей и сосен – свой стандарт. Мастер Минсалим смастерил мне деревянного старика с обласом и мощную Золотую Бабу. Только мы с ним знаем, где прячется самая Главная тайна Сибири. Моя домашняя тайга – самое выдающееся место на планете. Мне иного уже не надо. Плюс 15 соток звёздного сибирского неба над головой.

Самое любимое – родное. Наверное, могочинские окрестности не самые взрачные места, но они как заморозили с детства, так и остаются любимыми. Сибирь в любом своём уголке хороша и выразительна. Жизнь про-

жита неполноценно, если ты не встретился с Алтаем, Саянами, плато Путорана, островом Сахалин, мысом Челюскина, Полярным Уралом, островом Белым.

Власть пространства – это когда ты осознаешь себя космической величиной, а не мелким нулём в человечестве. Вселенная твоего Я совпадает с космической Вселенной. На плато Укок или на таймырских хребтах Бырранга ты это почувствуешь особенно.

– Вы – свидетель, участник и летописец нефтегазового освоения Тюменского Севера, которое вы называете Великой Отечественной нефтегазовой эпопеей, как вы оцениваете её сейчас? Почему эта тема ушла сегодня из литературы?

Омельчук: И для литературы это хорошо. Я человек старомодных литературных привязанностей, но, сдаётся мне, в литературе тем не бывает. Это фантом. Если не произошло творческого осмысления Великого Освоения – надо ли об этом сожалеть? В литературе, как в любви, насильно мил не будешь. Юрий Гагарин стал бы настоящим романтическим героем, если бы бросился под паровоз из-за неразделённой любви к Анне Карениной? Но ведь не бросился и не стал. Если есть у литературы темы, их приблизительно три: смерть, любовь и – это я, Господи.

Моя удача в жизни в том, что я – участник Великой Отечественной Сибирской эпопеи. Для меня глубочайшим смыслом наполнены эти звуковые комплексы: Уренгой, Харасавей, Самотлор, Ямбург, Сабетта, Гыдан. Великие современники. Но вот самый запоминающийся эпизод Великого Освоения: мощная тракторная колонна монтажников по весенней тундре делает опасный манёвр-разворот, обходя кустик с гнездом какой-то полярной пичужки.

– Это того стоило? – спрашиваю усталого бригадира.

– Птичку жаль. Жалко птичку.

Суровый мастер.

Слава Богу, жизнь и творчество не обязаны пересекаться. И всегда можно заняться творчеством жизни, как говаривал писатель Михаил Пришвин.

– Ваши книги, документальные в свой основе, отличаются чрезвычайной многонаселённостью. Есть ли у вас любимые герои?

– Я очень люблю главного современного русского философа Фёдора Гиренка, кстати, он алтайский, мой земляк. Фёдор Иванович определяет человека как «галлюцинацию о самом себе». Эта формула человека творящего не оставляет творчеству документальности.

Сквозные герои у меня есть. В основном это люди творчества и люди творчества своей жизни. Анна Неркаги, Юрий Шафраник, Константин Носилов, Александр Кастрен, Еремей Айпин, Юрий Суховей, Антон Чехов, Андрей Платонов, Ксения Некрасова, Матвей Гагарин, Юрий Вэлла, Юрий Мочанов, Рим Сулейманов, Николай Заболоцкий.

Мне иногда неловко, что они вольно кочуют (или каслают) из одной моей книжки в другую. Но не отпускают. Я их искренне люблю. Это не авторы конструируют персонажей, а герои учат жизни своих авторов. Честно, наблюдаю за собой: катастрофически помудрел и успокоился.

– Вы утверждаете, что пишете в жанре книги, причём у вас есть книги традиционные бумажные, электронные (флеш-бук, целая электронная библиотека) и даже книга на кости мамонта, арт-бук. Чем объясняется ваше пристрастие к форме книги?

– Размышление. Созерцание. Молитва. Медитация. Чтение. Самые интимные моменты в жизни человека. Чтение – интимнейшее. Читателя уподоблю музыканту, которому вольно сыграть ваш опус гениально или бездарно. Как завладеть сердцем этого капризного музыканта? Помните форму скрипки? А виолончель... Книга должна быть приятной на ощупь и соблазнительной, как зрелая женщина. Твой труд – это же не проходная вещьца. Пять моих книг иллюстрировал гениальный Геннадий Райшев. В книгах «Любовь всегда ошибка» и «Я целую твой голос» он превзошёл и самого себя, и великого Модильяни. У меня гениальный дизайнер Виктор Головков, талантливый издатель Юрий Мандрика, чудовищно талантливый рисовальщик Александр Кухтерин. Я первым в Сибири издал автоаудиокниги «Река возвращается» и «Я целую твой голос». Безумный мастер Минсалим на страницах из бивня древнего мамонта написал мою лаконичную «Книгу слов». «Последний в очереди за поцелуем» (2006) в инфографике Юрия Мандрики по существу – первая сибирская книга-блог, хотя в этом интернет-деле мои познания около нуля.

«Книга Сибири» (2021) – закономерный предварительный финал, электронная книга-библиотека (47 моих книг). Ни с чем не сравнимая, скажу – Книга Книг. Сергей Симаков (издательство Тюменского государственного университета) конкурентов не знает, правда, и последователей тоже. И почти самое главное: вес Книги Книг всего 200 грамм. А вообще-то я пишу и весомые, и увесистые книги.

Жанровое определение написанного и изданного – это хлеб литературоведов и участь профессиональных литераторов. Настоящий боль-



шой писатель – сам себе жанр. Великая книга Чехова «Остров Сахалин» – какого жанра? Когда писатель задумался о жанре – он пропал. Писание – это дыхание. Пока пишу, пока дышу – надеюсь. Моё писательское дыхание – короткое. Но, надеюсь, лёгкое. Лично мой жанр – Книга. Я пишу в таком жанре – книгами. По крайней мере весь 21 век.

Возможно, поэтому у меня столько «книжных» названий. «Книга Ямала». «Тюменская книга». «Сибирская книга». «Книга слов». «Книга Севера». Та же «Книга Сибири». Правда, о буйстве авторской фантазии это вряд ли свидетельствует, зато точно и по существу. Да и лишнее напоминание о книге на её обложке сегодня ей не помешает.

– Одна из главных ваших идей – идея о том, что Сибирь – последний шанс неразумного человечества. Что за этим стоит?

Омельчук: Сибирь – во-первых, прародина человечества, сибирская колыбель землян. Один из моих самых любимых героев – якутский археолог Юрий Мочанов стопроцентно это ещё не доказал, но, уверен, докажут его ученики и последователи. Место это на Диринг-Юряхе, в самом загадочном по красоте месте планеты – Ленских Столбах.

Сама Сибирь юна и неосторожна, как целомудренная девушка, но учит смелой мудрости.

Я не знаю, как сформулирована Творцом планетарная миссия Сибири. Но знаю очевидно, что у Сибири – особая миссия на планете. Полагаю, спасительная: Сибирь, если потребуются, спасёт и Россию, и человечество.

– Все ваши книги объединяет мысль «Чудо человека на Земле. Ты существуешь на этой земле как чудо». 2020 год изменил ли что-то в вашем представлении о судьбах человека?

Омельчук: Что мы видим перед вызовом пандемии? Мир притормозил. Сумасшедший бег резко приостановлен. Стремление вперёд уткнулось в твёрдую стену. Чем жил мир? Идеей движения и непременно – вперёд. Какие термины определяли стимулы человечества? Развитие. Рост. Прибыль. Выгода. Прогресс. Идеей прогресса освящены все виды человеческой деятельности. Выше! Быстрее! Дальше! Вперёд! Наука. Бизнес. Экономика. Спорт. Преступность. Финансы. Больше! – больше!! – больше!!!

Кроме одного вида человеческой деятельности. Творчества. Творчество не знает прогресса. Наскальный рисунок и шедевр Модильяни, образы Шекспира и Чайковского – равноценны и единовременны. Творчество знает только совершенство и стремление к совершенствованию. Но совершенствование – это не «вперёд». Это вглубь.

Мне нечего предложить посткарантинному человечеству. Но, сдаётся, альтернатива развитию всё-таки есть: совершенствование. На примере обычной человеческой жизни: что есть путь развития вперёд? Только смерть. Развитие и прогресс для человечества – неизбежная смерть. Но мы же не желаем этого родному человечеству? А если поискать альтернативу в копилке нажитых и обрётённых человеческих ценностей? Притормозили? Остановиться.

Оглянуться. Творчески осмыслить. Безумное стадо, стремительно бегущее в неизбежную пропасть? Или бездна – наше спасение? Что нам пророчил первый русский поэт великий Михайло Ломоносов?

Открылась бездна, звёзд полна;

Звёздам числа нет, бездне дна.

Спасительная звёздная бездна.

У меня есть книга «Високосный год». Это 2012 год, когда объявлялся очередной конец света. Может, его передвинули? Нынешний високосный год тоже похож на его планетарную репетицию. Есть о чём глубоко, сдерживая предсмертный кашель, задуматься.

Под оголтелое улюлюканье похоронили коммунизм, безумный капитализм на издыхании, либерализм вырождается, консерватизм преследуется как архаика, христианские ценности, сдаётся, порушены окончательно.

Человечеству нечем жить. Это не кризис идей, не кризис мировоззрений, не экономический кризис, а всё вместе – кризис человечества. Похоже, у человечества сегодня нет формулы: как будем жить дальше. Как получится – если получится.

Может, Китай что-нибудь придумает. Хочешь жить по китайской формуле?

Мы, моё великолепное поколение, уходим вовремя. Видимо, всё же Бог есть: он выделяет человеку исключительно и именно то время, которое ему по душе. Родное время. Ведь и время мы можем любить, как любим родное место. Наверное, об этом моя книга «Какая красивая эпоха!» – 100 интервью с сотней моих симпатично талантливых современников. Да и книга «Ваш современник по человечеству», кажется, об этом. Божественно справедливо – каждому своё время.

– Вы не раз говорили о себе как о человеке реки, а одна из главных ваших книг называется «Река возвращается». Куда и зачем возвращаются реки?

– Возможно, великодушно допускаю, что я, написавший 47 книг, автор всего одной, единственной книжки. Именно этой. Я очень трепетно отношусь к знакам препинания. Ко всем. У меня с ними, если не интимные, то индивидуальные – в грамматические нормы не укладываемые – отношения. Особенно мне льстит моё собственное открытие: отсутствие точки.

река возвращается

– Какую из 47 созданных вами книг вы считаете главной и почему?

– Мой любимый Андрей Платонов гениально заповедовал: Пиши каждую строчку как последнюю.

Заканчивался мой седьмой десяток лет, и я себе сказал: хватит утруждать читателей и пе-

реводить сосновые боры. Недели три сам себе верил. Потом – год за годом – написалось ещё пять книг. Я что, должен был сделать аборт? Я книг не пишу, я их рожаю, точнее, – они у меня рождаются.

Главных и любимых не выделю. Но в этом голу переиздал книгу «Река возвращается», полный вариант. От большей полноты она, наверное, стала слабее, но всё как у полноводной реки: течение послабее – воды помощнее.

Именно благодаря этой книжке я сам себе поверил, что я настоящий писатель, не член Союза, а коллега по детству-отрочеству-юности Толстому, Чехову, Гарину-Михайловскому и даже Максиму Горькому.

Мне как-то признался один сибирский родственник после чтения «Реки возвращается»:

– Ревел. Читал – ревел от души. Толя, да это же я, а не ты.

Суровый человек, таёжник, рыбак, жизнь несладкая.

Но в этом, может, сыромятная правда писательства: написать не точно и красиво, а чтобы другая душа напряглась, вздрогнула, растревожилась и пуще того: увелась.

Назову единственную свою поэтическую книжку, издал её в 60 лет – «Я целую твой голос».

Издal сдуру, задним числом. Никогда не считал себя поэтом, рифмовать не умею, к священной миссии поэтического цеха никакого отношения не имею. Это то, что пролилось, как нечаянные слёзы, написалось само, произошло. Звонит однажды старый профессор :

– Омельчук – это твой?

И наизусть:

Уже не пишутся стихи.

Уже не жду звонка и чуда.

И чисто вымыта посуда.

Пора подсчитывать грехи.

Что-то же нашёл?

И вспомню книгу рассказов «Рисунок ветра на воде» с моими любимыми картинками всей жизни.

– Вы утверждаете, что под конец жизни вам удалось перейти из общего хаоса в хаос собственный. Изменило ли это ваше представление о литературе?

– Я всё чаще задумываюсь, почему в моей жизни литература играла такую большую роль. Удивляюсь, но не отступаю. Литература не только осмысляет человекочеловечество, она может уберечь его от окончательной гибели. Спаси. Та настоящая литература, которая не поддаётся интеллектуальным алгоритмам, а создаётся по божественному произволу вдохновенного творчества. Шанс есть.

Беседовала Наталья ДВОРЦОВА

Леонид ТАТАРИН

НЕВЕЗУЧИЙ КАПИТАН

«Крепкая, зараза!»

Когда на других судах, работавших в Антарктике, узнали, что БМРТ «Кольцов» организовал увольнение в порту Грютвикен, как в обычном иностранном порту, некоторые капитаны начали подшучивать – тоже нашёл себе иностранный порт! Пустой, дикий остров, давно покинутый китобоями. У полуразрушенного причала стоят три старых китобойных судна, одно из которых почти утонуло. На берегу несколько десятков деревянных домиков, деревянная церковь, два бывших завода по переработке жира и мяса китов, несколько штабелей, в которых сложены листы корпусной стали, запчасти для заводов – всё это брошено в 1965 году, когда Англия подписала Конвенцию о запрете охоты на китов. Советская китобойная флотилия «Юрий Долгорукий» работала здесь последний рейс, но в порт Грютвикен никто из наших китобоев не заходил. Заход «Кольцова» был первым в 1975 году. Через неделю попросил разрешение на заход в порт за водой калининградский БМРТ «Лев Толстой». Капитан Альберт годом раньше уже заходил в этот порт, так что начальник экспедиции все инструкции перед заходом свёл к стандартному: «Вы уж там смотрите, чтобы всё было нормально!» И ответ капитана был соответствующий: «Плавали! Знаем!»

На третий день с «Толстого» полетели в эфир истерические крики: «Помогите! Спасите!» В Калининград и в Порт-Стэнли на Мальвинские острова пошли аварийные радиogramмы: «Шесть человек отравились неизвестной жидкостью. Двое скончались, четверо потеряли зрение». Начальник экспедиции потребовал от капитана подробного доклада.

Во время радиосовета капитанов выяснилось, что сразу после швартовки в порту Грют-

викен, капитан разрешил всем желающим, не занятым на вахтах и работах, свободно гулять по острову. Не группами по три человека с назначением старшего из числа комсостава, под расписку в журнале увольнения, а по желанию каждого моряка – как Бог на душу положит.

Нашлись желающие пошарить в домах, покинутых китобоями. Один из моряков, старший повар, обнаружил в одном из домов десятилитровую бутылку с прозрачной жидкостью. На этикетке была надпись на английском языке, которую повар не понял, но, понюхав, решил, что в бутылке спирт. Тайно притащив бутылку на судно в свою каюту, он решил устроить праздник, хотя некоторые сомнения у него всё же оставались. Сам пить сразу не стал, а позвал первого встречного матроса, большого специалиста по части выпивки:

– Выпить хочешь?

– Кто же не хочет?

Для проверки хозяин налил немного, но гость обиделся:

– Лей полный стакан, чего жадничаешь? У тебя же полная бутылка!

Возразить было нечего, не мог повар признаться, что хочет использовать гостя в качестве подопытного кролика. Налил полный. Матрос одним взмахом опрокинул жидкость в рот:

– Крепкая, зараза!

И пошёл по коридору, по пути шепнув встречному товарищу, что у повара много спирту. Тот сразу забежал к повару:

– Налей и мне! Да не жадничай!

Повар налил и этому полный стакан и начал наблюдать за ним, когда тот пошёл по длинному коридору. До конца коридора подопытный не дошёл. Упал. Повар решил, что по полному стакану на человека будет слишком много.

Когда зашли ещё четверо, им он налил грамм по пятьдесят. Но сам пить не стал, решил посмотреть, как себя чувствуют те, кто выпили первыми. Когда он подошёл к матросу, который упал в коридоре, то увидел, что тот извивается в страшных муках. Забежав в каюту ко второму матросу, увидев того лежащим на палубе без сознания – испугался – до него дошла страшная истина! Начал звать людей. Позвали судового врача, доложили капитану. Через несколько минут оба моряка, выпившие по полному стакану, скончались в жутких мучениях. Капитан и врач начали выяснять, кто ещё пил «спирт». Нашли их – все четверо ослепли.

Один из помощников капитана прочитал надпись на бутылки с жидкостью: «Жидкость для тормозных систем тракторов».

К концу марта погода в районе промысла у берегов острова Южная Георгия начала заметно ухудшаться, китобой ушли на север, поближе к тропической зоне, так как при волнении моря больше пяти баллов охотиться на китов практически невозможно. Нашим траулерам по правилам техники безопасности тоже запрещалось работать с тралом при такой волне, но мы продолжали ловить даже при волне 8-9 баллов, особенно под прикрытием берега, так как рыбы и криля становилось всё больше и каждое траление приносило до тридцати и больше тонн.

На китобазе «Юрий Долгорукий» был хороший госпиталь, много врачей, но он был далеко, и «Лев Толстой» вынужден был сдавать своих больных в Порт-Стэнли на Мальвинские острова.

У хороших моряков такого не бывает

В конце апреля наше рейсовое задание было уже выполнено. В трюмах осталось свободной ёмкости на 150 тонн. Хорошо начала ло-

виться рыба ледянка. Морозили до пятидесяти тонн в сутки. Как-то меня вызвал на связь по радио капитан БМРТ «Турмалин»:

– Что это твой штурман хулиганит? Залез прямо под нос – чуть тралами не сцепились. До аварии недалеко!

Сразу разобрался в ситуации – действительно, виноват наш штурман. Приказал рулевому резко отвернуть в сторону. Обстановка разрешилась. Пришлось извиняться:

– Александр Васильевич, извини, пожалуйста. С кем не бывает?

– У хороших моряков такого не бывает! – и прекратил связь. Пришлось, как говорят, утёреться молча.

Через несколько дней среди ночи срочное сообщение – БМРТ «Турмалин» намотал трал на винт в районе промысла к северо-западу от острова. До порта Грютвикен 230 миль. Вызывает меня начальник экспедиции:

– У тебя план выполнен. Надо отбуксировать «Турмалин» в Грютвикен. Там аквалангисты помогут снять намотку.

Пришлось досрочно прекращать промысел и бежать на выручку. Завели буксирный трос. Но тут капитан «Турмалина» потребовал тащить его не в Грютвикен – слишком далеко, а в бухту Розита-Харбор на северном берегу острова Южная Георгия, до которой рукой подать.

– Намотка небольшая – просто трал лежит на лопастях гребного винта. Поставите меня на якорь, спустим шлюпку, и я сам сниму трал с винта багром. Это займёт гораздо меньше времени.

Изучив описание бухты Розита по лоции, начальник экспедиции согласился с доводами капитана «Турмалина» и, хотя я возражал и настаивал на буксировке в Грютвикен, приказал тащить его в это ближнее укрытие. Сама бухта в диаметре чуть больше мили (около двух километров), почти круглая. От южных



ветров защищена горами высотой до 1200 метров. Глубины в бухте до 500 метров. Но у западного берега неширокая песчаная отмель – хорошая якорная стоянка. Вход в бухту шириной метров сто, глубины около 25 метров. Ветер был южный баллов 7-8 и практически не мешал нам заходить. Завели мы аварийное судно туда без приключений, сами собираемся рядом стать на якорь. Увидели, что «Турмалин» спустил шлюпку, и моряки пытаются баграми зацепить куски трала под кормой. В это время ветер резко изменил направление с южного на западное. От южного ветра бухта была хорошо защищена горами, но с запада в горах было ущелье, высота которого не более 300 метров. И в это ущелье ветер, усилившись до урагана, задул, как в аэродинамическую трубу.

Якорь «Турмалина» пополз по грунту, и капитан закричал по радио: «Якорь ползёт! Срочно бери меня на буксир!» У восточного берега бухты из воды торчали острые скалы. Ветер нёс наши суда прямо на них. Размышлять было некогда. Мы срочно начали заводить буксир, а «Турмалин» в это время выбирал свой якорь. Пока у него на баке крепили буксир, мы не могли работать вперёд – сильным порывом ветра нас развернуло влево. И пришлось пройти по корме «Турмалина», чтобы увести его от скал в сторону выхода из бухты в открытое море. Буксир обернулся одним шлагом (витком) вокруг якорьцепи,

которую «Турмалин» не успел выбрать полностью. В воде осталось около двадцати метров цепи вместе с якорем. Очень боялись, что на выходе якорь зацепится за грунт и буксир может оборваться. Но всё обошлось. Пока шли близко от берега, волны были не очень большие, а вот когда отошли 9 кабельтов, волна стала крутой и так начала швырять оба наших траулера, что буксир оборвался.

Ветер был западный, а береговая линия в этом месте понемногу склонялась к югу, и аварийное судно унесло бы в открытое море, но точно на линии дрейфа на расстоянии 14 кабельтов находилась скала. «Турмалин» отдал оба якоря, и дрейф прекратился – вытравили обе якорьцепи на всю длину по 250 метров. Начали снова заводить буксир. Третий штурман, Слава Никифоров, притащил линемёт. В комплекте было 4 линя по 400 метров и 4 ракеты, которыми этот лить можно подать на аварийное судно. Но из четырёх линей три оказались рваными. Видя, что Слава собирается пускать ракету из линемёта, прижал его к животу, я еле успел его поправить – держи сбоку, а то оторвёт тебе что-нибудь. Слава крутанулся как волчок, но лить точно попал на «Турмалин», несмотря на ураганный ветер. Завели буксир с капроновыми амортизаторами, подсоединили ваера, вытравили метров пятьсот, начали буксировку – снова обрыв.



А по радио истерика: «Не отходите от нас – на судне начнётся паника!» С «Турмалина» сообщили судовладельцу о своей беде, дали сигнал SOS. Из порта Стэнли с Мальвинских островов вышел спасательный буксир. Но ему идти к нам пять суток. Пока мы раз за разом заводили буксирный трос на аварийное судно уже без линемёта, а привязывали на трос пустые металлические бочки, начальник промышленного района по радио уговаривал капитана и стармеха не паниковать, а пытаться найти выход: «Крутите главный двигатель даже на аварийных режимах вперёд – назад, пытайтесь дёргать ВРШ (гребной винт регулируемого шага) в обе стороны, может быть, удастся размотать намотку». Из Калининграда пришло приказание швартоваться к «Турмалину», снимать людей любой ценой. Но о швартовке не могло быть и речи – у нас не было кранцев, а суда швыряло волнами, как щепки.

Так в сплошном дурмане прошли двое суток 29 и 30 апреля. А ветер не утихал. Из Калининграда требуют снимать людей. Первого мая, когда мы с начальником экспедиции уже приняли решение: если оборвутся якорьцепи, то будем, даже с риском побить свой корабль, подходить носом к корме «Турмалина» вплотную, чтобы люди по несколько человек перепрыгивали к нам на борт в момент удара корпусами. Но вдруг заметили, что якорьцепи, до этого сильно натянутые, повисли. Первая мысль – оборвались! В это время по радио услышали: «Есть ход! Удалось развернуть ВРШ! Выбираем якоря!» Хотя ветер и не утихал, но «Турмалин», выбрав якоря, сумел своим ходом немного отойти к северу, и его пронесло мимо скалы. Развернувшись, малым ходом он пошёл в Грютвикен. Там английские аквалангисты помогли ему снять с винта остатки трала, и судно пошло домой.

Мы тоже снялись с промысла, и пошли в порт Дакар для подмены экипажа.

Праздник 9-го мая в Атлантике

По мере удаления от Антарктики погода начала заметно улучшаться, становилось теплее. Во время перехода нам пришлось праздновать 30-летие Победы. В нашем экипаже оказалось десять ветеранов Великой Отечественной войны. Для этого праздника я хранил ещё с берега килограммовую банку чёрной икры. Ящик коньяка, полученный вместе с продуктами из Буэнос-Айреса, тоже был выставлен на праздничный стол. Повара постарались – стол был великолепный. Но всех удивил наш гидроакустик Гена Драпей, который при-

ташил полное ведро – около десяти литров прекрасно приготовленной красной икры ледяной щучки! Повариха поставила каждому ветерану по стопке блинов! Тут уж моя чёрная икра оказалась на втором плане. Праздник прошёл исключительно весело и красиво. Обычно молчаливый старпом, Яков Тимофеевич Дубровин играл на гармошке фронтовые мелодии, рассказал, что он служил в одном отделении с Александром Матросовым и был с ним рядом, когда Матросов грудью закрыл амбразуру фашистского ДОТа, спасая своих друзей. Рулевой матрос Василий Иванович Галкин рассказал интересный эпизод из своей боевой биографии:

– Когда наши войска взяли Кёнигсберг, то в сторону Пиллау пробиться с ходу не удавалось. Два дня не могли выбить фашистов из окопов, которые перекрыли путь на окраине в районе нынешнего посёлка Космодемьянский. Наша рота была в первом эшелоне – впереди только фашистские окопы. Наконец командир роты сообщил по цепи, что будет мощнейший артиллерийский выстрел, ровно в 06:00 мы должны выскочить из наших окопов и с криками «Ура!», непрерывно стреляя из автоматов, занять немецкие окопы. Сверили часы. Начался ураганный обстрел немецких позиций. Как только он прекратился, командир роты с криком: «Вперёд! Ура! Хенде хох!», выскочил из окопа и побежал в сторону вражеских окопов. Я, находясь рядом с ним, тоже выскочил, побежал вперёд с криком «Ура!», тоже стреляя на ходу из автомата. До вражеских окопов было метров сто. Подбегая, мы увидели, что немцы выставили белые тряпки и с поднятыми вверх руками начали вылезать из окопов. Оглянувшись назад, а за нами никто не бежит! Мы с командиром только вдвоём! Командир тоже заметил это и прокричал мне: «Ори погромче и стреляй над головами фрицев!» Я с перепугу, начал орать изо всех сил: «Руки вверх, гады! Всех перестреляю!» И разразился такой матерщиной, какой раньше никогда не ругался. Немцы вылезли без оружия и послушно построились в колонну. Всего их оказалось 74. Мы с командиром встали по сторонам колонны, и повели их к нашим. Тогда только остальные наши выскочили из окопа и помогли нам. Командира за эту атаку наградили Золотой звездой Героя. Мне дали только орден Красной Звезды. Если бы я знал немецкий язык и кричал «Хенде хох!» – может быть, и мне дали бы Золотую Звезду?

Остальные ветераны тоже рассказали много интереснейших эпизодов из своей военной молодости, пели фронтовые песни, вспоминали боевых друзей, совершенно забывая, что



работа рыбака всегда была такой же тяжёлой и опасной, как и фронтовая жизнь.

Но с каждым годом работы в море в составе экипажей становилось всё меньше моряков, которые принимали участие в Великой Отечественной войне.

Опять ЧП на БМРТ «Лев Толстой»

В службе мореплавания услышал, что капитан Альберт опять вляпался в грязную историю.

Во время перехода из Антарктики в Калининград ему разрешили зайти в один из портов на Канарских островах, на три дня для отдыха экипажа, закупки продуктов, пресной воды. Но свободных причалов в этом порту не оказалось, и лоцман ошвартовал «Лев Толстой» к борту танкера, который в своих танках (цистернах) доставил в этот порт груз хорошего испанского вина. Кто-то из моряков быстро разведal, что груз вина уже сдан, но в танках всегда остаётся небольшое количество груза – насосы не могут выкачать всё досуха. Альберт пригласил к себе в каюту капитана танкера и попытался договориться, чтобы его моряки «зачистили» танки от остатков вина. В это время в каюту капитана принесла кофе молодая, красивая буфетчица. Испанец сразу предложил: «Отпусти эту красавицу ко мне на пару дней, и можете забирать остатки вина из судовых танков». Красавица с удовольствием согласилась.

Моряки постарались – набрали вина полные вёдра.

Буфетчица, вернувшись на своё судно вечером на второй день, повесилась в своей каюте.

Комиссия парткома, которая пыталась разобраться в этом диком случае, пришла к выводу – самоубийство на почве депрессии после длительного, тяжёлого рейса.

По случаю с отравлениями шести матросов дело тоже ограничилось строгим выговором капитану и первому помощнику....

В Норвежском море

С капитаном Альбертом наши пути пересеклись через четыре года. Когда я учился в КВИМУ (Калининградское высшее морское училище), на два месяца летних каникул мне предложили перегнать транспорт «Тереховск» из Калининграда во Владивосток. Только начал принимать дела и обязанности капитана на этом большом корабле, как неожиданно ко мне прибежал штурман из службы мореплавания «Тралфлота»:

- Вас срочно вызывает главный капитан!
- Закончу принимать транспорт и приду....
- Приказано прекращать.

Пришлось извиняться перед капитаном, который сдавал мне судно, чтобы через пару дней улетать в заграникомандировку на три года.

Прибыл в «Тралфлот». Главный капитан мне объяснил:

- На БМРТ «Лев Толстой» заболел капитан.

Надо его подменить. До конца рейса осталось два месяца. Завтра вечером в Норвежское море выходит БМРТ «Радищев» – на нём надо выйти и заменить Альберта. Возвращение домой в начале сентября – на учёбу успеешь...

Через неделю мне пришлось в Норвежском море на шлюпке перейти на борт БМРТ «Лев Толстой». Оказалось, что капитан Альберт не дождался меня и, бросив все документы, перешёл на судно, идущее в Калининград. Капитанский акт о приёме дел и обязанностей мне пришлось принимать у старпома, который не хотел передавать мне дела, надеясь, что ему самому удастся занять должность капитана-директора.

В первый же день, подписав все акты и доложив радиограммой в Калининград, я собрал судовой совет с одним вопросом – почему все БМРТ, работающие рядом, ловят рыбу по потребности, выполняя план на 150-200 процентов, а «Лев Толстой» даже половину суточной нормы не может выполнить? Чётко и прямо мне сразу всё объяснил старший механик Анатолий Андреевич Шумилин:

– Капитан постоянно находился «в депрессии». Когда к нему ни зайдёшь, он всегда сидит в кресле за рабочим столом, закутавшись ватной стёганой телогрейкой, в руках у него термометр и сразу обрывает вопросы: «У меня температура плюс 37,3 – я болен».

В это время вахтенный штурман позвонил по телефону, что выбрали трал – улов две тонны. Работавшие рядом БМРТ имели уловы по 30-40 тонн за час траления. Не пытаясь продолжать траления, мне пришлось по радио договориться с капитаном работавшего рядом траулера из Клайпеды, который через день собирался уходить домой с хорошим выполнением плана, чтобы он отпустил ко мне на сутки своего мастера по добыче для проверки нашего промыслового вооружения. Погода позволяла, через час к нам на борт прибыл специалист по траловому лову. Посмотрев с кормового мостика на наш трал в момент постановки, сразу сказал:

– У вас не работают траловые доски – выбросьте их на металллом. У меня на борту есть пара отработавших рейс досок. Отдам их бесплатно – с ними будете работать не хуже других.

Подсоединив траловые доски, полученные от друзей из Клайпеды, первым же тралением мы подняли на палубу улов больше тридцати тонн.

Учитывая, что за два предыдущих месяца план по вылову не превышал пятидесяти процентов, на судовом совете мне пришлось поставить задачу – морозить в сутки не меньше сорока тонн рыбы. Моряки, смирившиеся

уже с тем, что план «сгорел», что заработка не будет, увидев, что свежей рыбой засыпаны все чаны, а следующим тралением заполнена вся промысловая палуба, воспряли духом – за оставшиеся два месяца можно всё исправить!

В это время в район промысла подошла плавбаза «Иоханнес Варес», капитан которой предложил всем желающим сдавать ему свежую рыбу, которую сами не успевают перерабатывать. Сразу договорились с ним, что будем каждый день швартоваться к ним, когда наш экипаж загружен до предела, а на промысловой палубе ещё лежит траловый мешок с уловом до сорока тонн.

Швартуемся. С «Вареса» подают огромный шланг рыбонасоса и за полчаса весь улов перекачивается в его бункеры – рыбу перерабатывали на рыбную муку. Так нам удавалось каждый день передавать по два-три улова. Только швартоваться к плавбазе приходилось по два-три раза в сутки. Когда в наших суточных сводках пошли цифры вылова не 15-20 тонн, а 120-150 и заморозка до пятидесяти тонн, с берега даже забеспокоились – наверное, увеличиваете количество, рискуя качеством?

Пришлось заставить рыбмастеров и технолога сократить время заморозки рыбы – по всем инструкциям требовалось, чтобы температура рыбы в брикетах была минус 18 градусов и только тогда рыбу можно упаковывать в картонные коробки и укладывать в трюм, где температура уже минус 25. По радио договорились с начальником производственного отдела судовладельца, что будем морозить до минус десяти, чтобы увеличить выпуск мороженой продукции, чтобы вместо плановых 23 тонн рыбы в сутки мы могли выпускать до пятидесяти и больше тонн. Нам пообещали, что нашу рыбу, если будут какие-либо сомнения, направят не в торговую сеть, а в зверосовхоз в Маманово Калининградской области. Там выращивали пушных зверьков – в сутки зверосовхозу требовалось до двадцати тонн рыбы, а оптовая цена была та же самая, как и в торговой сети в городах. Моряки с удовольствием согласились, только технолог обижался: «За снижение качества с меня спустят шкуру!»

Так до конца августа удалось выполнить план рейса по всем показателям, даже зарплату довели до вполне приличной, а по результатам соцсоревнования за август нашему экипажу присудили первое место по министерству Рыбного хозяйства среди однотипных траулеров.

О дальнейшей судьбе капитана Альберта случайно узнал от знакомых. Его уволили из «Тралфлота».

ОРОЧЕНКА

На люкче (стоянка – прим.) со стадом оленей работали женщина – жена бригадира и два молодых пастуха. Один из них, красавчик Веня, проявлял к бригадирше жгучий интерес. Она, искоса следя за мужем тёмно-коричневыми глазами, как будто серьёзно прислушивалась к намёкам о прелестях жизни на БАМе в благоустроенной квартире.

Пастухи, семейные, отпущены на Новый год в село.

Инка порывалась серьёзно поговорить, (случайно услышал, палаточные стенки не препона для секретов), но бригадир оборвал: вернись, тогда и поговорим.

Серьёзно поговорить: либо развод, либо беременная.

Бригадира потряхивало от страха. Понятно: сейчас он боится не Её! Он боится пустоты, где некого бояться, и нет Её. И ещё он боится научиться не бояться, как многие из нас, медленно-медленно умирать. Но удерживать Её не посмеет. Она достойна лучшей доли.

Сорокаградусный мороз. Ин в уголке своём, на белой шкуре, у зеркальца наводит благопристойность, хитро укладывая роскошные чёрные волосы, удобно и красиво, чуть-чуть улыбается, светясь изумительной красотой.

Увязываем толком поняги. Как помягчает

холод, мы уйдём ввысь, на перехват потерявшихся оленей. Бригадире идти не обязательно. Да воспитан в сологоновской мудрости: «от быта тяжкого и усталости умрёт Любовь, если не уйти в горы вовремя. И, если дождётся или не дождётся, сойдёшь в Долину достойным».

А что есть Любовь? Влечение плотское в основе, с высокой главной целью Высших сил – свой – род продлить и вновь родиться в хорошей дали промчавшихся веков. И вновь: Жизнь, огонь, одежда, пища, поступки, мужчина, дети – всё Женщина! Её мечтами мужчина становится человеком.

Женщина не должна бы ошибиться в выборе. А вот выбора-то часто и нет... Видел я много женщин неприступно красивых. Даже спящим не мог мечтать в ничтожности. Но, как и бригадирша, странно и непостижимо, они дарили общение. И, в разговорах тягучих, следили за мной удивительно прекрасными глазами, чуть опустив ресницы, взлетая со мною и слыша в парении, как «тихо Река течёт по лесистой Долине. И как у человека душа радуется или болит от Красоты... И если Господь – Случай?! И Разум случаен – ошибка Творца? А Творец – всего лишь Космос, рождённый движением Бесконечности? Что тог-





да? Я не знаю! Так было и будет всегда! Но если вечность – тухта? А Жизнь – брожение «грязей»... Так было и будет всегда. И Смысл надуман Сцеплением триллионов бактерий? Что же тогда?

Жил в страхе перед Бесконечностью всю жизнь и понял, что Космос – холодный бездушный Закон! И я обманут сонмом великих идей. А мир людей всего лишь Смысл, прост и движим любовью Женщины и Мужчины! Так было и будет?»

Через два дня не до размышлений. Высокогорье. Возраст. Угрюмое, дёрганное настроенье напарника.

Наконец, отсекли и повернули последних шесть маток. В пяти километрах от люкчи, бледный от волнения, бригадир вознамерился уйти напрямиком. Окликнул его коротко, чтобы не вдохнуть ледяной воздух:

– Щу! – Он услышал. – Иди в обход. Туда нельзя. Олени резко повернули. Лавину чувят. Олень под лавину никогда не пойдёт сам! – Он кивнул и свернул к лесу. – Совсем обалдел от надуманной драмы. Но, пожалуй, она им необходима. – Мне ещё делать крюк убедить-ся, что все блудные олени сошли к стаду.

Пришёл «на палатку» уже к вечеру. Семён, пастух, уже давно меня ожидал, приготовил ужин. Встал на колени. Семён с силой отнял примёрзшую понягу к телогрейке.

Я его спросил о важнейшем сейчас:

– Где Веня?

– Удрал скачками! Хотел бригадиршу трахнуть. Она его так поленом приласкала! Сутки лежал. На всю жизнь запомнит. А сегодня, ночью, десять оленей пришли, тёмных. Сразу поняли, вы на подходе. Вот и рванул чуть

свет. – Захрустел снег. Семён прижал палец к губам, чтобы молчал. – Я тебе ничего не говорил...

Резко отдёрнув полог, в палатку втиснулся бригадир.

– Все олени?

– Все... У тебя как?

– Как всегда, старик, ты прав.

– Не всегда, далеко не всегда. – А сам обрадовался, что у них будет дитя, а у меня очередной внучатый родич.

– Не разговаривает. Злится. А бутылочку выставила. Да бражчонку сварганила. Пошли, мужики, посидим. Всё-таки Новый год наступил, первое января.

– Правда?! – Я засмеялся, вернее, по-стариковски захихикал, невольно представив Вениамина, улепётывающего по следу «Бурана» со всех ног, оглядываясь на бегу, не гонится ли за ним Валентин. – А я думал, что сегодня тридцать первое!

Орочены вспыхнули удовольствием и разом рассмеялись, громко и радостно. Бригадир сквозь смех счастливо выговаривал:

– Да ты ещё в в прошлом году живёшь! Ну, старик! А ещё писатель...

Конечно же, кто соприкасался с ороченами, поймёт, что они смеялись вовсе не надо мной. Разрешилось: Веня для нас больше не существовал, как и сама сия история. Есть дела важнее. И надо жить дальше!

Немного погодя, мы услышали тугой шум, потом ещё раз. С северных склонов хребта сошли две лавины.

С Новым годом!

Александр ЛАТКИН

Александр ПЕТРУШИН

Изучая расстрельные

дела

100 лет назад, 31 января 1921 года в Чуртанской и Челноковской волостях Ишимского уезда Тюменской губернии (сейчас Викуловский и Абатский районы) начались вооружённые выступления крестьян против насильственной продовольственной развёрстки.

Мятеж или восстание

Среди всех задач, стоявших перед большевистской властью во время Гражданской войны, не было более важной, чем обеспечение продовольствием. Перебои с ним начались ещё до февральской революции 1917 года, и сами по себе сыграли значительную роль в падении самодержавия в России.

В условиях гражданского противостояния заготовка продовольствия для Красной армии и населения промышленных городов европейской части России выродилась в почти непрерывный конфликт между продотрядами и отданным им во власть крестьянством.

Очередной этап реквизиции зерна, проводимой вооружёнными отрядами по Декрету Совета Народных Комиссаров от 20 июля 1920 года «Об изъятии хлебных излишков в Сибири» (от Тюменской губернии – 6,5 миллионов пудов хлеба), вызвал волну сопротивления: «Лубковщина» в Нарымском крае, «Колыванщина» и «Бутарма» на Алтае... Серьёзность ситуации наиболее ярко продемонстрировали события в Тюменской губернии, ставшей центром восстания, распространившегося на прилегающие территории Омской, Челябинской и Екатеринбургской губерний, а также на Северный Казахстан.

В советской историографии утверждалось, что эти события стали результатом происков контрреволюционных элементов, «уцелевших после разгрома Колчака белогвардейцев, эсеров и богатых крестьян-кулаков».

В отличие от восстания в Тамбовской губернии, известного как «антоновщина» сибирские мятежники не смогли создать воинскую структуру и учредить административные органы, но они мобилизовали в «народную армию» десятки тысяч местных мужчин, заняли уездные города Тобольск, Петропавловск, Сургут, Берёзово, Обдорск, им удалось окружить Ишим, Ялуторовск и Тюмень.

В Государственном архиве социально-политической истории Тюменской области сохранилась записка председателя губчека Студитова:

«Коменданту города Тюмени. Предлагается Вам сегодняшней день усилить охрану города... Из произведённой нами операции... документально установлено, что восстание в городе Тюмени назначено на 11 февраля 1921 года 9 часов вечера. Обратите внимание на необходимость прекратить хождение по городу с определённого времени».

Историкам ещё предстоит разобраться с хранящимся в Региональном управлении ФСБ по Тюменской области делом 18-летнего учащегося сельхозтехникума Степана Лобанова, представленного чекистами «корнетом колчаковской дружины Святого Креста и Зелёного Знамени и руководителем тюменского контрреволюционного центра»*. В этом деле нет обвинительного заключения. Вещественных или документальных доказательств «заговора» не добыто. При обыске у неслужившего в царской или колчаковской армиях «корнета» обнаружена и изъята «одна стрелянная гильза». Маловато для достижения целей, о которых 21 марта 1921 года сообщила губернская газета «Известия»:

«Заговорщики планировали прервать телеграфную и телефонную связь и, воспользовавшись известным им паролем, захватить склады с оружием. К тому времени в Тюмень должны были прибыть повстанческие отряды из волостей. Предполагалось захватить и губчека, но заговорщики сами попали в руки чекистов, не успев привести в исполнение свой замысел».

Как бы то ни было, у секретаря губкома РКП(б) Агеева и предгубисполкома Новосёлова хватило выдержки не сбежать из Тюмени в соседний Екатеринбург в уже подготовленном для этого вагоне. В то же время Тобольск местные коммунисты, чекисты и красноар-



мейцы во главе с председателем уездного исполкома Демьяновым тайно оставили в ночь с 20 на 21 февраля 1921 года и отошли на восток вверх по замёрзшему руслу Иртыша (до села Загвозино нынешней Омской области). Через день в бывший губернский город вошли повстанцы. Очевидец писал: *«Странное, непривычное зрелище – воины не воины. Простая домашняя одежда, мешки... А оружие! Тут и современная винтовка, и допотопный дробовик и просто дубина. Это восставшие крестьяне».*

Усмирение

Одним из лозунгов Западно-Сибирского крестьянского восстания стал лозунг «Советы без коммунистов». Протест против политики и методов правящей коммунистической партии сопровождался жестокими расправами с продработниками, местными коммунистами и им сочувствовавшими. Так стихийная защитная реакция сибирского крестьянства на государственный произвол и беззаконие переродился в «русский бунт», по определению Пушкина «бесмысленный и беспощадный». Неслучайно, события 1921 года в нашем крае именуют «Сибирской Вандеей» – по аналогии с кровавым мятежом 1793–1795 годов в департаменте Вандея во время Великой французской революции.

Вместе с тем, со стороны повстанцев и населения Тюменской губернии, вовлечённого в этот бунт, отмечались попытки целенаправленного руководства боевыми операциями и самоуправления контролируемой территории. В наиболее организованной форме по-

встанческие органы гражданской и судебной власти были созданы в Тобольске путём проведения 27 февраля 1921 года единственных в России во время Гражданской войны выборов «на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования и никак иначе».

Несмотря на такие амбиции повстанцев – многим из которых очень хотелось верить в то, что они являются частью более широкого движения, способного свергнуть коммунистический режим – их шансы на успех были крайне невысоки. После победы в Гражданской войне в Красной армии насчитывалось пять с половиной миллионов человек. 11 декабря 1920 года был издан первый приказ о демобилизации, но ситуация, сложившаяся в Тюменской губернии, когда мятежники перерезали в районе села Гольшманово железную дорогу и прервали доставку хлеба в голодающие промышленные города, потребовала направить в Западную Сибирь регулярные части Красной армии и экспедиционные отряды ВЧК.

Главным усмирителем крестьянского восстания в нашем крае председатель Реввоенсовета республики Троцкий назначил командующего войсками Приуральяского военного округа Мрачковского. Он родился в Сургуте, куда сослали его отца, одного из руководителей «Южно-Российского рабочего союза». Рано включился в революционную борьбу с царизмом, создавал на Урале боевые дружины. В Гражданской войне командовал Особым северным экспедиционным отрядом, который в августе 1919 года после оставления колчаковцами Тюмени вошёл в состав сформированной здесь 51-й стрелковой дивизии Блюхера. За взятие Тобольска в сентябре-ок-

тябре того же года награждён орденом Красного Знамени. Для усиления карательной группировки Мрачковского в Тюменскую губернию из Архангельска по железной дороге направлен 86-й стрелковый имени Володарского полк.

Через Поволжье, Сибирь, Кубань...

В Тюменской областной научной библиотеке имеется уникальное издание: «История полка имени Володарского». Эта книга тиражом 2500 экземпляров издана в Тюмени товариществом «Книга народу» в январе 1923 года к 5-й годовщине Красной армии в качестве «подарка красноармейцу от Тюменского губкома РКП(б)».

Это подразделение под названием «Стальной отряд» численностью до 250 человек было сформировано в Петрограде в октябре 1917 года для «охраны вождей восставшего пролетариата и подавления контрреволюционных проявлений».

В июне 1918 года поручили розыск убийц комиссара по делам печати, пропаганды и агитации Володарского и причастных к этому преступлению эсеров. Тогда же отряд преобразовали в «полк имени товарища Володарского» и направили на Восточный фронт против войск Комитета Учредительного собрания, вошедшего в историю как Самарский Комуч.

Затем были боестолкновения с частями армии адмирала Колчака, объявленного в ноябре 1918 года Верховным правителем России.

После разгрома колчаковщины «володарцев» перебросили на Южный фронт, где за взятие Новороссийска 27 марта 1920 года, захват большого количества пленных денкинцев, лошадей, орудий, автомобилей, аэропланов, английского оборудования и главное – духового оркестра, – им вручили Почётное революционное знамя с прикрепленным к нему орденом Красного Знамени. Последовавшая война с Польшей, в которой также участвовали «володарцы» была жестокой с обеих сторон. Будущий маршал и нарком обороны СССР Ворошилов писал старому другу Орджоникидзе: «Мы ждали от польских рабочих и крестьян восстания и революции, а получили шовинизм и тупую ненависть к «русским»... Поляков истреблено нами изрядное количество... Изрублено и постреляно больше двадцати тысяч... Озверение бойцов вызвано упорством поляков до максимальных пределов, а в таких случаях наши ребята рубят беспощадно... Наши потери на белополь-

ском фронте также огромны. Мы потеряли почти весь свой комсостав, всех военкомов и до десяти тысяч бойцов, столько же лошадей...».

Исход войны решила неудачная для Красной армии битва на Висле: десятки тысяч красноармейцев, включая «володарцев» попали в плен. Поляки не отличались великодушием к пленным. Будущий премьер-министр Польши Казимеж Свигальский записал в своём дневнике: «Красные сдаются в плен охотно... Разложение боевого духа большевистской армии дезертирством на нашу сторону затруднено в результате остервенелого и безжалостного вырезания пленных нашими солдатами...».

В октябре 1921 года в Риге был подписан мирный договор. К Польше отошли Западная Украина и Западная Белоруссия. Россия заплатила Польше тридцать миллионов золотых рублей в качестве контрибуции.

Избежавших гибели в боях и ужасов польского плена «володарцев» отвели на переформирование в Архангельск. Свою злобу за поражение в войне с поляками они выместили на восставших против продразвёрстки сибиряках.

Упорство и озлобление

В «Истории полка имени Володарского» даны описания боестолкновений с 10 марта 1922-го по январь 1922-го в Ишимском, Ялуторовском и Тобольском уездах Тюменской губернии. Отмечено, что *«повстанцы сгруппированы в отряды, обозначаемые по названиям деревень (Шабалинский, Ивановский, Чирковский, Снегирёвский и др.) различной численности от 100 до 300 человек. Вооружены плохо: одна винтовка на 5–10 человек. В большинстве используют первобытное оружие – самодельные пики или винтовочные штыки, прикрепленные к деревянным шестам. Исключение составлял лишь Дороховский отряд, имевший 250 винтовок и даже пулемёт. Восставшие из прилегающих к волостному селу Армизонскому деревень (Зубарева, Жидкова, Глубокое, Гоблино, Шабалино, Орлово и др.) сопротивления почти не оказали и отступили под действием одного артотряда. Лишь при занятии д. Снегирёвской пришлось выдержать часовой бой и даже отбить несколько атак числом около 1500 человек. В результате этих боестолкновений полк понёс незначительные потери: один убитый, пятеро раненых и гораздо больше пострадало от холода – 14 обмороженных...»*.

После «зачистки» Армизонской и Бердюжской волостей полк «переместился в Ялуторовский уезд – Слободо-Бешильская, Архан-

гельская, Исетская, Емуртлинская волости, а с 1 апреля переброшен на север для разгрома в составе других полков Красной армии Тобольской группировки повстанцев. Здесь более серьёзный противник: большинство вооружены винтовками, имеются пулемёты. Действуют организованно и упорно. Из-за малого количества патронов подпускают на близкое расстояние, открывают стрельбу и переходят в штыковые атаки. Несмотря на значительные потери (лишь в бою за деревни Комарица и Новая убиты 25 бойцов), наше наступление продолжалось в районе деревень Щетково, Искинская, Артамонова, Чебанова, Берёзовый Яр, Иевлево и др.»

Сопrotивление восставших крестьян ослабло после оставления ими 8 апреля Тобольска. Остатки повстанческих отрядов отошли по замерзшим рекам на север до сёл Самарово, Сургут, Берёзово, Обдорск. С началом навигации их ликвидацию возложили на 232-й полк 26-й Златоустовской стрелковой дивизии под командованием Баткунова. Главного ликвидатора восстания Мрачковского за взятие мятежного Тобольска наградили вторым орденом Красного Знамени. 2 июня 1921 года он получил радиотелеграмму: «Тобольск. Мрачковскому. Я – Баткунов. На Ямале восстановлена Советская власть. Банды разгромлены. Нами пройдено полторы тысячи вёрст ...»

Однако и после разгрома основных повстанческих сил и объявленной в июне 1921 года 3-м губернским съездом Советов «амнистии при добровольной явке» в Ялуторовском, Тю-

менском и Ишимском уездах продолжали действовать мятежные группы, переродившиеся в политические и уголовные банды.

Возвращённый в Ялуторовск полк имени Володарского передали в состав 86-й бригады 29-й стрелковой дивизии, которая «оперировала с 15 июня в районе Упорово-Емуртлинское-Мокроусовское-Пятковское-Голонуповское, ведя во все стороны разведки в поисках бандитов и делая облавы на их логовища. При этом бандиты старались избегать боя и после коротких перестрелок скрывались в лесах ...»

После объединения в июле-августе 1921 года отрядов Боровкова, Кравченко, Булатова, Булыгина, Мартышина и Вараксина на территории нынешнего Упоровского района происходили серьёзные боестолкновения, при которых повстанцы, выждав, когда в Упорово осталась лишь стрелковая рота, напали на волостное село. «Володарцы», однако, не дрогнули и отбили нападение. Основные силы полка настигли бандитов у деревни Зырянской и, переправившись через Тобол, уничтожили их опорный пункт у деревни Кашеир. В «Истории...» отмечено: «...Лихим ударом ликвидировано 70 бандитов (55 зарублено и 15 застрелены в болоте). В бою захвачено два пулемёта – «Кольт» и «Льюис», ленты с патронами, 36 винтовок, ружейная мастерская и лазарет. Отбиты находившиеся в плену у бандитов пятеро красноармейцев из 256-го и 513-го полков. Наши потери: двое убитых и четверо раненых. Бандиты численностью





420 человек с винтовками и пулемётом «Максим» скрываются в лесах... Остатки отряда Вараксина ушли в тюменские леса, а Булатов отступил к Ишимскому уезду. Всё наше внимание было обращено на уничтожение этих отрядов и одиночных бандитов... В середине ноября ликвидирован последний крупный отряд бандитов в Ялutorовском уезде, только раненый Булатов и несколько его приближённых укрылись в лесах и непроходимых болотах... Для окончательной ликвидации бандитизма в губернии и оказания содействия соваппарату в проведении новой экономической политики полк, получивший наименование 86-й стрелковый имени товарища Володарского полк, под командованием тов. Дукельского разместился в Тюмени и занялся капитальным ремонтом казарменных помещений и конюшен для лошадей, а также заготовкой дров и фуража. После демобилизации красноармейцев 1900 года рождения весь состав новобранцев приведён к 7 ноября 1922 года к присяге...»

Штаб «володарцев» размещался в двухэтажном каменном здании бывшего (до 1917 года) полицейского управления на улице Знаменской. Поэтому при переименовании тюменских улиц к 5-й годовщине Октября Знаменскую назвали улицей Володарского. Когда в 1925 году началась военная реформа по сокращению Красной армии (с пятиmillionной её численность довели до 600 тысяч человек – втрое меньше старой царской армии), 86-й именной стрелковый полк расформировали.

18 сентября 1925 года ЦИК и Совнарком СССР приняли «Закон об обязательной военной службе», в котором подчёркивался классовый характер вооружённых сил Советской

республики. Всем участникам Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 года, считавшихся амнистированными, но состоящими на оперативном учёте в территориальных органах ГПУ-НКВД, запрещалось служить в РККА. Они получали «белые билеты» и платили большой военной налог.

Десять лет спустя

В январе 1931 года протесты против проводимой в округах Уральской области (образована в ноябре 1923 года) насильственной коллективизации индивидуальных крестьянских хозяйств могли привести к стихийному восстанию. С 1 февраля местным властям предоставлено право высылки зажиточных крестьян-кулаков на север области с конфискацией имущества. Кулаки были разделены на три категории: первая – контрреволюционный актив: кулаки, активно противодействующие организации колхозов; вторая – наиболее богатые кулаки, местные авторитеты и участники восстания 1921 года, являющиеся оплотом кулацкого антисоветского актива; третья – остальные кулаки. На практике выселению с конфискацией имущества подвергались не только кулаки, но и так называемые подкулачники, т.е. середняки, бедняки и другие крестьяне, ранее уличённые в пособничестве мятежникам 1921 года. 20 марта 1931 года Политбюро ЦК ВКП(б) в постановлении «О кулаках» поручило ОГПУ «устройство кулацких посёлков». В справке Отдела по спецпереселенцам ГУЛАГА ОГПУ под названием «Сведения о высланном кулачестве в 1930–

1931 годах» указано, что в это время было отправлено на спецпоселение 381 173 семьи общей численностью 1 803 392 человека.

Задание партии о «полной очистке деревни от кулаков» вызвало активизацию банд, сохранившихся в Тюменском, Ишимском и Тобольском округах после подавления восстания 1921 года. Так оперировавшая в Нижнетавдинском районе банда, возглавляемая братьями Пуртовыми перешла от разбоев на просёлочных дорогах к налётам на отдалённые от районного центра деревни и к расправам над колхозными активистами. На своих сходках бандиты «неоднократно обсуждали планы нового восстания на Урале и в Сибири». Захваченные чекистами бандиты свидетельствовали: *«Отряды должны были сначала разгромить Троицкую коммуну и Плихикинский колхоз, потом занять райцентр село Тавдинское, где в первую очередь захватить ГПУ и милицию, дабы забрать оружие, какое там имеется. После этого предполагалось выступить в направлении деревень: Бугры, Герасимовка, Городище, Таборы... захватить станцию Тавда и двигаться на Туринск и Тюмень. Мы считали эти планы осуществимыми, так как наши выступления подняли бы всё крестьянство и в первую очередь семейства, сосланные в северо-восточные районы Уральской области».*

Леса и болота – «комариное царство» тавдинской глубинки надёжно скрывали бандитов. В окрестных деревнях и на хуторах – пособники, которые снабжали продовольствием

и сообщали о появлении чекистов. Пуртовы были крайне подозрительны и жестоки. Попытки сотрудников ОГПУ внедриться в банду заканчивались провалом.

Однако массового организованного сопротивления политике «всеобщей коллективизации сельского хозяйства на основе ликвидации кулачества как класса» не случилось. Для подавления очаговых протестных выступлений в январе 1931 года в Тюмени на базе территориально-милицейских формирований была развернута 65-я стрелковая дивизия.**

Большинство крестьян уже смирилось с трагической участью. Они помнили, с какой жестокостью десятью годами ранее была подавлена «Сибирская Вандея». Многие семьи в панике выгоняли скот со двора, распродавали имущество или раздавали его односельчанам и с обречённой покорностью готовились к ссылке.

Через Тюмень гнали на Север ссыльных из других округов и районов Уральской области.

Раскулаченный по третьей категории (т.е. оставлен на спецпоселение в своём Тюменском районе) «грамотный» крестьянин Аржиловский записал в своём дневнике: *«...В Тюмени в бывшем Спасском соборе, превращённом в тюрьму, оказалось душно и тесно до ужаса. Спали враспяжку только счастливицы. Многие сидели в обнимку с грязной и вонючей парашей... Встанем, бывало, на поверку, и как только тюремщик сосчитает последнего, все разом падают, чтобы занять место... Духота была такая, что несмотря*



на мороз, окно было открыто. А ещё тюрьма того времени была ужасна тем, что открывала ночью двери и выдавала узников для расчёта... Даже Москва в журнале «Советский юрист» отмечала обилие смертных приговоров, вынесенных тюменскими судами. Тяжко было смотреть в замёрзшие окна на семьи высланных мужиков с тряпьем и ребятишками, которых ежедневно везли на Север длинными обозами. Колхозный строй торжествовал. Деревенский «актив» ликовал, избавившись от нежелательного элемента. Укоризненно гудели снимаемые колокола; спиливали недающие церковные кресты... Проводилось обезглавливание Руси Великой. Шёл пир во время чумы. Колхозники, кроме даром полученного кулацкого инвентаря, за копейки раскупали добро, скопленное веками. Строился новый мир за чужой счёт...»

«Эшелоны к нам движутся с такой быстротой во времени и с массовым напором, – жаловался в Уралобком ВКП(б) секретарь Тобольского окружкома Игнатенко, – что, безусловно, застало нас неподготовленными. Кроме того, мешают страшно чертовский холод, который доходит до 36–37 градусов. Приняли мы той публики три тысячи семей. Сейчас идёт спешная работа по подготовке города Тобольска к превращению его в сплошной лагерь для кулачества, в столицу социалистической ссылки. Освобождаем буквально все возможные помещения, даже решили закрыть кино.»

Сохранились свидетельства изгнанных из родных мест людей: «...В Тюмени из вагонов нас перегрузили в конный обоз. В голых санях предстояло одолеть две с половиной сотни вёрст до Тобольска. Это более недели мёрзлого пути. За это время среди множества людей некоторым женщинам выпало рожать, а у других тогда же умирали маленькие дети, не выдержав дорожных мук. Их просто бросали в снег и закапывали. Обоз растянулся на многие-многие вёрсты... Разместили нас в Тобольске на горе, на территории Кремля. И кремлёвский двор, и соседняя тюрьма, и здание нынешнего рыбтехникума, – всё было забито серой кишащей массой. Наша семья попала в вестибюль архиерейского дома, где громоздились грубо сколоченные трёхъярусные нары. До сих пор не выветривается из памяти какая-то мерзкая непереносимая вонь, от которой сердце перехватывает. Плач, рёв, стоны больных и умирающих детей, материнские возгласы отчаяния. И над всем этим какой-то густой, тягучий, тоскливый туман...»

Здесь, в Тобольске, мы ждали вскрытия

рек, чтобы плыть в такую глушь, куда никакой Макар телят не гонял. Умирало много людей, но особенно – детей. Как на демонстрацию, толпами шли мужики с гробами на плече или под мышкой. Кладбище недалеко от Кремля. Там ещё оставалась действующая церквушка. Но отпевать всех усопших священник не успевал, поэтому ставили в один ряд, случалось, по сорок гробиков. И уж после, когда доходила до них очередь, всех разом благословлял батюшка в последний путь...

Как только вскрылись реки, тут же следом за уходящими льдами пошли пароходы с баржами, набитыми людьми. На Оби пароход тыкался носом к берегу то возле какого-то селения, то в совершенно глухом диком месте и высаживал несколько семей. Нас, общим числом десятка полтора людей, высадили в деревушке Чемаши, которая расположена почти напротив стрелки (острова), разделяющей Обь на большую и малую (верхнюю и нижнюю)...

К июню 1931 года основной план «ликвидации кулачества» был завершён: на Тобольский Север выслали 39 788 крестьянских семейств, что составляло более 150 тысяч человек, лишённых всяких источников существования.

Об оставшихся в родных деревнях бывших рядовых участников восстания 1921 года вспомнили во времена «большого» сталинского террора 1937–1938 годов, и, не принимая во внимание прошлую амнистию, расстреляли. Не уцелели тогда и главные усмирители «Сибирской Вандеи» 1921 года: Мрачковский, Агеев, Батунов, Дукельский, Ванд (начальник губотдела ГПУ), Маркус (секретарь Тюменского окружкома ВКП(б) в 1931 г.), Мовшензон (начальник Тюменского оперсектора ОГПУ в 1931 г.) и другие, обвинённые в вымышленном «военно-фашистском заговоре». Всех их – «усмирённых и усмирителей» – окончательно реабилитировали через 90 лет после 1921 года. Но их расстрельные дела всё ещё недоступны.

* В добровольческие дружины Святого Креста принимались православные и мусульмане. У крестоносных дружин было зелёное знамя с крестом посередине и надписью: «За Веру и Отечество». У дружинников – мусульман были зелёные нашивки с изображением белого полумесяца.

** В 1944 году эту дивизию преобразовали в гвардейскую. Великую Отечественную войну она закончила как 102-я гвардейская стрелковая Новгородско-Померанская Краснознамённая орденов Суворова и Красной Звезды дивизия.

«Я помню тот Ванинский порт...»

Кто автор песни?

Эта лагерная песня времён сталинских репрессий, по мнению исследователей фольклорного жанра, возникла в середине 50-х годов прошлого века. Песня по популярности делила первые места со шлягером «Товарищ Сталин, вы большой учёный...». Но «Товарищ Сталин...» была написана в 1959 году и у неё есть автор – Юз Алешковский (Иосиф Хаимович), а у «Ванинского порта» до сей поры авторство не установлено.

Больше полувека исследователи пытаются разгадать, где и кем создана эта ставшая народной песня. За эти годы появились десятки версий предполагаемых авторов. В отношении места всё ясно, конечно, Колыма. Время тоже приблизительно можно установить по первым сообщениям о появлении песни. Бывший политзаключённый – сиделец на Колыме А.Г. Морозов вспоминает, что слышал эту песню осенью 1946 или 1947 года. Это вполне реальное время создания песни.

А вот за авторство идёт борьба. В марте 1994 года в газете «Комсомольская правда» была напечатана статья Аркадия Дёмина, в которой он утверждал, что слова песни «Я помню тот Ванинский порт» написал на Колыме в 1939 г. его отец Фёдор Михайлович. В качестве доказательства он представил чудом сохранившуюся тетрадь из бересты со стихами Фёдора Михайловича.

*Я помню тот Ванинский порт
И вид погребальный угрюмый
Как шли мы по трапу на борт
В холодные мрачные трюмы...*

В этом и последующих куплетах стихотворения есть несоответствия с привычным для нас оригиналом песни. Под стихами указан год – 1938 (а сын Дёмина называет 1939!) и





место создания произведения – Берелех – посёлок в Магаданской области. Автор посвящает песню Ванинскому порту, но его на тот момент ещё не было. Была Ванинская бухта. Может быть, в Ванинскую бухту пришвартовывались баржи с заключёнными в 1938-1939 годы? Но не в одном источнике и в воспоминаниях политзаключённых нет сведений об этом.

Только в 1939 году началось освоение бухты Ванино. Порта ещё как такового не существовало. Официальной датой рождения места для стоянки кораблей Ванино считается 18 октября 1943 года и только на следующий год в апреле был сдан в эксплуатацию первый пирс – двусторонний причал, который принимал пароходы с заключёнными.

До того корабли с заключёнными в эти края доставляли в порт Нагаево (современное название Магадан) на побережье Туйской губы в северной части Охотского моря из Владивостока и уж никак не через Ванинский порт, который к тому времени ещё не функционировал...

Ещё одно авторство гимну колымского края приписывают советскому поэту и переводчику Н.Заболоцкому (1903–1958 г.г.). Он тоже из репрессированных. С февраля 1939 г. по май 1943 г. находился в ссылке в Востоклаге (Комсомольск – на – Амуре), потом в Кулундинских степях и с Колымой знаком не был.

Приписывали авторство песни даже советскому поэту Борису Корнилову. Но это уж слишком. Поэт был расстрелян 20 февраля

1938 года в Ленинграде по сфабрикованному делу об участии в антисоветской троцкистской организации.

Магаданский литератор А.Бирюков с большой убедительностью, но без наличия подтверждающих доказательств, считает автором песни магаданского горного инженера Константина Саруханова. В 1935 году молодой инженер после окончания института из Владивостока добрался до Магадана, и многие годы трудился на приисках и рудниках. О Ванино Саруханов мог слышать только от заключённых, которые работали под его началом.

Музыкальный сайт «Songs PRO» пошёл ещё дальше, заявив, что песню про Ванинский порт написал певец Аркадий Северный, который родился только в 1939 году (Аркадий Северный исполнял эту песню).

В газете «Новое время» известный знаток лагерной и блатной песни Фима Жигунец (Александр Сидоров – поэт, писатель, филолог), автор книги «Помню тот Ванинский порт» (Москва. Издательство «Прозаик», 2013 г.) назвал в числе возможных авторов песни известного уральского поэта Бориса Ручьёва. Это же в газете «Известия» повторил писатель и драматург Виктор Астафьев.

Борис Александрович Ручьёв (Кривощёков) не только замечательный уральский поэт, но и Всея Руси. В годы сталинских репрессий он попал в её жернова. Молодого поэта обвинили в участии в Уральской контрреволюционной организации правых и этапировали в октябре 1938 года во Владивостокский перевалочный

пункт, а оттуда в Северо – Восточные исправительно-трудовые лагеря. Они расползлись по всему дальневосточному краю, вплоть до полюса холода – Оймякона (Якутия), где тоже отбывал свой срок Борис Ручьёв. Кстати, в Оймяконе есть музей Бориса Ручьёва – второй после музея-квартиры в Магнитогорске.

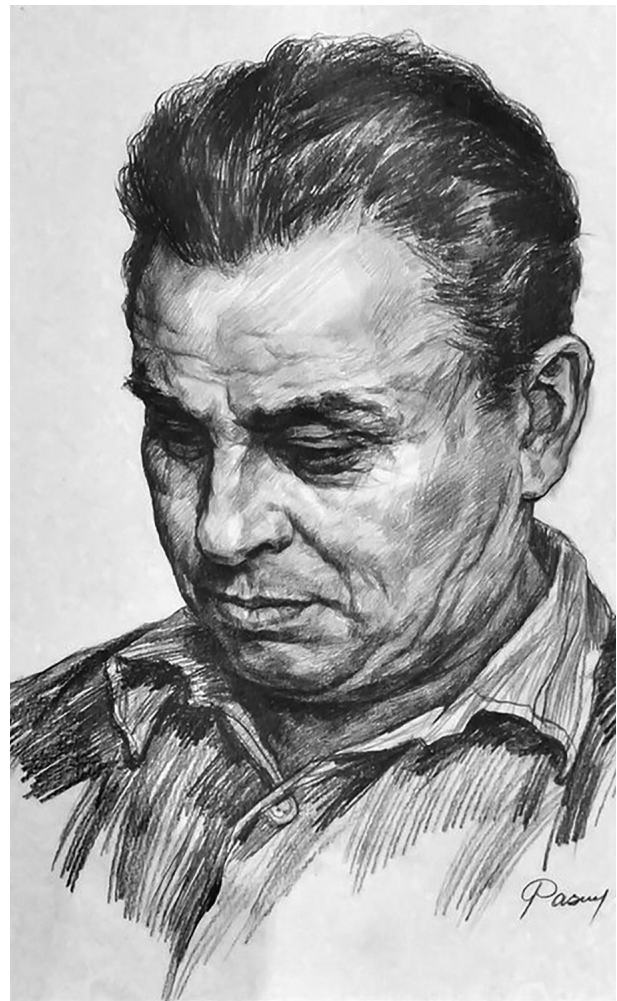
В июне 1939 года на пароходе «Джума» Бориса Ручьёва отправили на новое место ссылки – на магаданские золотоносные прииски. В эти годы он создал поэмы «Невидимка», «Прощание с молодостью» и цикл стихов. Возможности записать свои произведения на бумагу не было, и он держал всё в памяти и только через несколько лет воспроизвёл на бумаге сотни поэтических строк. Там же он начал работать над поэмой «Полюс» о беспробудных годах ссылки. Поэма осталась незаконченной и издана только после смерти поэта.

*В том краю, где я живу, – не просто
родину зовут Материком.
Полюс мой, как самый дальний остров
даже почтальонам не знаком.
На домах у нас не вьются флаги,
здесь на флаг утрачены права,
жизнь идёт, как на архипелаге,
ибо зоны – те же острова.
Зона – это как загон овечий
для двуногой, злой, как волк, овцы.
Под штыками в зону каждый вечер
загоняют жителей бойцы...*

Но и после освобождения из ссылки не закончились злключения поэта. Он смог вернуться в город своей юности – Магнитогорск только через 13 лет.

Мог ли Борис Ручьёв быть автором песни «Я помню тот Ванинский порт»? Теоретически – да. Таланта у него было достаточно для создания этой лагерной песни, но исследователи его творчества отрицают это. Мне посчастливилось неоднократно встречаться с Борисом Ручьёвым в годы работы на Магнитогорском телевидении. Присутствовать на его встречах с местными литераторами, брать интервью.

Однажды мне случайно достались архивные документы и фотографии периода строительства Магнитогорского металлургического. Документы датировались 1939-1940 годами. Это те годы, когда Ручьёв отбывал ссылку на Дальнем Востоке. Поэт-певец Магнитостроя заинтересовался этой информацией. Вместе с магнитогорским писателем Николаем Вороновым (впоследствии академиком литературы и членом секретариата Союза писателей СССР) Борис Ручьёв приходил ко мне домой.



Он с интересом просмотрел документы. Его комментарии помогли мне при создании на телевидении цикла передач «Из истории Магнитостроя». О годах ссылки Борис Ручьёв не любил рассказывать. Никогда он не упоминал и про песню «Я помню тот Ванинский порт».

В 1967 году я уехал в Москву с рекомендательным письмом Бориса Ручьёва для поступления в московский государственный университет. По стечению обстоятельств вместо МГУ я поступил в университет печати и автограф Ручьёва достался заведующему кафедры редактирования, большому поклоннику Бориса Ручьёва Михаилу Лапшину.

Известие о смерти Бориса Ручьёва застало меня в Москве, а когда я вновь приехал в Магнитку, то побывал в квартире-музее Бориса Ручьёва. Хранительницей музея стала его жена Любовь Ручьёва...

Так кто же сочинил песню «Я помню тот Ванинский порт»? Поиски автора продолжаются.

Александр МИЛЬ

Пулемёт я вам не дам

Архивных документов о существовании на Колыме «расстрельной тюрьмы «Сerpантинка» не обнаружено

*«Вот что, ребята, пулемёт я вам не дам...»
(Верещагин, «Белое солнце пустыни»)*

Опять дежавю.

Я однажды уже высказывался, что с целью продлить короткие колымские лето и осень, стараюсь выезжать в центральные районы страны во второй половине сентября. И это почти всегда совпадает с оживлением в Магадане общественной и политической жизни. Наверное, по причине завершения сезона отпусков. Это оживление заметным образом отражается и на событиях, связанных с историей нашего края, которую все ни с чем иным не ассоциируют, как с историей осуждаемых периодов. И никакие тридцатилетние потуги, иницируемые управлением-департаментом-министерством культуры и туризма, о брендах города Магадана не помогают ничего изменить.

В прошлом году таким событием было быстрое, даже мимолётное, обсуждение присвоения почётного звания бывшему уголовнику, внедрившему в производственные отношения соответствующие «понятия», в этом – дискуссия о том, была ли на Колыме «расстрельная тюрьма Сerpантинка» или нет. Но надо обратить внимание, что в первом случае предложенные мною архивные документы были соответствующей инстанцией проигнорированы, а во втором многие ждут от меня подтверждения – «да, Сerpантинка была». Что поделаешь – конъюнктура. И если не будешь говорить плохо о прошлом, люди будут больше обращать внимания на то, что плохо сейчас.

Редакции заинтересованных изданий замучили звонками и письмами с просьбами дать экспертный комментарий, если конечно это не лукавство с их стороны и за обращением ко мне не скрывается намерение дать дискуссии

новый импульс: ну как же, высказался «бывший», «палач», у которого «у самого руки по локоть в крови». Так, по крайней мере, характеризует меня скандальное интернет-издание, по сути магаданский филиал «Радио Свободы», занимающейся на территории России информационной пропагандой на деньги нашего идеологического противника (что не мешает некоторым его магаданским источникам получать деньги и из местного бюджета).

Но попытка обращения за экспертным комментарием заслуживает уважения. Поскольку в последнее время у представителей СМИ, идущих в ногу с конъюнктурой, принято готовить информационные материалы со слов очевидцев, не консультируясь со специалистами и не обращаясь в архивы. Лишь бы как у Дудя – «побольше чернухи». И даже получать за эти материалы престижные премии. Каждый журналист сам себе эксперт. А сомнению в объективности подвергается лишь то, что противоречит конъюнктурной линии. То же самое можно сказать и о «Сerpантинке».

Не будем останавливаться на том, что опубликовал по теме «Сerpантинки» «Плохой сигнал» – там, я считаю, всё верно, и с исторической точки зрения и в вопросе подхода к историческому исследованию. Опустимся несколько ниже, к той дискуссии, которую вызвала эта публикация в провинциальных магаданских СМИ.

Оппонентами указанной дискуссии выступают уважаемый мною магаданский краевед Паникаров Иван Александрович и пока что не очень и не близко знакомый мне бывший житель посёлка Ягодное, а ныне житель Сиэтла Артамошин Александр Николаевич. Их позиции в ряде статей, помимо интернет-ресурсов, обнародовала газета «Колымский тракт»: Па-

никаров за то, что была «расстрельная тюрьма Серпантинка», Артамошин – против.

К сожалению, дискуссия между ними изобилует эмоциями, взаимными обвинениями и даже оскорблениями, что, конечно же, с одной стороны выглядит несолидно, в том числе для изданий, которые это публикуют, с другой – уводит от основного ответа. Более трезво, объективно и доказательнее рассуждает, на мой взгляд, Артамошин А.Н. Наверное потому, что будучи, как пишет Паникаров И.А., на одной с ним стороне и поддерживавший существование «Серпантинки», спустя годы многое проанализировал и пришёл к объективным выводам, чем и импонирует. А, как говорится, за одного битого двух небитых дают.

В то же время дискуссия уже выходит за рамки событий вокруг «Серпантинки», затрагивая в целом отношение к «сталинским репрессиям» в нашем обществе, подтверждая политизированность и конъюнктурность этой темы. Что позволяет и мне говорить здесь о том же и шире.

Ответ же на вопрос, вызвавший такую дискуссию, на сегодняшний день таков: архивных документов о существовании на Колыме расстрельной тюрьмы «Серпантинка» не обнаружено. Именно так, без глаголов «была» или «не было», и грамотно с юридической точки зрения. Можно только добавить, что «мною не обнаружено». И продолжить, что я более близок к получению документов о том, что в том распадке, где якобы она располагалась, находилось стрельбище для военизированных формирований, которые охраняли заключённых. Кто-нибудь задумывался, почему ручей, стоящий в центре событий вокруг «расстрельной тюрьмы», называется «Снайпер»?

При этом расстрелы никто не отрицает. Но явление это не советское и не российское. К примеру, оплот всемирной демократии взял и просто сбросил две атомных бомбы на мирные города Японии и уничтожил без суда и следствия сотни тысяч человек. Однако в мировых СМИ даже 6-го и 9-го августа больше публикаций о «сталинском» прошлом нашей страны.

Установка памятника на месте якобы «расстрельной тюрьмы Серпантинка» в 1991 году выглядит не как стремление увековечить память казнённых заключённых, а скорее как протестная акция. Дата 22-е июня, пятидесятилетие начала Великой Отечественной войны, наверное, выбрана не случайно, а назло действовавшей тогда власти. Это хорошо просматривается в комментариях членов инициативной группы, которые достаточно много внимания уделяют описанию противостояния с властными органами. Политизированность мероприятия отвлекла от основной идеи мемо-

риала, в результате чего надпись на нём сегодня даёт повод для критики. И мы сейчас имеем то, что имеем. То есть с установкой альтернативного памятника, до конца не изучив вопрос и основываясь на рассказах «очевидцев», поспешили как раз не власти «чтобы отчитаться перед вышестоящими». А все доказательства существования тюрьмы, как оказывается, легко разбиваются. Поэтому надпись на памятнике, наверное, должна быть несколько иной.

Естественно, мне будут возражать: «власти» прячут архивы, «боятся прошлого». Но я не устаю повторять, что в архивах находится многое из того, чего не ожидают увидеть антироссийски настроенные исследователи нашей истории. К примеру, то, что многие якобы «пострадавшие от сталинских репрессий» отбывали наказание по примитивным уголовным статьям, от бандитизма до педофилии. Как те же «почётные». Причём значительная часть совершала преступления как раз в тот период, когда страна воевала, восстанавливалась. Поэтому в утверждении, что такие могли встать на её защиту как-то не верится. Интересные подтверждения этому можно встретить и в воспоминаниях колымских сидельцев. Так Б.Лесняк пишет, что, находясь «в заключении», исполнял в больнице аж три должности. По времени это совпадает с крупными сражениями на фронте. В тот же период они знакомятся с В.Шаламовым и мирно ведут беседы о литературе.

А доступ к информации ограничен постольку, поскольку соответствующие наши законы – калька с международных, европейских, демократических. И чтобы как-то развеять убеждения о «боязни прошлого», ниже приведу документ, рассекреченный по моей просьбе без всяких опасений, несмотря на остроту и жёсткость содержащихся в нём сведений. Тем более, он указывает на то, что в Дальстрое, как экономической категории, избавиться от рабочей силы было невыгодно, хотя и датирован намного позже, чем якобы имевшие место события, о которых рассказывают в привязке к теме «Серпантинки». Данный и ещё ряд документов свидетельствуют о том, что архивные материалы о «Серпантинке» мы, скорее всего, не найдём, поскольку события на Колыме в осуждаемый период развивались совсем по иному, а не так, как представляли инициаторы установки известного памятника.

В конце сороковых в Дальстрое сложилась трудная ситуация с кадрами, поэтому по согласованию с центром было принято решение освободить 18 000 заключённых досрочно, что и было сделано несудебными инстанциями. К чему это привело, говорится в спецсообщении. А именно, к такому серьёзному



Памятник
комсомолке
Татьяне Маландиной,
убитой уголовниками.
Пос. Оротукан



обострению криминальной обстановки, что в соответствии с имеющейся резолюцией было принято решение материалы ни в краевой центр, ни в столицу не направлять. Замечу, что это было ещё до «холодного лета 1953-го», до «ворошиловской амнистии».

Но кроме указанного досрочного освобождения, на обстановку сильно повлияли большое количество побегов, о чём писал И.Д. Бацаев (см. альманах «Место действия – Колыма», выпуск 1-й, 2008 год), а также отмена Указом Президиума Верховного совета СССР от 26.05.1947 г. смертной казни за тяжкие преступления. И тут в пору говорить не о жёсткости, а о мягкости режима содержания. Наверное, обвинения в этом боялись должностные лица, давшие указание спецсообщение в вышестоящие инстанции не направлять. Можно только предполагать реакцию Хабаровска и Москвы после прочтения документа в виде мер по ужесточению режима, которые для многих сидельцев и «беглых» могли быть смертельными. Однако следует признать, что запрет на отправку спецсообщения был в пользу преступников и в ущерб их потенциальным жертвам. И, разумеется, это были не «политические».

Документ подготовлен на основании данных внутренней дальстроевской цензуры. Чтобы избежать дополнительных обвинений нашего государства в нарушении прав человека, поясню, что сейчас такое мероприятие называется «контролем почтовых отправлений». Его проведение регламентируется п. 9 ст. 6 и ст. 8 принятого в демократической России 12.08.1995 г. Федерального закона № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

«...Когда я поехал ... в Магадан ... меня и моего сменного ограбили. У него забрали 3000 руб., а у меня 2700 рублей. ... на этих приисках работают одни лагерники, имеющие по 15–25 лет сроку. Поэтому много беглецов: они никого не щадят, грабят всех, кого попало, убивают бойцов, вооружаются ихним оружием, одевают ихнее обмундирование... говорят: «Подвези, земляк!», а в пути грабят и режут водителей. А ночью брёвна поперёк трассы лежат и поневоле приходится вылезать... в это время бандиты вылазят с оружием и финками.

...товарища-договорника сразу убили, когда он закричал: «Разбой!». А я деньги отдал, начал с ними говорить по лагерному и мне сказали – «езжай».

«...Здесь у нас сейчас опасно очень стало. Много бандитов в городе 25-летников. Днём и ночью убивают по дороге, режут, грабят.

Рая работает в приёмном покое, так все случаи через неё проходят. Привозят каждый день полуживых, а то и прямо в морг. ... на глазах совершаются преступления и ничего не скажешь. Так что живём одним часом».

«... кого здесь только нет, почти больше половины заключённых и каторжников – 25 лет. ... нельзя в 9 часов вечера выйти на центральную улицу, такое хулиганство, днём один в парк не пойдёшь. ... сбежали по трассе 30 человек 25-летники – каторжники. Два дня тому назад дочь и мать рвали ягоды, их бандиты убили, разрезали... Днём залезают в квартиры и ограбляют».

«...здесь женщине одной не то что в лес, в уборную вечером опасно, везде заключённые в большинстве долгосрочники, грабят, убивают, насилюют женщин, где только можно, и вот со мной Коля один боится ходить за грибами, соберёмся партией, тогда пойдём. ... нападают на шоферов беглецы, отнимают деньги, документы, да ещё нож в бок...»

«...Две девушки пошли на работу и им в пути встретились трое мужчин. Они их сначала изнасиловали, а потом вырезали им груди. ... В Магадане муж с женой пошли на

сопку за грибами, и там их встретили бандиты. Женщину тоже изнасиловали, после чего ей вырезали половой орган, а мужа всего изрезали. ... А сколько таких случаев происходит каждый день».

«...Жизнь в Дальстрое... почти не изменилась... очень много в Магадане бандитов. Очень много случаев убийства. ... Гулял по сопке с одной знакомой женщиной, на нас напали трое с ножами. Забрали у меня часы «Победа», костюм и деньги, которые были в кармане, примерно 180 руб. Так что вернулся в рубашке. Этот случай ещё благополучный, зачастую здесь убивают и всё содержимое сдирают ...»

«...По городу в ночное время один без оружия не пойдёшь – убьют или разденут, и концов не найдёшь. ...меня, можно сказать, уже нет в живых, а именно, 3 сентября узнал, что заключённые ... проиграли меня в карты...»

К указанному обострению криминальной обстановки имеет непосредственное отношение авторитет магаданского землячества в Москве Вадим Туманов. В своей книге «Всё потерять и вновь начать с мечты» он рассказывает, что был участником разбойного

Основание (дата и № протокола зачета рабочих дней)	дней снижения срок наказания	срока наказания	господина инспектор ОУРС-10
Пр. № 5 от 16.2.48	49	23.11.52	Мель
1000 пр 23 10.4.48	78	5.1.52	Туман
- " - 12 - 15/11.48	81	14.10.51	Ау -
- " - 19 - 27.10.48	42	2.9.51	Ау
" - " 25. 28.1.49	79	13.6.51	Мель
СМ. ма 000	329	ром	
№ 33 от 18.4.49	42	1.5.51	Мель
549. 79 10.7.49	40	21.3.51	Мель
767. 94 24.10.49	44	7.2.51	Мель
66 5 12.5.49	41	21.11.50	Мель



Если внимательно всмотреться, то можно увидеть, что порой даже места на бланках не хватало.

нападения на кассу прииска, за которое по приговору получил большой срок. А сколько было прошедших мимо внимания правоохранительных органов разбойных нападений, краж...

Прозвучит несколько кощунственно с моей стороны, но тут впору ставить вторую «Маску Скорби» – безвинно погибшим от рук уголовных элементов. Ведь если принимать во внимание письма – свидетельства очевидцев, то статистика такова: в день совершалось не менее одного убийства.

На вопрос одного из моих оппонентов, обвиняющего в указанном обострении криминальной обстановки советский режим: «Почему таких не расстреливали?», – я уже ответил выше. В «негуманном» СССР была отменена смертная казнь. Получается, и жёстко плохо, и мягко плохо. А кто ж тогда «таких» ловил и «сажал» – «союзники»?

Есть ещё один документ, текст которого подробно воспроизвести не могу, поскольку, находясь в поездке, не имею доступа к своему архиву. Датирован он концом тридцатых и содержит просьбу руководства Дальстроя к московским властям не направлять на Колыму больных заключённых, поскольку тресту были нужны рабочие руки. А то, что многие бывшие сидельцы доживали и доживают до очень преклонного возраста, подтверждает существование системы медицинского отбора при направлении заключённых в Дальстрой и, как это ни странно звучит, отсутствие губительного влияния на их здоровье пребывания в северных лагерях.

По приезду в Севвостлаг заключённые также проходили медосмотр. Конечно, не как в отряд космонавтов и это не назовёшь детским садом, но на основе заключения врачей им определяли категорию труда. Если вчитаться в медицинский документ, для которого были заготовлены специальные типографские бланки, можно обратить внимание, что даже такие диагнозы, как «вялость голосовых связок» и «функциональное расстройство нервной системы» не оставлялись без внимания.

В некоторых делах я встречал записи о том, что, к примеру, сборы группы, готовившей побег, осуществлялись в «респираторной», а за самовольное отключение компрессоров, подававших воздух в забои, наказывали. То есть, если не сказать, что о здоровье заключённых заботились, то хотя бы обращали на него внимание.

В Дальстрое действовала система поощрений, в соответствии с которой заключённому за хорошую работу снижался срок наказания. Поощрения записывались в специальный формуляр (см. фото), бланки которого тоже были изготовлены типографским способом, что указывает на значительное их количество. Поэтому заключённым не было смысла вылезать из забоя, взбираться на ближайшую сопку и проверять, загорелась ли звезда над лагерем в знак выполнения плана. Как видно из формуляра, зачёты производились довольно часто, что было возможно только без губительного ущерба здоровью. И это был не «рабский труд». Период нахождения в Севвостлаге и работы на объектах Дальстроя зачитывался в так называемый северный стаж.

К периоду, когда, по рассказам очевидцев, действовала «расстрельная тюрьма Серпантинка», относится создание на Колыме музыкально-драматического театра, открытие санатория-курорта Талая, больниц, основание библиотеки УСВИТЛа и Городской библиотеки (предшественниц областной библиотеки им. А.С. Пушкина). Для кого всё это было предназначено, если всё, что делалось на Колыме, делалось руками заключённых? И как-то ещё раз не верится в то, что в Дальстрой их везли, чтобы потом расстрелять или уничтожить другим зверским способом и строили для этого специальные тюрьмы.

Пётр ЦЫБУЛЬКИН

г. МАГАДАН

Юрий ЛЕОНОВ

ЛАГУНА

– Вы не бывали в Ныврово? – участливо спросил, подписывая обходной лист, начальник отдела кадров рыбокомбината. В конце этой неудачной путины сезонники разъезжались кто куда на новые заработки, так что вопрос не показался праздным.

– Не был. А что там?

– Лагуна. Редкий уголок. – Он мечтательно покосился на затянутый паутиной верх окна и, скривив рыхлые губы, потер поясницу. – Вы ведь по профессии журналист?.. Ну вот, и тамошний директор балует пером, а потолковать по душам не с кем. Просил, если случится кто... Так что не сомневайтесь. Если сумеете добраться, там вам будут рады.

Оговорка была не случайной. Вдоволь поколесив по острову, я давно уже не питал иллюзий по поводу шатких надежд тех, кто надеется попасть вовремя куда надо. Завербовавшись рыбаком-сезонником, сюда, в Рыбновск, к началу путины я планировал попасть из Южно-Сахалинска кратчайшим путем, через Александровск. От него до соседнего райцентра – каких-то двести километров. По местным меркам, совсем рядом. Но оказалось, что плановых рейсов туда нет. Если случится оказия, то нескоро. А там, на севере, вот-вот начнется путина.

Я был в отчаянии. Как вдруг охрипший приемник местного радио принес последнюю новость. Только что завершивший работу пленум Сахалинского обкома партии избрал первым секретарём обкома Павла Артемовича Леонова. Стало быть, моего однофамильца.

Ваферистах себя не числил, но тут согрешил, не раздумывая. Зайдя в диспетчерскую, я проинформировал служивых, что мой дядя, Павел Артемович, ныне первый секретарь обкома партии, будет очень недоволен, узнав, что племянник надолго застрял в здешнем аэропорту.

– Как фамилия ваша?..

Чуть погодя в диспетчерской вспомнили, что на складе ожидает отправки в Рыбновск

полторы тонны краковской колбасы. И если я не против такого соседства...

Часа через два я уже трясся в душном салоне «кукурузника почти в обнимку с кружками полукопченой краковской...

Путину я застал и проводил бесславно. Первый, самый добычливый ход кеты, миновал побережье в шторм. И вот, с рекомендательным письмом в кармане, улетел из Рыбновска в Оху – самый северный город Сахалина. Оттуда ежедневно провожали самолёты на юг, и только раз в две-три недели уходил «борт» в противоположную сторону, на северный краешек острова. Поэтому о рейсе на Ныврово я спросил в аэропорту почти без надежды.

– Если не опоздали, то сейчас, – флегматично поведала кассирша и долго объяснялась с диспетчерской.

В фанерном «ПО-2» других пассажиров не оказалось – самолёт отправлялся по вызову. Он словно парил на высоте птичьего полёта над желтеющими марями тундры и свинцовыми гольцами сопки, а справа и слева распахнуто сияло море. Кабина, как люлька мотоцикла, была защищена лобовым стеклом только от встречного ветра, и вольно было хоть, запрокинув голову, смотреть в чистое небо, хоть, свесившись за борт, разглядывать проплывающий внизу остров, отчего создавалась редкостная иллюзия свободного полета. В распадке между двумя сопками косолапо удирал от гула мотора наверняка прервавший свою рыбалку медведь.

– Лагуна! – прокричал, повернувшись ко мне пилот.

Впереди тускловатое посвечивала округлость водоема. Что-то настораживающее чудилось в этой дымчатой, снежной в центре белёсости. Она не отпускала взгляд. И стоило самолету накрениваться, забирая вправо и вниз, как лагуна будто взорвалась и завихрилась клубящимся облаком. Гуси, утки... Тысячи перелётных птиц, взрябив воду, испуганно заметались в воздухе.

Пилоту такая встреча была не внове. Стремительно надвинулась земля с редкими пятнами крыш, бегущими фигурками людей, и песчаная коса мягко приняла воздушный мотоцикл на свою спину.

Первым у самолета оказался молодой светловолосый мужчина в спортивном костюме и резиновых сапогах. Они с пилотом приятельски потискались друг друга.

– К тебе гостя привез, – кивнул летчик в мою сторону.

– Женя, – представился мужчина, сунув узкую, жестковатую ладонь, и, обернувшись к группе пестро одетых нивхов, строго добавил. – Ну, что я вам говорил?!..

Поселяне молчали, настороженно поглядывая в нашу сторону.

Директорский дом стоял особняком, у ручья, перегороженного запрудой. В центре ее вращалась гордость хозяина – небольшая турбина от выброшенного на берег судёнышка, дающая свет бревенчатому пятистенку и пристройкам усадьбы. Дальше провода не тянулись.

– А как же в других домах?

– В других – керосиновые лампы, – сказал директор и, заметив возникшее отчуждение, добавил, – слабенькая турбина, на всех не потянет.

– Хорошо нынче заловились?

– Сказочно. Да толку-то...

Дней десять назад, когда мимо Ныврово пошли косяки осенней кеты, директор поднял на ноги всех аборигенов и выдал им снасти. Завели невод, еле вытащили добычу из воды. И на радостях потребовали отпраздновать удачу.

Женя клятвенно пообещал устроить для всех «большой, большой праздник», но

сначала надо успеть выловить побольше лососей, ведь такое везенье выпадает раз в год... Еле уговорил бригаду снова забросить невод. И когда на песчаную косу снова выволокли прорву кеты, рыбаки забастовали:

– Ой-е-ей! Сколько рыбы! – восторженно прицокивали они языками. – И нам, и собакам до весны хватит. Зачем еще?.. Праздник, праздник давай, нацальник! Все, сдохла работа!..

Устроили праздник. А когда протрезвели, на море гуляли только ветер да волны.

– Тогда-то я их и припугнул, – закончил свой рассказ Женя. – Вот придет большой начальник, он с вами разберется, почему путину сорвали.

– Неужто меня приняли за него?

– А как же!.. Персональный самолет, фотоаппарат на пузе. Чем не начальник?

– Нет уж, увольте.

– Заявление в письменном виде, – весело отреагировал директор, жестом приглашая войти в дом.

Встретила нас расторопная крепконогая хозяйка. Назвалась Тамарой, пылливо взглянула – глаза в глаза, пытаюсь сразу составить впечатление о госте. Крупные губы вспухли в улыбке и построжили.

Мы с Женей сели в просторной горнице у распахнутого окна, откуда виднелись пруд, испятнанная кочками луговина и росчерк хвойного леса. Стояла редкая для здешней осени пора, когда комары уже не досаждают, но днём ещё по-летнему пригревает солнце. Обласканные им, терпко, как после дождя, пахла унавоженная земля и травы.

Хозяин несомненно обладал даром рассказчика. Знакома меня, пока заочно,



с лагуной, он так зримо передавал свои ощущения, что я словно бы уже шёл за ним по пружинистому багровеющему от брусники кочкарнику, огибая дремотные, стоячие воды, к зимовью, где по преданию...

Тихий посвист и всплеск оборвали нашу беседу. У кромки пруда, метрах в тридцати от нас, покачивались на воде две кряковых: утка да селезень. Невзрачная, серенькая знающая себе цену простушка и ярко-зелёный, с горделивой осанкой красавец. Они не успели оглядеться, занятые самими собой.

Мягким движением сняв висящую над головой двухстволку, Женя, почти не целясь, выстрелил дуплетом.

– Ильяма!

Породистая лайка знала своё дело и без подсказок. Минуту спустя, она ткнулась в колени хозяина свисающими из пасти утками.

Все так же, не вставая со стула, Женя протянул добычу жене:

– Сообрази, пожалуйста, что-нибудь.

Тамара взяла уток с подчеркнутой снисходительностью человека, не одобряющего подобных чудачеств, но соблюдающего правила хорошего тона.

– Рассказать кому – не поверят! – оценил я этот спектакль.

– Может и лучше, что не поверят, – философски заметил Женя. – Мы лишнего не стреляем. И другим, прости, не даем.

– Дивное место...

– Погоди хвалить. Ты, считай, лагуны еще не видел.

Стол был накрыт по всем правилам северного гостеприимства. Венчала его, холодновато поблескивая, бутылка спирта. Завозить более слабые напитки в столь отдаленные места кооперация считала невыгодным делом.

Под перезвон стаканов беседа полилась далеко за полночь, обтекая пока что поэзию. Прочесть свои стихи Женя пообещал в более подходящей обстановке, на трезвую голову. У костра, чтоб вторила ему шелестом волн и гомоном перелетных птиц сама лагуна. А я уже почти слышал его стансы: в грубоватой сердечности слов, в резкой смене интонаций... Душа у Жени была мальчишеская, колючая, словно совсем не обкатывала его жизнь. Впрочем, такие природы в здешнем краю не редкость.

...Проснулся, с трудом разлепив веки. Тишина, оцепенение вокруг. Сияние небес в окнах и сумеречная постылость в душе – осадок вчерашних возлияний.

Пошёл к ручью на поклон, на исцеление. И он, кротко журча, облагодетельствовал

страждущего: и напоил, и остудил лицо настоящей на мхах да лишайниках водой.

Дух увядания витал над луговиной. В лад ему струился из поднебесья гортанный волнующий клич. Он то стихал совсем, то разноголосо набирал силу, бередя смутные желания. Может звали меня с собой перелетные гуси-лебеди?... Да с вящим бы удовольствием!..

Замедлив шаги, прошествовала с подойником Тамара. Королева лагуны, обутая в меховые тапочки на босу ногу. В плывучем улыбчивом ее взгляде, наверное, спросонья, почудилось большее, нежели дежурная приветливость хозяйки. И встрепенулось ретивое, хоть, видит Бог, не склонен я был к таким приключениям.

Позавтракав, отправились с Женей по грибы. От порога до леса – рукой подать, но мы туда не дошли. Крепкие, издаликая манящие броскими шляпками подосиновики росли по обочинам и прямо на затравяневшей дороге, среди клубней навоза.

– Чьё добро? – насторожился я.

– Медведи шастают, делать им нечего.

– Не балуют?

– Не, спокойные ребята. Сейчас на ягоде жируют... Она! – Женя ткнул пальцем в отпечаток когтистой лапы, из которой торчал оранжевый кукиш. Целышами зовут в срединной России такие молоденькие, не развернувшие шляпки подосиновики. Мы их набрали, не жадничая, одну корзину на двоих.

Далее всё было чин-чинарём, как обещал Женя. На раскаленной сковородке постреливали, салютовали нам грибы. На столе робко благоухали в вазе, смягчая душу хозяйки, принесённые с медвежьей дороги венчики дремы. Горкой искрилась свежепосоленная икра. Притаившись за цветами, мерцала непочатая бутылка спирта.

Лаская поллитру взглядом, Женя снова сетовал, что скоро останется без работы, и тогда уж наверняка придется уехать на материк, где не осталось никого из родни. Хватит, насеверовали! С недавних пор, как закрыли рыбобазу, он здесь и за директора, и за сторожа, пока не вывезут инвентарь. Всего-то обязанностей: сходить да проверить – целы ли замки на складе. Скукота!

Тамара в магазине тоже одна во всех лицах. Прошлым летом завезли сюда продуктов на весь год в расчете на покупателей из соседней воинской части, подсобного хозяйства и рыбобазы. Но все ликвидировали враз, разъехались люди. А запасы остались. Штабеля

фото с сайта www.hunting.ru



ящичков и мешков. Спирт в бочках, спирт в бутылках... А кому пить?

– Медведям.

– Перебьются, – строго сказал Женя.

В этот раз он захмелел быстрее, чем накануне. И когда, нетвердо ступая, вышел во двор, Тамара призналась, что устала от такой жизни. Одна отрада – песни.

– Давайте споём,- предложила, подвинувшись ко мне, и, не дожидаясь согласия, взяла с низкой ноты:

– Летят утки

И два гуся.

Кого люблю,

Не дождуся...

Голос у неё был сильный, грудной. Глаза затуманило нерастратенное половодье чувств. Лишь слухом обделила природа Тамару. И песня не плыла по волнам девичьих страданий, а терзала мотив. Он навеял такую тоску, словно пророчил мне вековать здесь, слушая одну и ту же заунывную песню.

Женя вошел бодрячком, уронил в нашу сторону короткий, оценивающий взгляд и с воодушевлением пообещал:

– Вот завтра на охоту пойдём.

– А может, посидим у костра? – напомнил я.

– Успеется. Здесь не город, никуда торопиться не надо. Живи и живи, как дерево. Или как промокашка.- Сравнение так понравилось Жене, что он даже языком прищелкнул и соколом посмотрел на меня. – Во-во! Все в себя бери, не грей ни чем. Тут всего наглядисься.

– И писать не спеши, ага? – подсказал я.

– Не, – поморщился он.- Не то, не то говоришь.

Это, как бы выразиться?.. Вот чувствую, а не ухватить слово... Такое верткое, со смыслом... Вот же, бляха-муха!.. Ладно, хрен с ним! Завтра на охоту пойдём. Ты такой охоты еще не видел!

– То-то будет закусь! – с откровенной издевочкой скопировала его интонацию Тамара.

– А как же! Была бы стопка – закусь всегда найдется. Закон пророды... Ну, молодец, что приехал! – в который раз с чувством повторил Женя.- Это ж такой повод! Скажи, Томка?!..

– Отвяжись!

– Вот так всю жизнь поперечничает. Я ей одно толкую, а она мне что?.. Вот именно!

За бирюзовым отблеском пруда лиловели сумерки, растворялись длинные тени. Дотлевал еще один день, будоража воображение. Представилось вдруг почти трезво: если задержусь здесь на те самые две-три недели, то вынужден буду либо совсем отказаться от возлияний на радость Тамаре, рискуя вызвать недовольство и ревность хозяина, либо начну столь же загадочно улыбаться при виде бутылки спирта, как Женя.

Бог услышал мои молитвы. Через день по срочному вызову геологов на песчаную косу спланировал всё тот же «ПО-2». Одно место оказалось свободным, и, поблагодарив хозяев за хлебосольство, я торопливо попрощался с Ныврово.

Лагуна провожала меня без сожаления – благодущными кивками аборигенов, гомоном перелётных птиц, горьковатыми запахами увядающей тайги и никогда не стареющего моря.

Звенящая тишина Большого Норильска

Норильск у многих ассоциируется в первую очередь с холодом и добычей никеля. Действительно, находясь почти на той же широте, что и Мурманск, Норильск отличается крайне суровым климатом субарктического типа. Слово «самый», как никакое другое, подходит этому городу. Это самый северный город мира с численностью населения более 150 тысяч человек. Норильск входит в пятёрку самых ветреных населенных пунктов планеты. Территориально он делится по длине на три административных района, что позволяет назвать Норильск самым длинным городом планеты. Здесь отсутствует сухопутное сообщение с Большой землёй, а мобильная и интернет-связь даёт сбой из-за погодных условий, что в общем-то типично для Заполярья.

Среди окружающего белого безмолвия, в оторванности от Большой земли, с тяжёлой историей, связанной с Норильлагом, и непростой экологической ситуацией, Норильск, однако, может похвастаться тёплым культурным климатом. Здесь, к примеру, находится Норильский Заполярный театр драмы имени Вл. Маяковского – самый северный театр в мире. Работает Норильский городской центр культуры, юношеский театр-студия, художественная галерея, музейно-выставочный комплекс «Музей Норильска». Библиотечная система этого города признана лучшей в Красноярском крае, а выпускники школ для продолжения

образования могут выбирать из нескольких филиалов вузов России, ряда колледжей, училищ и техникумов. Не стоит на месте и дополнительное образование. На территории города реализовывают программы три детские школы искусств – в Норильске, Талнахе и Кайеркане. Территориальная удалённость от других городов России становится не препятствием, а вызовом, в том числе для профессионального развития педагогов и реализации интересных программ обучения и просвещения детей.

В ноябре Норильская детская школа искусств (директор Елена Евтешина) стала инициатором проведения семинара для преподавателей региона по системе Г.И. Шатковского и конкурса «Звезда Норильска». В Норильск была приглашена Татьяна Григорьевна Шатковская – композитор, пианист, член Правления Союза композиторов Москвы и преподаватель Московской государственной консерватории. Татьяна Григорьевна продолжает дело своего отца, Григория Ивановича Шатковского – доцента РАМ имени Гнесиных, автора уникальной методики развития музыкальных способностей ребенка.

Анастасии Адамок удалось встретиться с Татьяной Григорьевной и расспросить её подробнее об уникальной методике её отца, о том, как Север повлиял на её собственное творчество, а также о том, как звучит Норильск.

– Татьяна Григорьевна, расскажите, когда и как возникла идея провести семинар именно в Норильске?

– Следует отметить, что в своей жизни Григорий Иванович дважды побывал в Норильске. А на V Международной Ассамблее «Современность и творчество в методике и практике преподавания теоретических дисциплин детских музыкальных школ и детских школ искусств» в Москве в 2017 году мы познакомились с Еленой Васильевой Андреевой, педагогом «Норильской детской школы искусств». С тех пор идея проведения семинара по системе Шатковского для педагогов Большого Норильска жила в нас и осуществилась в этом году. Я думаю, что из-за удалённости от центра некоторых населённых пунктов возникает естественная потребность «с жадностью» впитывать новые знания, в то время как внутри самого центра, где безусловно появляются новые методы обучения, дело обстоит куда спокойнее. Здесь, в центре, все, увы, привыкают к избытку и в некотором смысле «вседоступности» любой информации.

– О чём удалось рассказать педагогам в Норильске?

– 2 и 4 ноября проходил семинар по системе Шатковского. Мы коснулись базовых принципов системы Г. И. Шатковского, а также некоторых важных в этой системе аспектов теории музыки, сольфеджио, композиции и импровизации. 3 ноября состоялся конкурс «Надежда Норильска», где учащиеся школ искусств Большого Норильска демонстрировали свои знания и умения в области сольфеджио и теории музыки. Мне довелось быть председателем жюри конкурса, а также я с огромным удовольствием провела два мастер-класса для норильских ребят.

– Расскажите, пожалуйста, о системе Шатковского. Чем она так привлекла внимание норильских коллег?

– Система Григория Ивановича Шатковского сформировалась из его собственной многолетней практики работы с совершенно разными детьми. Важным отличием данной системы является то, что папа никого не отбирал, нет деления на «талантливых» и «бездарных». В ребёнке он видел «искру Божью» и был абсолютно убеждён, что каждый ребёнок может успешно заниматься музыкой, сочинять, импровизировать, одним словом, говорить на музыкальном языке, как на своём родном. Многие ученики Григория Ивановича стали успешными музыкантами, композиторами, среди которых: Артём Васильев, Пётр Айду, Елена Лангер, Мария Потоцкая, Святослав



Липс, Елена Голодяевская и другие. Но также выросло много замечательных, талантливых людей других профессий, которые успешны в своём деле. И здесь я скажу главное: для нас важно прежде всего воспитать прекрасного во всех смыслах Человека – умного, доброго и сильного духом. Профессионализм и умения – само собой, но это не самоцель. Уверена, что норильским педагогам система Шатковского оказалась интересна и в этом плане: возможно творческое кредо системы оказалось созвучным для норильчан – людей сильных духом, большой жизненной силы.

– Эта методика ориентирована только для детей?

– Начинать заниматься по этой системе можно в любом возрасте. Мы занимаемся как с детьми от 3-х лет, так и со взрослыми. К папе часто приходили взрослые, которые «с нуля» хотели освоить теорию музыки, и у них это получалось.

– Семинар – это очень хорошо. Но важно, чтобы завязывались профессиональные контакты, чтобы сотрудничество продолжалось, развивалось. Расскажите о том, какое продолжение имели эти встречи в Норильске?

– Мои северные коллеги стали за это время не просто коллегами, а настоящими друзьями, единомышленниками. Общение, конечно же, продолжаем! Делимся своими открытиями, музыкальными впечатлениями, поддерживаем дружеские контакты. 5 декабря педагоги из Норильска были в числе слушателей на нашем онлайн-концерте молодых композиторов

Школы Шатковского, что для нас, конечно, очень важно и ценно. Концерт мы назвали «Музыкальная метель», и это неспроста. На Севере бывает сильнейшая метель, так называемая «черная пурга», когда от вихрей снежных не видно даже идущего навстречу прохожего. В завершении нашего семинара в Норильске, мне дали тему для музыкальной импровизации «Метель». Эта тема очень сильно отозвалась у меня в душе, и я по приезде поделилась своими впечатлениями с ребятами из старшей группы нашей Школы. Я рассказывала им про северную метель, про сильных духом людей, которые жили там в ГУЛАГе... Это было некоторое откровение и для меня, и для них.

– Удалось ли вам познакомиться с городом? Какие сложились впечатления?

– У меня невероятные впечатления от Норильска. Удалось побывать на обзорной экскурсии, посетить мемориал «Норильская Голгофа». Вы знаете, для меня, как для композитора, который всё воспринимает через звуки, наиболее точным было бы выразить это через музыку. Сочинение, которое звучит в унисон с «Голгофой», как ни странно, называется «Набережная неисцелимых» по Бродскому. Оно абсолютно созвучно! Колокол на мемориале абсолютно в одной тональности, в унисон звучит с этим сочинением. Норильск – город, пронизанный глубинной болью. Он как глубинная память русского народа. Широкая душа народа в этих снегах, звенящей тишине. Это какое-то преодоление тьмы и абсолютный свет, удивительное сочетание суровости и тепла, строгости, минимализма, белого цвета и, при этом, такой глубины!..

– Насколько восприимчивыми к тем идеям, которыми вы приехали поделиться с норильчанами, оказались юные дарования?

– Для меня всегда общение с детьми является особенным счастьем, потому что каждый раз в процессе нашего общения происходят удивительные открытия с обеих сторон. Если в начале нашего мастер-класса дети были немного скованны от неизвестности, что их ждёт на занятии, то в конце они начали один за другим выдавать шедевры! В этот момент я осознаю, что да, получилось. Получилось найти ключик к их душам. И это для меня бесценно.

– Появились ли у вас по возвращении из Норильска в Москву (или, может быть, появятся в ближайшем будущем) новые музыкальные импровизации, сочинения, связанные с обликом северного города, природой Севера?

– Дух Норильска и северной природы меня захватил с самого начала. Я уже упоминала про тему «Метель», данную мне педагогами Норильска в конце семинара. С этой темы началось моё «музыкальное приношение» этой северной Земле. По приезде в Москву мы с ребятами – моими учениками – продолжили это музыкальное впечатление. И сейчас, когда идёт процесс сочинения музыки для различных проектов, тема Норильска меня не отпускает, она будто поселилась во мне так глубоко, что постоянно «прорастает» корнями во всех моих последующих опусах. Норильск останется навсегда в моей душе...

Беседовала Анастасия АДАМЕК

Г. НОРИЛЬСК



В тундре не пропадёшь!

10 декабря Таймыр встречал свой 90-летний юбилей. Особые слова благодарности хотелось бы сказать ветеранам – тем, кто вложил в освоение Севера свою энергию и молодость.

ОЛЕНЕВОДСТВО – ОБРАЗ ЖИЗНИ

– Нет, по-моему, раньше, в советское время, в наших таймырских посёлках было лучше. Хотя, конечно, не было в магазинах такого разнообразия товаров, колбас там разных, да и фрукты с овощами довольно редко завозили, но зато народ был, можно сказать, совсем другой. Воспитан, что ли, иначе... В автобус войдёт старушка – обязательно ей место уступят, а как же. Душевными были люди, чувство патриотизма было развито. На улице, если кто-то упал – обязательно подбегут, помогут. А сейчас? В лучшем случае на телефон сфотографируют – решат, что пьяный, сам виноват. Всё в телефоны перешло, всё общение...

Александр Хаскович, потомственный оленевод, а ныне молодой пенсионер. Рассказывает не спеша, со знанием дела, вовсе не ожидая наводящих вопросов. Видимо, вспомнив, что отныне он именно пенсионер, и не желая впадать в присущее старикам брюзжание, спохватывается и переключается на рассказ о своём любимом деле, деле всей жизни – оленеводстве.

– В совхозе всё было организовано как надо – сельское хозяйство пользовалось вниманием правительства. В совхозе развивалось оленеводство, звероводство, коров держали на ферме. В 1987 году, совсем молодым человеком, вплотную пришлось заниматься хозяйством – назначили заместителем

директора по хозяйственной части. Христофор Христофорович Гисс, тогдашний заместитель директора, меня «сосватал» – на время отпуска, мол, а оказалось – присматривался ко мне и порекомендовал начальству. Потом перевели на оленеводство – ответственным организатором, заготовителем. Жизнь связала с оленями, люблю я это дело. Думаю, научиться на лекциях оленеводству не получится – надо родиться оленеводом, это образ жизни. Многого надо знать – ветеринарию, нравы животных, уметь ориентироваться в тундре и ещё тысячу вещей. В учебниках многое есть, но надо знать на практике.

Вот, например, видишь – густой, красивый ягель – а олень его не ест! Почему? Оказывается, трубчатый ягель, а в трубках этих – червячки живут, съест олень – в нутре его такие червячки потом обнаруживаются. А летом надо оленей приучать к зелени, пасти там, где зелени много. И ещё – чтоб корни оленьи выкапывали, они их чувят под землёй – очень полезные, как морковь. Появляется по весне зелень – надо оленей на нее переводить – иммунитет будет хороший.

На месте стоять оленеводу нельзя! Тундра вытаптывается, потом долго не восстановится. Раньше в совхозах был план, специальный маршрут разрабатывался движения стада – все следовали по маршруту. Над этим целые институты работали. У тех, кто много аргитиш – олени здоровее, упитанней, с сильным иммунитетом. Даже по рогам видно – сильный или слабый олень, придут холода, пурги – слабые и телята и взрослые олени гибнут.

– Всё у оленевода в единой связи находится. Мало аргишишь – тебе меньше санок надо, нужды в них меньше. А значит, и меньше санок делать будешь, а потом и вовсе покупать начнёшь у других, сначала санки, потом и упряжь забудешь, как делать – тебе же не надо. Почему так? Лениятся оленеводы, и цивилизация здесь не на пользу идёт – телефоны надо, общение, а для этого оставаться вблизи посёлка хочется. Оленеводы так и теряют свой традиционный образ жизни – покупают, а сами не вяжут мауты, фал импортный купить-то проще, предметы упряжи, которые раньше из рога или кости мамонта делали – из пластмассы упрощённо мастерят, потому что легче это. Дети одни мультики смотрят, забывают свой язык, обычаи. За Гыдой, у океана – там ещё сохраняются традиции. В советское время, кстати, обычаи наши тоже не поощрялись, но хоть тайком сохранялись – идолов прятали. Установка же была: «Ты к шаману не ходи, по нему тюрьма плачет, иди к коммунисту». Имена у нас в основном русские, а на Ямале, за Тазом – Надым, Яр-Сале – стали свои имена давать детям. Восстановление национальных культур происходит, конечно – 30 лет уже, как создана Ассоциация коренных малочисленных народов, праздники стали отмечать – это хорошо. Но и у культур работников нет должной практики, многое утеряно, забываются старые слова. «Печь натопила?» – спрашиваю у работниц культуры на ненец-

ком, старом, которым в тундре пользовались – не понимают. Слова эти, наверное, только в словарях остались, да на Ямале ещё помнят.

– Брат мой, оленевод, встаёт в 5 утра, чуть вздремнёт – и едет в аргиш. В балке живёт. Сейчас балки стали делать по-современному – из фанеры с пропиткой, закрывают брезентом, утепляют дернитом, используют прорезиненную ткань. Балки получаются тяжелее, чем покрытые шкурами, но перевозят-то их снегоходами, поэтому такой недостаток мало значит, зато не надо возиться со шкурами, которые требуют больших трудозатрат, а на кочёвках времени в обрез, уходят на север за 300-400 километров. Когда далеко и часто кочуют, зато олени здоровее, шерсть у них густая. Мы как-то купили 4 оленя у оленеводов, что близ посёлка пасут – так, чтобы уважить хозяев, нам-то своих хватает – так от этой четвёрки наши олени даже сторонились поначалу, они заметно отличались – худые, низкорослые, шерсть слабая...

– Как ягельные места находим зимой? Да подкопаешь снег – увидишь сразу, стоит ли задерживаться здесь. Волки? Нет, волки сейчас не досаждают – мало их стало, перебили, от снегохода-то не уйдёшь. В хорошую погоду волки не нападают, разве что в пургу, боятся – на снегоходе догонят, убьют. Бывает, заведётся близ стада волк, редко когда зарежет оленька – его обычно не трогают, это «хороший волк» – много не съест, а других волков на свою



территорию не пустит. Медведи есть, но они редко тревожат стада – мишка ест мышей, леммингов, корешки копают – беленькие, как картошка, сладкие, как морковка. Сала наедает – в ладонь толщиной. Берлоги делает в зарослях, приходилось бывать в заброшенных – там частенько кости обнаруживаются, видимо, мишка доел за поздним ужином олешку, перед сном закусывал.

Родился Александр Ядне на Ямале, подле посёлка Андипаюта на берегу Обской губы. В 1970-м году родители Саши переехали в Носок, там у отчима жил брат. Своих оленей у семьи было мало, и отчим работал оленеводом у Хансуты Харновича Яптунэ. Через некоторое время, когда появились олени, отчим стал работать в другой бригаде, у Яр Бориса Марюевича. В 1979 году Александр окончил школу, остался в тундре, как самый старший, понимал: надо помогать родителям, сестрёнки ещё маленькие – в семье 8 детей. Все дети родились в тундре. Желание учиться у Александра было, к тому же в советское время это было доступно – бесплатное питание, общежитие обеспечено было. Но – выбор сделан в пользу тундры.

В 16 лет Александр уже работал в отдельной сборной нагульной бригаде у Яр Семпи Хачиковича. Тогда же и сделал свои первые нарты. Бригадир приподнял, взвесил «санку» на руке, вынес вердикт: «Молодец! В тундре не пропадёшь!» Такая краткая оценка иного диплома стоит – понял, что стал настоящим оленеводом.

– Работаем в бригаде – три молодых парня, ровесники. Бригадир частенько ругал нас – видимо, баловались иной раз, отвлекались от дела. Тогда обижались, а теперь понимаю: правильно ругали нас! Вообще, замечательный человек был бригадир, справедливый. У нас олени были подсаночные – совхозные и свои, личные. Бригадир нам: «Однако, одинаково упитанными должны быть олешки – и свои, и совхозные!» Оно и понятно: своих-то больше жалеешь, меньше запрягаешь... Требовал неукоснительно соблюдать режим кочевания – тогда олени лучше питаются, меньше тревожатся. Уходили аж до Карского моря!

В 1984-м году призвали молодого оленевода в армию. Служил Александр в Прибалтике – сначала учебка в Лиенае, затем собственно служба в Польше. Стал классным авиационным механиком. Да и стимул был – специалист высшего класса и денежное вознаграждение получал большее. После демобилизации едва не устроился в Алыкеле механиком – воинская квалификация авиационного механика позволяла, но зов тундры оказался сильнее – поехал в Носок,



устроился в ту же, родную 3-ю бригаду. С 1987 года – заместитель директора совхоза по хозяйственной части.

– Подчинённым моим – по 50 и старше, спорить с ними, конфликтовать не могу. Но – начал вести себя построже, на планёрках требовал отчётности – и через месяц-полтора заслужил уважение. Зарплату старался начислять по справедливости, выдумывал все, что мог – платил за переработку, отпуская в отгулы на дни рождения. В коллективе стали относиться к работе более ответственно, если надо – оставались работать сверхурочно. Дрова готовили, на тракторах вывозили в тундру. 15 коров было в хозяйстве...

В оленеводство Александр Ядне перешёл в 1995-м – работал ответственным организатором отрасли. Потом трудился в администрации посёлка ведущим специалистом по сельскому хозяйству. Наступило время, когда рушились совхозы в связи с прекращением финансирования, народ оставался без работы. Субсидирование совхозов прекращалось по всей России. В носковском совхозе «Заря Таймыра» оставалось до 18 тысяч голов оленей, звероферма ещё держалась. Зарплаты были хорошие, оленеводов 70 человек было, а ещё рыбаки, звероводы. Но истончился, иссяк

ручеек субсидий – хозяйство становится убыточным, встал вопрос о закрытии совхоза. Оленей совхозных разделили, раздали оленеводам. Создавались кооперативы, среди которых основные – «Яра Танама» и «Сузун». Частники со своим поголовьем вошли в кооперативы.

При Галине Александровне Дядюшкиной – последнем директоре совхоза «Заря Таймыра» – коллектив долго пытался держаться. Помогал глава округа Геннадий Неделин, комбинат «Норникель» поддерживал. Например, вертолётами комбинат вывозил продукцию. Коров пришлось забить все же. Стали хозяйствовать самостоятельно, не по плану и указке сверху. Администрация выделила деньги для приобретения моторов, запчастей – Александр Ядне вызвался поехать на «большую землю», закупить. Отправился в командировку – Рыбинск, Самара – 2 месяца ездил, закупался. 12 контейнеров затарил – осенью пришли по воде. Стройматериалы, моторы, запчасти – надолго хватило. Но все равно – совхоз не мог долго продержаться, при всем старании рабочих и Галины Александровны. А когда директор перешла главой посёления в Караул – закрылись окончательно. Александр Хасковичу предложили возглавить кооператив «Яра Танама».

– Начал с того, что оформил землю в аренду – около 2 миллионов гектаров. Оленей у нас было примерно 32 тысячи голов, в некоторые годы доходило до 46 тысяч голов – оленеводство ещё десять лет назад развивалось бурно. Стада были у многих – до полутора тысяч голов! Хозяин двухсот оленей считался бедным у нас. Но вскоре на левой стороне истощились пастбища, к тому же пришло много гыданских оленеводов со стадами – мы перешли на правую сторону. Теперь я на пенсии – передал бразды управления сыну Глебу. Землю получили мы в междуречье Енисея и Дудинки, сейчас весь правый берег – вплоть до Байкаловска – стали занимать оленеводы. Жители Байкаловска обвиняют оленеводов в загрязнении тундры, разорении маяков и древних захоронений, вылавливании рыбы в озёрах... Слишком остро обвиняют! Но там же работают нефтяники, после буровых остаются бочки, нефтяные разливы, цемент, и на тракторах они нарушают тундру – при чем оленеводы?!

– Есть ли жизнь на пенсии, спрашиваете? Можно сказать, кручусь по-прежнему, помогаю сыну, брату – времени в сутках не хватает, дел-то невпроворот. А ночью приходят мысли... Да-а, так вот и прошла жизнь вся – в оленеводстве. Многое сейчас вспоминается – сон-то не тот, что смолоду.

Многое изменилось у нас. Ездовых оленей мало стало, обучать некому, видимо, – снегоходы предпочтительнее. Зарабатывают оленеводы неплохо – стали покупать колёсную, гусеничную технику. Но не подходит она для тундры – ломается часто, а запчастей нет, отремонтировать негде и некому... В посёлках строительство идёт – это хорошо, конечно, но люди переезжают в посёлок, а там работы для них нет...

Есть ещё ветераны в тундре! Работают, передают опыт молодым. Тэседо Сюзюку Кудоямович был ветеринаром, бригадиром оленеводов. Сейчас помогает сыновьям. Дмитрий Хольчевич Яптунэ – с малых лет его помню. Закупал оленей, ездил в Носковскую и Гыданскую тундру – всё на оленях, снегоходов в те времена не было. Вот два настоящих ветерана-оленевода Тухардской тундры! Хотелось бы пожелать им крепкого здоровья!

Я часто в стаде бываю, к сыну, брату езжу, помогаю им – скучаю по тундре. Летом пасём на северной стороне, зимой – на южной. Недалеко от Дудинки, удобно. Не гонюсь за грантами, пособиями – зачем нам, сынок? – так и говорю сыну, – мы сами можем работать. Как в молодости не искал причин для оправдания невыполненной работы, а искал способ сделать её, так и теперь помощи не жду – сам выкручиваюсь...

ИЗ РОДА ЧОР

– Мы из рода Чор. «Чор, чоры» в переводе с ненецкого – «кричать, ругаться». Русская фамилия – Пальчины, со стороны деда. Когда-то на Кислом мысу, что близ Тухарда, стоял его одинокий чум. Я, Дюкарева Анна Ивановна, родилась 26 апреля 1942 года на фактории Большая Хета. Со стороны бабушки – мы Лырмины, по-ненецки Ваи. А Ваи, или Баи – энецкий род. Другой дед мой, Лырмин Кузьма Ефимович, местный князь и шаман. Имел больше тысячи оленей, в колхоз вступать не хотел, свободу любил. В колхозе ведь как? Кто-то за тебя решает, куда кочевать, сколько оленей резать. А дед мой сам всё хотел решать. «На, бери оленя! Бери шкуры на одежду!» – бедным давал. В приснопамятном 37-м был арестован, в 38-м расстрелян, здесь же, на берегу Енисея. Бабушка – Мария Романовна Силкина. В Потапово и сейчас живут Силкины, в Воронцово живут. Получается, я и энка, и ненка тоже. Отца, Ивана Михайловича Пальчина, тоже НКВД забрал, так и числится пропавшим, неизвестно, где сгинул...



ГОЛЬ НА ВЫДУМКИ ХИТРА

Анна Ивановна Дюкарева, Почётный гражданин Таймыра и Дудинки, ветеран труда, известный педагог и общественница. Рассказывает о днях давно минувших с болью неутраченной – тяжёлым катком прокатилось по родове всей неумолимое колесо истории. Не стихает боль, но нет в словах ветерана и признаков озлобленности, присущей порой новоявленным «либералам» и очернителям истории государства нашего, и сотой доли не претерпевшим испытаний, выпавших на долю дочери многострадального маленького народа. Понимала всегда – надо жить, надо строить молодую государственность, налаживать жизнь на своей суровой родине.

– Остались мама и 5 сестёр одни, без мужиков. У троих сестёр были уже дети. В военное и послевоенное время тяжко было, голодно. Сами женщины охотились, сами рыбачили. Зайцы, куропатки – основная добыча женщин. Бабушка придумала: посадит нас, детей, в кустах со старенькой сетью, а сама старается согнать куропаток в нашу сторону – стайка куропаток, когда спугнёшь, далеко не улетает, садится рядом, не заметив нас, притаившихся в кустах. Как приблизится и сядет стая – «Накрывай!» – кричит бабушка. Вот такой хитроумный метод охоты – голь на выдумки хитра. Особенно тяжко было

весной, когда лёд ещё не прошёл – бабушка кости варила по 2-3 раза, лишь бы вода была помутнее – какой уж тут бульон... Нас, ребятишек, спас от голода интернат.

ЯБЛОЧКИ ДЛЯ ИГРЫ

Оленей у семьи конфисковали, жить в тундре стало практически невозможно, пришлось переехать в посёлок. Маленькая Аня училась в Усть-Портовском интернате, вместе с сёстрами – Зоей и Тоней. В комнате жили вместе с девочками из других семей. Всё внове, но старшие ухаживали за младшими, помогали освоиться.

– Как-то выдали нам в столовой яблоки. Мы с ними играли, не ели – красивые такие шары, приятные. С трудом нам втолковали, что это есть нужно, – улыбается Анна Ивановна. – Учителя были замечательные, всегда с любовью их вспоминаем все мы – это были в основном приезжие женщины, но в том числе были и репрессированные латыши. Приезжие, конечно, языков коренных народов не знают – случались курьёзы на этой почве. Но директор всегда советовал приезжим изучать ненецкий и другие языки.

Гуляли по очереди – одежды не хватало, конечно, даже фуфаяк мало было. Пища – дети называли её «русской едой» – видимо, содержала недостаточное количество

витаминов, аминокислот и микроэлементов – недостаточное для детей, привыкших к тундровой еде. У Ани стали опухать и отказывать ноги. «Сарафанное радио» донесло до родителей, что девочка совсем плоха – родители приехали, спрятали под кроватью меховую парку и обувь, потом тайно от учителей увезли дочку в тундру. Лечили долго народными средствами – обматывали ноги тряпками, смоченными оленьей кровью (аналог современных пантовых ванн). Привычная тундровая пища и лечение подействовало – выходили девочку, вернулась в интернат.

«ХОЧУ СТАТЬ РЫБАК ОБМОРОЖЕННЫЙ»

Аня и сестры учились хорошо, окончив школу, все поступили в Игарское педагогическое училище – сказалось уважение к своим учителям, благодарность им и преклонение перед благородством этой профессии. Высшее образование Анна получить не смогла – нужно было помогать матери, после училища поехала работать в школу. Игарское педучилище вспоминается с огромным уважением – это настоящая кузница кадров для северных школ, для коренных народов. Анна Ивановна работала учителем, затем директором в маленьких посёлочках – Белый Яр, Ладыгин Яр, затем в Карауле. Туда же, в Караул, приехала после института народов Севера старшая сестра Зоя. Руководители образования присматривались: кого из сестёр оставить в Карауле, а кого направить в школу дальнего посёлка – в кадрах дефицит, разумеется, сразу двух грамотных педагогов в одной школе задействовать начальству показалось расточительным – Анну Ивановну направили в посёлок ещё более дальний, дескать, бойкая, справится.

В школе учились и дети репрессированных немцев, которые по сей день – теперь уже сами глубокие пенсионеры – с любовью вспоминают свою учительницу Анну Ивановну.

– Немцы жили так же точно, как и мы, немцы, – вспоминает Анна Ивановна. – Охотились, рыбачили – одна на всех тундра, тот же труд. Помню, Витя Миллер на вопрос, кем хочет стать, отвечал: «Хочу быть рыбак обмороженный». Репрессированным жилось трудно, голодно – а рыбак по крайности всегда с рыбой будет. Помогать репрессированным было нельзя, как рассказывала бабушка, – так наши рыбаки переносят улов и – как бы случайно – уронят рыбин пару-другую, для семей немцев. Всё практически приходилось отдавать государству, хитрили: поймают налима – вытащат

тайком максу, а взамен камешек положат. И наше детство было голодное. Летом основная еда в тундре – морошка. Редко – зайцы, куропатки. И рыба. Но без оленей на дальние озера не попадёшь – довольствовались уловом с ближних озёр...

ЭТАПЫ ТРУДОВОГО ПУТИ

После школ в маленьких посёлочках Анну Дюкареву перевели в посёлок побольше – Носок. Здесь поручили организовать комсомольскую работу. Жизнь в посёлке кипела – практически каждая организация имела свой хор, творческий коллектив.

– Творческие коллективы были замечательные! Вспоминаю часто Самарского Александра Федоровича, руководителя совхоза, да и другие начальники были мощными администраторами, руководителями с глубоким пониманием жизни. Александр Федорович зимой выдавал женщинам двуручные пилы заготавливать дрова, хотя бензопила имелась, но: важнее обеспечить занятость для женщин, чтобы не допустить разгильдяйства, пьянки от безделья, потому что другой-то работы нет в посёлке – мудро это, особенно с высоты возраста нынешнего понятно...

В Носке Анна Ивановна и познакомилась с будущим мужем Иваном Дюкаревым. Бульдозерист, тракторист, мастер на все руки. Иван Григорьевич часто уезжал надолго в командировки. Анна набиралась ценнейшего опыта работы с людьми, и её умение находить с земляками общий язык было замечено – пригласили в Караул на партийную работу, а после перебросили на работу в радиокомитет, в Дудинку – средствам массовой информации в то время придавалось должное значение, в отличие от времени сегодняшнего.

– Направили в телерадиокомитет, руководил которым Николаев Виктор Сергеевич, назначили редактором ненецких передач. К тому времени подрос и сынок мой, Гриша – он же повсюду сопровождал меня, четвёртый годок миновал, видел воочию наши нынешние знаменитости, с которыми довелось работать на радио – Огдо Аксенову, Любовь Ненянг, Николая Попова, теперь может гордиться этим, и гордится! – улыбается Анна Ивановна. – Жизнь журналиста, и радиожурналиста в том числе – это разъезды постоянные, командировки, встречи с людьми. В то же время избрали секретарём комсомольской организации окружного радио и газеты «Советский Таймыр». Александр Петрович Паращук был партгором на радио и заместителем Николаева, затем возглавил

газету «Советский Таймыр». Газета в те времена была настоящая! По всей тундре корреспонденты ездили, о знатных людях труда писали. Транспортное сообщение в регионе тогда, в 70-е годы, правда, было несравненно лучше, регулярнее – по несколько бортов в день в посёлки летало, а сейчас... Теперь-то газета – одно название, новости все устаревшие, к тому же только о работе администрации и пишете, людей тундры не отмечаете никак, в командировках не бываете! Ну да ладно, не ваша в том вина... Понимаю – денег на командировки не выделяют. Но и такая газетка выходит раз в неделю, тираж маленький, выписать мы не можем. Звонит подруга моя, Зоя Васильевна, ей скоро 90: «Всю жизнь нашу газету выписывала, теперь – не могу!» Вся тундра в прежнее время получала газеты, а теперь, что же, – администрация боится, выходит, что газета правду о положении тундровиков напишет?! Телевидение вот тоже – раньше все события освещались, теперь мы ничего не знаем. Это никудышная кадровая политика!

ТАК ГОВОРЯТ СТАРЕЙШИНЫ

Анна Ивановна, как старейшина и участник первого съезда, в составе делегации от Таймыра принимала участие в знаменательном Форуме, посвящённом 30-летию Ассоциации малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, состоявшемся 23-26 сентября текущего года в Москве. На форуме обсуждались острые вопросы современности, о которых ветеран хотела бы рассказать общественности.

– На юбилей приехали много старейшин – 500 человек собрали, хотя дорога неблизкая – некоторые 9 часов летели! Первому президенту Ассоциации КМН Севера, Сибири и Дальнего Востока Владимиру Михайловичу Санги – 85 лет, мы с ним даже друг друга не узнали, – с грустинкой улыбается Анна Ивановна. – Главные вопросы поднимались на заседаниях: кадровая политика, безработица, жильё и другие. Кадровая политика в национальных регионах, как отмечали практически все выступающие, оставляет желать лучшего. Мы же не требуем: «Ставьте коренных!» – пусть присылают какой угодно национальности, но руководитель должен с нами советоваться, вместе мы должны решать вопросы! На Таймыре 5 этносов, все мы разные, надо изучать особенности. Геннадий Павлович Неделин, например, 31 год руководил округом! Всех знал, к себе домой запросто приглашал тундровиков, оленеводы до сих пор вспоми-

нают. А губернатору Ямала Дмитрию Артюхову – от роду 31 год... Сегодня у нас, например, даже Почетных жителей не собирают. А ведь старики – первые помощники власти, пользуйтесь нашим опытом! В окружении главы Таймыра имеются, конечно, опытные люди, но, видимо, сидят тихонько – боятся прогневать шефа. Проблемы в посёлках нарастают, как сугробы в пургу: пьянство, усугубляемое безработицей, в посёлках ветшает катастрофически жилой фонд и так далее. Нас не устраивают многие законы, принятые депутатами Госдумы. Но депутаты у нас не бывают, не могут знать проблем, это раньше они встречались с народом, слушали советы, отчитывались... Говорили старейшины на форуме прямо, собирали нас отдельно, присутствовали высокие руководители страны – разъезжались с надеждой, что будут приняты меры на самом высоком уровне!

«СИРОТА ТАЙМЫРСКАЯ»

Тему, похоже, мы затронули волнительную для каждого таймырца, тем более – для активной общественницы, не утратившей с возрастом былого комсомольского задора. Вернуться к собственному жизнеописанию помогает архив – рассматриваем многочисленные награды ветерана, свидетельства боевитой молодости, дорогие семейные снимки.

– Отец Гриши, Иван Григорьевич – в командировках по полгода, отдавала сына в детский садик «Ромашка», потом он стал детским домом. Это сейчас Гриша мой смеётся: «При живых родителях, дескать, был детдомовцем!», а тогда... Несколько садиков сменили – зимой возила в садик на саночках с коробом – наша, таймырская мода – по нечищеным дорогам, в пургу... Часто приходилось оставлять его ночевать в «Ромашке». Может, с тех пор он такой самостоятельный. Во второй школе учился (теперь там спортшкола), записался на танцы, ничего мне не сказал, а курсы платные – меня ругают за неуплату, я к нему: «Ты меня позоришь, зачем не сказал ничего?!»

Пришлось Анне Ивановне с сыном вернуться в Караул – там жила бабушка Гриши, поможет. Устроилась воспитательницей в интернат, вскорости перевели заведующей. Быт обеспечить детям – это полдела, считает Анна Ивановна, но воспитатели родителей никогда не заменят – интернат больше калечит психику детей, чем социализирует их. С детьми непросто, особенно в экстремальных для них условиях, например, сопровождая на теплоходе при поездке в лагерь этих свободолюбивых, не выносящих скученности

детей тундры, но у Анны Ивановны получалось наладить контакт. В Карауле распорядок жизни мало поменялся для мамы – всё так же допоздна на работе, Гриша с бабушкой – «Аммой», или «Графиней», как прозвали дочь родового князя земляки. Позднее, в 1982-м году, Анну Ивановну отправили в Ленинград на курсы повышения квалификации. Поехала с сыном – на кого же его оставить, отца Гриши годом ранее не стало.

ПОД ОХРАНОЙ ВОЖДЯ

– Сама поездка в Ленинград – целая эпопея! – вспоминает с улыбкой Анна Ивановна. – В Москве на Ленинградском вокзале толчея, а ждать сутки. Мы расстелили зимние вещи на свободном пятачке, благо вещей набрали много – спим, как у Христа за пазухой! Оказалось утром, когда нас все-таки решился разбудить милиционер, – не у Христа за пазушкой, а под охраной самого великого вождя – Ленина! Только у ног вождя пролетариата на постаменте и оставалось с ночи свободное местечко, где никто не ходит, там мы и расположились, не заметив с устатку памятника. Милиционер отвёл подальше от памятника, стыдит: «Позор, стыдно!» А на эскалаторе вообще уселись на ступеньки, довольные – едем же! Голос сверху откуда-то: «Граждане, встаньте!» Насилу поняли, что это к нам обращаются. Потом ещё гадали-искали, где оплатить такую чудесную поездку на лестнице. Что поделаешь – это в Дудинке мы освоились, Гриша, трёхлетний, маленький, гордо ходил в малице, а здесь – столица, дело знакомое...

Муж рано ушёл из жизни, маленького сына Анна Ивановна поднимала одна, при этом совмещая работу преподавателя и партийную работу. Была членом райкома КПСС, входила в состав бюро райкома. Однажды, когда бабушка, – Амма, или Графиня, как называли её внучата, в ненецкой песне рассказывала подвыпившему сыну Павлу, как пытали чекисты её 68-летнего отца Кузьму Ефимовича, протаскивая в воде от проруби до проруби, причём настолько это в традиционной народной песне получалось эмоционально и трагично, что тот не выдержал, схватил ружьё и помчался к зданию милиции посёлковой, стрелял во флаг над крышей. Его скрутили, конечно, ружьё конфисковали, хотели судить, но Анна Ивановна в первый раз, наверное, воспользовалась своим партийным авторитетом – сумела уговорить, чтоб отпустили. С тех пор дядя Паша охотился с Гришиным ружьишкой.

НА ЗАРЕ ПЕРЕСТРОЙКИ

В 80-е годы жизнь общественная кипела и на Таймыре – гласность, перестройка, инициативы Горбачёва. В 1988-89-м годах стали формироваться в стране Ассоциации коренных народов – людям необходимо было спланировать, самим решать свои проблемы житейские – совхозы и колхозы распущены, партийные комитеты тоже. 11 декабря 1989 года состоялся первый съезд коренных народов на Таймыре. Тогдашний губернатор Геннадий Павлович Неделин отправил в Караул Марию Анисимовну Попову с заданием убедить Анну Дюкареву возглавить Ассоциацию коренных народов Таймыра. Но Анна Ивановна взяла самоотвод, ссылаясь на годы. Сын служил в армии – не решилась брать ответственность. Президентом Ассоциации стал Николай Никитович Большаков, долганин, бывший директор совхоза «Заря Таймыра», работал в партийных органах Усть-Енисейского района. Анна Ивановна, соответственно, – вице-президент.

– Всё было внове. Одно из требований Ассоциации на местах – акцент на традиционных видах хозяйственной деятельности, вообще сохранение народных традиций. К тому времени на центральном Таймыре оленеводство не сохранилось, поменялась структура хозяйствования – в посёлках содержали коровники, курятники, пришлые поневоле выдавливали коренных. В промыслах картина иная – коренные составляли конкуренцию, но они свобододолюбивые, не любят дисциплину, подчинение, план – отсюда логично, что закрепились на лучших угодьях опять же приезжие – они более дисциплинированы, их и снабжали лучше припасами, сетями. Высокие доходы у коренных были только в оленеводстве, где они вне конкуренции.

На первом съезде эта система подверглась жёсткой критике, как и экология – состояние пастбищ, земель и водных объектов. Это народное достояние, но приходилось и мириться с присутствием геологических организаций, их работой на территории и связанными с этими нарушениями экологической безопасности – геологи долгие годы утюжили хрупкую тундру гусеницами тракторов, бросали бочки из-под ГСМ и другой промышленный мусор. Мирились скрепя сердце – понимали, что взамен этому – развитие посёлков, их инфраструктуры, культуры – появились 2 телеканала, потом цветные телевизоры. Понимали, что развитие народного хозяйства геологами работает на благо всех, в том числе коренных – тогда называли «малых народов» Севера.

ЗЕМЛЯ – ОСНОВА ЖИЗНИ

К началу 90-х, отмечает Анна Ивановна, интеллигенция коренных народов стала все настойчивее ставить вопросы – приходило понимание значения территории для жизни местного населения. В Конституции записано: земля и природные ресурсы – основа жизни и хозяйственной деятельности народов, проживающих на территории.

– Таймырская земля – наша! – убеждена ветеран труда, Почётный гражданин Таймыра и города Дудинки Анна Ивановна Дюкарева. – Это понимают и администрация района, и компании, пришедшие на полуостров. «Норникель», кстати, всегда понимал: руководители комбината приезжали к председателю Ассоциации Николаю Большакову, обсуждали вопросы компенсации, которые могут быть очень острыми.

Тогда компания выделила 600 снегоходов «Линкс» для передачи коренным в посёлки. И не только снегоходы, а также дефицитный в то время товар – сапоги, дублёнки, шапки, стенки, сервизы и так далее. Всё распределялось через Ассоциацию КМНТ. На Анну Ивановну легла эта тяжёлая обязанность. «Нет более неблагодарной работы, чем распределение благ в нищем обществе», – сетует бывший вице-президент. Посыпались необоснованные обвинения, подозрения, хотя из всей семьи получил снегоход только брат Павел. Сыну Григорию Анна Ивановна не распределила столь желаемую им (молодой же был, любил поохотиться!), столь престижную технику.

– Пришли как-то землячки ко мне в гости, к первому вице-президенту Ассоциации КМНТ, – и опешили, не сумели даже скрыть удивления: ничего практически из дефицитных товаров нет в доме! – вспоминает Анна Ивановна. – После первого же срока вице-президентства я отказалась от поста, отошла от общественной жизни, вернулась в сферу образования – дали ставку в гороно, стала методистом по работе с национальными учителями. Знала всех таймырских учителей. Позже Маргарита Ивановна Попова организовала институт усовершенствования учителей и пригласила работать организатором. Но – ужесточились требования, и институт закрыли, перешла в «Юность» – Центр детского творчества и краеведения, ныне ДЮЦТТ «Юниор». Отсюда и по сей день – на пенсии. Как видите, обычная биография...

ПРОСТО ТУНДРОВИЧКА КОРЕННАЯ

Анна Ивановна Дюкарева – Почётный гражданин города Дудинка, Почетный гражданин Таймыра. Опытный педагог и общественный деятель, собирательница и хранительница национального фольклора, яркий представитель ненецкого народа, всю свою жизнь посвятила Таймыру. Являлась участницей фестиваля «Фольклорная классика Таймыра», соавтор сборника «Древние легенды Таймыра», консультировала известного ученого К. И. Лабанаускаса, переводя с ненецкого языка легенды и сказания сборника «Сказы седой старины», ведёт большую краеведческую работу, награждена грамотой Союза краеведов России. Работала Анна Ивановна со многими первыми руководителями Таймыра, в частности, принимала участие в инаугурации губернатора Александра Геннадьевича Хлопонина – вручала ему от имени коренных народов дары Таймыра. объездила полуостров вдоль и поперёк, сотни её выпускников работают в разных отраслях экономики страны и района.

Анна Ивановна всегда была и остаётся в гуще общественной жизни Таймырского района, занимая ведущие посты от секретаря комсомольской организации колхоза «Заря Таймыра» до помощника президента Ассоциации коренных малочисленных народов Таймыра. В настоящее время является членом Общественного Совета при Главе Таймырского муниципального района. Имеет звания «Ветеран труда», «Отличник народного просвещения». Как сказала коллега и подруга Анны Ивановны, известная ненецкая поэтесса Любовь Ненянг: «Просто тундровичка коренная»...

ХРАНИТЕЛЬ ПРОШЛОГО

«Василий Батагай – перспективный, молодой, но уже имеющий свой почерк мастер, прекрасно владеет резьбой по кости, аппликацией из ровдуги и меха северного оленя. Пишет картины, работает в технике акварель. Имеет навыки игры на традиционном инструменте – баргане, постоянный участник различных мастер-классов. Участвовал в многочисленных краевых, районных, окружных, зональных выставках и конкурсах мастеров. В 2004 году завоевал второе место во Всероссийском конкурсе ледовых скульптур «Саха-Арт-Мусс» – гласит



краткая характеристика в интернете. А также Василий Иванович – активный участник творческих лабораторий «Таймырская резная кость», проходивших в Таймырском Доме народного творчества, выставок декоративно-прикладного искусства различного уровня. Лауреат Регионального творческого конкурса на соискание премии им. Б.Н.Молчанова. Лучшие работы хранятся в «Золотых фондах» Центра народного творчества посёлка Хатанга, в частных коллекциях.

Даже самый подробный перечень наград и регалий не опишет всего многотрудного творческого пути художника, как считает Василий Иванович.

– Что определило выбор творческих приоритетов? Пожалуй, наибольшее влияние на меня как мастера, художника оказал наш знаменитый таймырский художник – Борис Молчанов, его самобытные, поэтические кожаные работы, с которыми вплотную познакомился в главном Чуме. Решив продолжить дело Молчанова, поехал летом в Кресты собирать ровдуги для своих будущих работ...

Кресты... Посёлок, затерянный в тундре бескрайней, малая родина, на которую возвращается мастер каждый раз в поисках энергии и вдохновения, как Антей, приникающий к груди матери-земли и возрождающийся.

Батагай Василий Иванович родился в 1977 году в посёлке Кресты. Родители – оленеводы, кочевали со стадом. Василию исполнилось 10 лет, когда семья осела у озера, занялась

рыболовством. Отец, Иван Николаевич, якут по происхождению (в паспорте значится – долганин). Иван Николаевич живёт в Сындасско, у старшей дочери. Ещё две сестры Василия Ивановича – в Новорыбной и в Попигае. Мама, Светлана Елисеевна, долганка. В семье много было якутских предметов, сохранились даже в тяжкие 90-е – пояса, парки, которым без малого сто лет!

– В Крестах жили долганы и якуты. Мои предки – якуты, в беспокойное время коллективизации переселились на север, – свою родословную Василий Иванович рассказывает обстоятельно. – Константин Уксусников, наш старейшина, рассказывал, что Батагаи и Чарду, приехав, жили отдельно. В Якутии есть Батагайский улус и посёлок Батагай. Один дед женился здесь на эвенкийке, вскоре уехал, а второй дед, Василий, полностью перебрался сюда, на новые земли, с семьёй – 5 мальчиков, 5 девочек, большое стадо, до конца 30-х жил отдельно. Приезжали деды-прадеды молодыми, женились на девушках якутских родов, а уже их сыновья – на долганках. Связь с якутскими родственниками поддерживается.

Дед Василий первым отдал стада в колхоз, он жил долго, всех своих братьев пережил, последние свои годы провёл в Сындасско. Земляки помнят деда Василия Батагая, оставившего по себе не только добрую память, но и многочисленных потомков.

– В семье мамы было 9 детей, но выжили мы только четверо, – вспоминает Василий Иванович. – В тундре мама рожала,



болезни уносили детей. Родители делали все возможное: пытались даже сохранить недоношенных, помещая их в своеобразную «капсулу» – желудок свежезабитого оленя. Каждый день нового оленя забивали, но...

Всё раннее детство Василий аргишил с семьёй. По национальности – долганин. Выпускник Норильского колледжа искусств, отделения декоративно-прикладного искусства, куда поступил в 1996-м. Окончил курс в 2000-м, полгода поработал в Дудинке, в Доме народного творчества, но вскоре переехал в Хатангу, где в Центре народного творчества 6 лет работал мастером-косторезом, затем перевели на должность главного специалиста по ДПИ и ИЗО. Первые косторезные мастерские были организованы в Хатанге, затем в Сындаско. Василий Иванович создал студию и для детей – «Кюн-Коу», что означает «солнце» на двух языках – долганском и нганасанском. В студии занимались старшеклассники – долганы и нганасаны. Кроме того, Василий Иванович преподавал изобразительное искусство в школе искусств.

– Были у меня в детстве любимый оленёнок? Похоже, это уже настоящий репортёрский штамп,... – улыбается собеседник. – Любимый ручной оленёнок – тугут по-долгански – конечно, был! Он сам ко мне подошёл – тогда мама вывела меня из чума, маленького совсем – прогуляться на воздухе, и спустилась к речке за дровами. Возвращается – в испуге: нет нигде малыша! Слышит лишь возню какую-то поодаль, да рожки из-за сугроба торчат. А

это я за кочкой лежу в снегу, рядом оленёнок, мы в обнимку, и оба – довольнѐхонькие! Он ко мне часто приходил, толкал чум рожками – звал гулять товарища...

Подростий Василий зиму проводил в интернате, а летом всегда аргишил с родителями. Бригады разделялись: одни на север, другие – ближе к горам.

– В горах Бырранга на кочевье. Я – маленький, а старшие ребята собираются на гору, о которой существует легенда, что это голова Демона, побеждённого богатырём. Конечно, мне интересно, я тоже прошусь. Мама, конечно, пускать не хочет – не дойдёшь, устанешь, ты маленький ещё... Но у нас не принято говорить категорично детям: «Так нельзя!» – ребёнок сам должен понять. Вот мама и выдвинула «невыполнимое» условие – я должен буду собрать дрова по дороге (авось сам откажется!). Не отказался, пошёл, взобрались: «А где голова Демона?!» – «Окаменела!». До стойбища обратно еле дошёл, а ещё дрова собрать должен... Представляю себя богатырём, борющимся с Демоном – неподатливой веткой тальника, могучим воином. Собрал-таки охапochку, несущую из последних силёнок, но – гордый...

Долганы не упрекали прямо: «Почему дрова не заготовлены?!» Мама лишь упоминала вскользь: «Опять дверь в нижний (холодный) мир открыта...» – дети отправлялись за дровами. Такая народная педагогика. Вечерами в чуме – долгая трапеза за чаем. Все рассказывают, кто что сделал за день, что предстоит,

все события обсуждаются. «Мини-планёрка», – смеётся Василий Иванович. Участвуют и самые малые – приучаются к ответственности.

– Я стараюсь проводить такие «планерки» с племяшами, – улыбается Василий Иванович, – но не всегда получается, да и кухонки в квартирах маленькие, все не помещаются. Общение теперь совсем не то – вроде и с тобой дети, и – одновременно – в телефонах своих.

В 2008-м году – новый поворот судьбы: талантливый художник становится заведующим отделом декоративно-прикладного искусства в Таймырском Доме народного творчества. Здесь, всерьёз увлечшись этнографией, назначается главным хранителем фондов ТДНТ. Здесь отвечает за сохранность коллекций декоративно-прикладного искусства и картинного фонда, участвует в этнографических экспедициях, создании буклетов и документальных фильмов. Также он проводит экскурсии по выставочным залам Дома народного творчества, организует семинары, мастер-классы, тематические уроки для детей и молодёжи по декоративно-прикладному искусству и традиционной культуре коренных малочисленных народов Таймыра.

Первая масштабная экспедиция – в Хатангу, продолжалась более месяца и охватывала весь южный куст сельского поселения. Проект назывался «Долганский костюм через века». Через 2 года – вторая экспедиция, охватывающая северный куст – посёлки Попитай,

Сындасско, Новорыбная. Здесь были собраны замечательные образцы нганасанских костюмов.

В экспедициях Василий Иванович много общался с ветеранами, народными сказителями. Антонина Алексеевна Суздадова – кладёзь сведений о культуре и истории долган.

Ася Дмитриевна Рудинская – второй человек, повлиявший на выбор направления работы Василия Батагая. Сотрудник Большого Арктического заповедника, Ася Рудинская собрала богатую коллекцию экспонатов, материальных свидетельств культуры, с которыми работал Василий Иванович, делая записи и зарисовки.

– Интересный проект – исторический, «Четыре предмета», осуществляли в 2014-2016 годах, – вновь «оседлал любимого конька» Василий Иванович. – Участвовали режиссер из Гватемалы, художник Мария Волобуева из Екатеринбурга и другие. Ездили по западу России, изучали эти самые четыре предмета – металл, кожа, бисер, ткань. Начали с города Опочка – самый западный пункт. В Москве изучали текстильную продукцию, в Санкт-Петербурге – музей этнографии, кунсткамера, в Тобольске и в Екатеринбурге – металлы, литьё, школа иконописи, нашли много интересных икон, скобяных, живописных предметов. Затем – Красноярск, Енисейск, Туруханск – здесь торговля, амбары. Проект продолжался целый месяц, завершился в Дудинке. Рабо-





та над проектом позволяет расти профессионально, и вообще очень интересна.

Василий Иванович благодарен за помощь администрации района и лично Анфисе Никифоровой. Подготовка фильма о проекте подходит к концу. Проект «История четырех предметов» будет продолжен на восток.

– Бусинка – откуда она? Стоила для северянина целого оленя! – вновь удивляется художник. – Когда-то создавалась в Турции, в Италии – и доставлялась к нам, на край света. Целые деревни и городки купцов и ремесленников создавались – металл был нужен коренным, деньги не жаловали. Мы в экспедиции тоже старались набирать больше подарков – подарки для коренных важнее, чем деньги.

В планах главного хранителя и мастера – проекты по развитию туризма. Встают новые вопросы, сложные задачи. Как представить культуру этносов Таймыра туристам, которые приезжают, естественно, не только на природу полюбоваться, но и познакомиться с местными обычаями, обрядами, традициями. Туристы, как убедился Василий Иванович, – разные люди, при общении с ними надо быть внутренне подготовленным. Исходя из пока ещё небогатого опыта, убедился: российские туристы – очень образованные, культурные, вежливые люди, никогда не допускают хамства по отношению к коренным и очень любознательны.

В планах – проекты по сувенирной продукции. На фестиваль «Большой Аргиш» мой собеседник планирует представить одежду, сумки, изделия ДПИ и косторезные изделия

мастеров. Предстоит довольно тяжёлая работа для модельеров, мастеров, специалистов, этнографов.

– Проект интересен тем, что во время осуществления его самообучаешься, – считает Василий Иванович. – Люблю читать, особенно работы учёных по этнографии. В основном по долганам, но интересна мне и культура ненцев, эвенков, нганасан, энцев. Время неумолимо, уходят носители культуры коренных. Мало тех, кто может рассказать о традициях, обрядах, исполнить песнопения. Изучать обрядовую культуру, историю, песенный фольклор, проводить мастер-классы для молодых – наша задача, наша миссия...

В качестве иллюстрации успешного выполнения этой миссии хочется расширить список приложения сил и достижений героя очерка: Василий Батагай принимал участие в региональных фестивалях «Фольклорная классика Таймыра», в VI Фестивале этнической музыки «Саянское кольцо» (посёлок Шушенское), фестивале национальных культур «Каратаг» (г. Шарыпово, 2009 г.), в Межрегиональном обучающем семинаре ЮНЕСКО, в творческом проекте Международного фестиваля коренных народов «Ридду Ридду» (Норвегия, 2010) и ряде других форумов.

За успехи в профессиональной деятельности Василий Иванович награжден Благодарственными письмами Управления культуры Таймырского автономного округа и Администрации Таймырского муниципального района. В 2011 году он был удостоен знака «Полярная звезда» за победу в одной

из номинаций районного конкурса профессионального мастерства работников культуры.

Земляки знают: поистине главным украшением любого из мероприятий, проводимых в Таймырском Доме народного творчества, является исполнение Василием Батагаем народных обрядов и песнопений, которых он знает во множестве и стремится передать максимально точно, сохраняя для нас красоту и самобытность народной поэзии. Такова миссия хранителей прошлого и созидателей будущего.

«МЫ - ИЗ НАРОДА НЯ»

Участники и посетители многочисленных и значимых мероприятий, регулярно проводящихся в Таймырском Доме народного творчества, отлично знают Светлану Сыгаковну Аксенову, которая работает в должности художника по костюму и весьма успешно, занимая призовые места, участвует во всех конкурсах и выставках изделий мастеров – Всероссийского, регионального и районного масштаба. Стараниями талантливой народной мастерицы Золотой фонд учреждения пополнился стилизованными и традиционными костюмами, предметами быта, аксессуарами. В арсенале художницы

– не только традиционный костюм нганасан, но и долганская традиционная одежда, а также современные нарядные стилизованные платья. Светлана Сыгаковна увлечённо передаёт свои знания народных традиций и мастерство студентам отделения декоративно-прикладного искусства и промыслов Таймырского колледжа.

ХОЛОДНЫЙ МАРТ 57-ГО

– Родилась я в Авамской тундре, в малом (родильном) чуме. Для рожениц специально строили чумик – женщина по поверьям народным считалась в такой период нечистой, потому ей и ставили отдельное помещение для родов. А уж когда ребенок на свет появится, отойдёт пупок – тогда в обычное жильё переходила мама с ребенком, пройдя обязательный обряд очищения. Родилась я в марте, было очень холодно, отец ездил на упряжке в тундру, добывал специальный мох – нёрсу, он использовался как современные памперсы. В тундре были свои бабки-повитухи, помогали роженицам. Мама рассказывала: «Родила тебя, страшно захотелось есть – выгребла из бочки, где готовили рыбу, всю тешу, съела её, видимо, отравилась как-то – с тех пор жирную рыбу вообще не ела много лет.. Каждый



ребёнок тяжело доставался, потому вы, дети, так и дороги...» Это я уже своих детей рожала в роддоме – в Волочанке и в Дудинке, а маме досталось тяжкого...

Мама Светланы, Порбина Хелла Лаймореевна, была известной мастерицей, многие помнят её. Занималась не только исконно женским рукоделием – шитьём и вышивкой, но и владела кузнечным ремеслом – мастерила металлические украшения, изготавливала печки-буржуйки, пользующиеся спросом. Отец, Порбин Сыгаку Бакалеевич, слыл искусным мастером по изготовлению нарт, балков – всю эту необходимую в тундре продукцию родители меняли на оленей, семья была зажиточной по тогдашним меркам. Порбины, как и положено, были колхозниками, но и личных оленей имели – олень являлся основой благополучия большой семьи, гордостью тундровика.

Отец умер, когда Светлана училась в 8-м классе Волочанской школы. Жить стало труднее, но всё же Светлана окончила десятилетку, учась 9 и 10 классы в Дудинке, и даже поступила в Красноярское фармацевтическое училище, которое окончить не удалось – пришлось вернуться, так как мама тяжело заболела туберкулезом, нужно было помогать по хозяйству.

ГРИБЫ ЖАРЕННЫЕ И САПОГИ ВСМЯТКУ

– Детство? Детство – прекрасное, незабываемое! В Волочанке мы жили на Тагенарских озёрах, отец рыбачил. Рыбу солили в бочках. Продукцию вывозили вертолётами. Как-то осенью лётчики просят: «Посолите нам грибы!» А грибов в тундре – море! А мы не ели грибы почему-то, не знали их, грехом это считалось, старики говорили: «Не ешьте землю!» Понятное дело – взрослые грибов не приготовят, думаем с ребятами, надо самим постараться. Мы ведь любили, когда лётчики прилетают – всегда праздник, всегда чего-нибудь привозят. Мне однажды отец сапоги заказал лётчикам, привозят – красота невиданная! Чёрненькие, лакированные – целый день гордилась, бегала-не снимала. Пока не порвала где-то, целый кусок вырвала – вот слёз-то было, вот горе-то было!.. Так вот, решили сами грибов собрать и нажарить – у нас маленькая игрушечная сковородка, набрали теши в бочке – жир-то нужен – кулинарим! Вряд ли уж лётчики и впрямь пробовали нашу стряпню, но – хвалили! А мы и рады услужить...

Неразлучные друзья детства Светланы:



Зина Бархатова, она теперь в Хатангской тундре, и Сергей Чуприн, теперь в Усть-Аваме рыбачит, многодетный отец. Отец сделал Светлане игрушечные санки – целый день с ними играли. Насобирают в тундре рога по осени, зимой воткнут в снег перед санками – целая упряжка оленей. Летом – у речки. Лодки в то время были деревянные, большие. Однажды решили покататься: девочки в лодке сидят, а Сергей оттолкнёт – и притянет за верёвку, оттолкнёт – и притянет обратно, пока не упустил верёвку из рук. Лодка поплыла на стремнину, на реке шторм поднимается, девочки испуганные на дне притаились – страшно. Сергей не растерялся, сбегал за отцом, тот на ветке догнал лодку, успел перехватить...

– Однажды чуть в реке не утонула. Стою как-то на обрывистом берегу, а дождь сильный, непогода, шторм – на волны люблюсь, не могу оторваться, парка вся уже промокла. Вдруг вижу – среди волн рыба белеет брюшком вверх. Шагнула ближе посмотреть – упала с обрыва, тону уже. Хорошо, что у нас на точке дед гостил, родственник, Порбин Чарда – увидел вовремя, успел схватить и вытащить. У деда – табак за щекой, когда трубку не курит. Решила: чтобы папа не ругал

за промокшую одежду, угощу его табаком со смолой из дедовой трубки – пусть тоже держит за щекой. Папа не ругал, конечно, нас никогда не ругали...

ДОРОГА К ЗНАНИЯМ

– В школе-восьмилетке в Волочанке училась, наш балок тогда в посёлок переехал, а отец с оленями – неподалёку. Приду из школы, беру тозовку и – к отцу. По дороге 2-3 куропатки добуду! Отец и похвалит, и дельный совет даст. Пригодилась в жизни отцовская наука...

В Усть-Аваме долганы и нганасаны живут, вполне дружно, особо не делясь, говорят на русском. Дети родной язык знают слабо, а вот в детстве Светланы, наоборот, приходили в интернат, не зная по-русски ни слова. Приходилось привыкать. Ребятишки старались держаться вместе, как привыкли в родительском доме – кроме старшей, Светланы, в семье ещё пятеро детей.

– В конце августа за детьми приезжала моторная лодка – «Стоп-нога» мы называли в шутку, к ней цеплялись лодки без мотора с детьми, в каждой – по 10-15 ребятишек. У каждого своя котомка с провизией, которой снабдили родители: юкола, сушёное мясо, лепёшки. Дорога к знаниям долгая, спали и ели в лодках. Братишка и сестрёнка со мной в интернате. Так вместе втроём мы и спали. Увидели воспитатели: «Почему это мальчик здесь?! Марш в мальчиковую комнату!» Забирают братишку, а он – в рёв. Я его опекала, помню, всё на спине носила – он ростиком-то маленький, и сейчас-то невысокий, в Кайеркане инженером работает.

ПОДВИГ МАТЕРИ

В родных краях и счастье своё женское нашла Светлана. В 1976 году вышла замуж за охотника-промысловика Аксенова Константина Константиновича, долганина. Жили молодые в Усть-Аваме, работали в госпромхозе «Таймырский». Оленеводство в колхозе к концу семидесятых пришло в упадок – олени пошли по большей части на забой, остатки увели волочанские оленеводы. Как и все, занимались чета Аксёновых традиционно: муж – охотой, рыболовством, Светлана шила парки и унтайки. И – воспитывали детей, рождавшихся один за другим.

Беда грянула нежданно: в 1996-м году, когда Светлана была беременна десятым ребёнком, муж трагически погиб – утонул на рыбалке. Поначалу руки опустились,

но долго предаваться горю нельзя – и безутешная вдова, собрав все свои недюжинные душевные силы, совершает настоящий материнский подвиг. Воистину Мать-Героиня! Светлана Сыгаковна заменила мужа на промысле – пригодились отцовские уроки тундрового охотника.

Промысел в тундре – это не забава, не хвастливое сафари, когда животное убивают ради пары горделивых снимков на фоне поверженной добычи, это средство пропитания и выживания большой семьи. Когда не стало мужа, старшему сыну было всего 10 лет, помощник ещё должен был подрасти. Семейную охотничью точку Светлана Сыгаковна не бросала, это Старый Авам на реке Дудыпте, там жила она одна со своей семьёй. О том труднейшем периоде жизни семьи Светлана Сыгаковна рассказывает скупко, считая подобную неукротимую борьбу за жизнь делом обычным для представителей коренного народа – так жили в тундре бесчисленные поколения предков. Было исправное промысловое хозяйство, были ружья, моторы. Старалась, чтобы семья ни в чем не нуждалась, потом и взрослым сыновьям помогала.

Горевать некогда – детей поднимать надо. А детей было десятеро – Ульяна, Анна, Нина, Елена, Алексей, Екатерина, Павел, Василина, Иван, Степанида. Младшенькая отца так и не увидела. Но выросла, закончила медучилище.

– Из десяти детей – двое погибли, уже взрослыми, но для меня все они живы. Павел, как и отец его, утонул десять лет назад, на охотничьей точке – на Дудыпте. Катер разгужали всю ночь, на обратном пути попали в шторм – перевернулось судёнышко. Забрала сыночка Дудыпта, – горестно вздыхает Светлана Сыгаковна. – А дочка Катя вышла замуж за строителя приезжего, уехала с ним в Бурятию, недолго там прожила – заболела, «ушла за морошкой». Остальные дети, слава Богу, все живы-здоровы, работают, живут в Дудинке, Усть-Аваме, Волочанке. Сыновья – промысловики, есть в Усть-Аваме семейно-родовое промысловое хозяйство «Старый Усть-Авам». Есть в семье пекарь, соцработник. У меня уже 15 внуков! Живут-поживают. Хотя сейчас как жить?! Законы, регламентирующие промысел, не все нужды коренных учитывают. Лицензии очень дорогие, а «кочевые» сейчас – всего 6 тысяч...

КАК БУДТО МАМА РЯДОМ

В лихие 90-е было особенно трудно. Светлане Сыгаковне пришлось продать

парки, другую одежду, что ещё оставалась от матери. На семью стала сама шить. Как бы ни было трудно, стремилась не упрощать работу, максимально точно изготавливать национальный орнамент. Вырезала детали орнамента сама. Стиль преобладает, разумеется, олений – стилизованные олени рога, нарты, чумы. Все эти знания сама тундра дала, всё это с молоком матери питано.

Кардинально поменяла жизнь Светлана Аксенова в 2011-м, перебравшись в Дудинку. Начала свою деятельность с работы мастером производственного обучения в Таймырском колледже, увлечённо шили-творили с девочками первого своего выпуска швей. В 2012 году вместе с нынешним директором Таймырского Дома народного творчества Любовью Поповой ездила в Финляндию, давали мастер-класс по технологии выделки шкур. Через год Светлану Аксенову пригласили на работу в Главный чум на должность мастера по костюмам – долганским и нганасанским.

– Я всегда говорила: «Пока не сошью свой национальный костюм – так, как я его



вижу, как представляла годами, вспоминая наставления матери – не могу считать себя мастером». Без малого десять лет делала свой первый костюм – помаленьку, уезжая в отпуск в тундру – хорошо там работается, зримо, тепло встаёт перед глазами вся жизнь. Использовала только натуральный материал, сухожилия, в современном доме такой материал неравномерно сохнет, а на природе – все условия. Хорошо в тундре, в балке тихо – сыновья уйдут на охоту, телевизора нет – шью себе спокойненько, порой жалею только, что не очень внимательно маму слушала, прилежней надо было быть. Но и теперь всё вспоминается, все мамины наставления и советы, каждое её движение, каждый стежок и орнамент – как будто мама рядом, направляет мою руку, как в детстве давнем.

ЗНАЮТ НАШИХ, ОСЛО И ПАРИЖ

Светлана Сыгаковна – участница многих престижных выставок, фестивалей и конкурсов. Совсем недавно делегация Таймыра вернулась из Москвы – участвовали таймырские мастера и художники в выставке «Сокровища Севера». Год юбилейный – 15 лет «Сокровищам».

– Меня Зоя Дебуптеевна Арепьева попросила: «Поезжай, покажешь свои костюмы!» – рассказывает собеседница – Я бы, может, и не решилась, но в Ярославле живёт дочка, хотелось навестить, это же рядом. Сама не ожидала, но – 2 первых места и одно второе заняла в номинациях «Традиционная одежда» и «Современный стиль».

Мастерица много лет работает с этнографами из Финляндии, они и пригласили в гости. Была дважды – первый раз с Ниной Дентумеевной Чунанчар, сказительницей, переводили песни и сказки народные. Потом – с Зоей Дебуптеевной Арепьевой, тоже в качестве носителей нганасанской культуры.

Знаменитый Международный Фестиваль «Ридду-Ридду» в Норвегии. В 2015-м году Светлана Сыгаковна была там одна из Дудинки.

– Поразило в Норвегии: стоят на дороге 4 лося – движение застопорилось, машины тоже стоят, причём молча. Целая пробка образовалась – и никто не выйдет, не прогонит сохатых. Пока им самим не надоело стоять на дороге.

ЧЕМУ НЕ УЧАТ В ИНСТИТУТАХ

Из поездки в Салехард с Анной Яроцкой привезла противоречивые впечатления: там живут и ненцы, и манси, и ханты, а орнаменты почему-то только ненецкие. Светлана Сыгаковна была единственным представителем нганасан – народа ня. Заинтересовала многих рассказами об изделиях из подшейного волоса – надо будет изготовить в расчете на участие в Фестивале будущего года.

– Из Салехарда прилетела и – напрямиком в Хатангский район, на юбилей посёлка Кресты, которому 95 лет. Хожу по улицам, смотрю парки, унтайки – кого-то могу похвалить, но чаще предъявить замечания: налицо смещение орнаментов, несоблюдение цветовой гаммы, – огорчается мастерица. – Была бы в жюри – и не посмотрела бы на такую работу. У нганасан никогда не было синего цвета, только белый, чёрный, красный! Но молодые не знают. Нганасаны – уникальный народ, красивые люди, одна одежда чего стоит! Молодым надо изучать нашу культуру, наших художников. Мотюмяку Турдагина хорошо знала, в школе с его будущей женой училась. Будучи взрослыми, часто мы общались с Турдагиным, гордостью народа ня, знаю его работы.

Светлана Сыгаковна мечтает собрать личные костюмы, организовать персональную выставку. Дети приезжают, внучки будут костюмы одевать. А ещё мастерице хотелось бы нести народную культуру молодежи Усть-Авама – там построили новую школу. Могла бы преподавать родной язык, домоводство. Древние навыки и умения – выскоблить шкуру, обработать камус, сделать юколу и так далее – то, чему в университетах не учат.

– Не все станут профессорами, нельзя терять традиции наши, – убеждена Светлана Сыгаковна. – Хотелось бы участвовать в воспитании детей. Дети талантливые, танцуют, поют, но нет у них настоящих костюмов, стыдно смотреть на неправильные орнаменты. Но мне говорят: «Нет образования – как будете учить?!» А как же молодые учителя, с дипломами – но не знают нганасанского, произношения не ведают – не носители языка, учат по учебнику, о построении той же парки, о знании орнаментов, традиций и обычаев и речи нет...

РОДНОЙ ЯЗЫК – ДЛЯ ВСЕХ И КАЖДОГО

В Главном чуме многое делается для сохранения культуры коренных народов Таймыра. Но, к сожалению, носителей языка,

наганасанского, в частности, – очень мало. Евгения Чебьяковна Сидельникова, Татьяна Тюндюлеевна Кузенко, Марина Яроцкая, Зоя Арепьева – по мере сил пропагандируют народную культуру. Дети занимаются в кружках, учатся шить, вырезать, мастерить, изучают язык.

– Мы часто собираемся в Чуме, разговариваем на своём. Пожилые-то знают язык, а вот молодежь, если и знают немного, но произношение совсем не то. Теряется язык. А мы в детстве на каникулах только на своём разговаривали, – вспоминает с грустью Светлана Сыгаковна. – Мамина сестра у меня живёт, Вера Лаймореевна Момде, 92 года ей, они с мамой говорили, помню, только на нганасанском, русского совсем не знали, пока дети в школе не учились – потом, при нашей помощи, немножко научились. Приходят, бывало, лётчики к нам, тётя – ко мне: «Русские чего хотят?» Я перевожу с русского, а потом тётушкины слова – на русский перевожу лётчикам, гордая такая...

ПРОСТОЕ СЧАСТЬЕ МАТЕРИ И МАСТЕРИЦЫ

Без работы Светлана Сыгаковна никогда не сидит. Сейчас, в период пандемии, работает на дому – шьёт для ТДНТ корякский костюм – дело новое, интересное.

– Скучаю ли я по тундре? Конечно, скучаю, хочу в тундру, домой, на Старый Авам, на точку свою. Домик там у нас щитовой, двухкомнатный. Прохудился, наверное, совсем уже... Работать буду, шить, там тихо, хорошо. Осенью – грибы, ягоды, сыновьям помогать буду...

Аксенова Светлана Сыгаковна – Ветеран труда, это звание присвоено в 2014 году, в следующем, 2015-м году, награждена Знаком Таймырского Долгано-Ненецкого автономного округа «Женская слава», в 2017-м – знаком «Полярная звезда» в конкурсе творческих работников культуры района.

– Жизнь подарила мне много вдохновенных минут и дней, наполненных трудом по изучению и сохранению традиций и культуры моего народа, здесь, на моей снежной родине, я встретила свою любовь, родила и воспитала детей, радовалась рождению внуков. Это ли не счастье...

Фото Александра Супрунюка и автора

Вадим СИЛАНТЬЕВ

КАЗАК

1

РУССКАЯ АМЕРИКА. НОЯБРЬ 1865 ГОДА.
КЕКУ.

Приветливо светило солнце. Чайки планировали над спокойными океанскими водами. Вдалеке виднелись скалистые острова, покрытые величественными древними лесами.

Однако на подходе к индейскому селению погода резко переменилась. Незадолго до отлива поднялся сильный холодный ветер. Ветер кружил в ветвях деревьев, посыпая всё колючей снежной крупой. Капитан Линдфорс не рискнул входить в тлинкинскую бухту, так как понятия не имел, что она из себя представляет. «Разобьёмся о подводные скалы... И доказывай потом, дескать, не виноват – не знал об их существовании»

– Переждём! – коротко бросил Линдфорс, спускаясь с капитанского мостика и поправляя за козырёк офицерскую фуражку.

«Хуже нет, чем ждать да догонять!» – дёрнул седым усом урядник Желан, набросив на голову выдавший виды казачий башлык.

Всю ночь на берегу скрипели под ветром ели, волны били в борта парохода пенными кулачищами, лил дождь со снегом.

Когда наступил рассвет, серый и блёклый, над свинцовым морем, сквозь рдеющий туман, стали пробиваться солнечные лучи.

Пароход «Константин» вошёл в бухту деревни Кеку на самых малых оборотах – неизвестные воды. Посёлок индейцев-колошей (длинные, деревянные дома с двухскатными крышами, изукрашенные затейливой резьбой, в окружении высоченных резных тотемных столбов) возвышался на холме. Урядник Желан взглядом опытного затинщика¹ определил, что из корабельных пушек «мериканцев достать возможно». Казак потёр заскорузлым пальцем кончик носа, размышляя. «Случись что, порушим жило² индейца на раз», – он вновь дёрнул седым усом.

Перед капитаном Российско-Американской

компании стояла трудная задача: тлинкиты-колоши этой деревни захватили английскую шхуну, перебив команду (около десятка человек)... То, что канадцы³ занимались контрабандной торговлей на чужой территории – дело третье. Колониальный секретарь Британской Колумбии подал правителю Русской Америки князю Максутову официальную жалобу: «Ваши индейцы творят разбой!!!»

И сейчас россияне прибыли в пролив Дюк-Кларенса расследовать сей инцидент.

Линдфорс нервно морщил нос – миссия его была весьма щепетильная. «Нетрудно разгромить, в наказание, какое угодно селение краснокожих... Но невозможно предугадать последствия... Короче говоря, уничтожение тлинкитской деревни может привести к полному разрыву в дружеских отношениях между колошами и РАК. Благоразумно ли одним ударом разрушить многолетнюю работу по замирению краснокожих – ведь, если начнутся военные действия против тлинкитов, небольшие посёлочки русских, разбросанные по территории Аляски, непременно подвергнутся ответным нападениям...»

Капитан послал за вождами-тойонами урядника Желана Репова, хорошо знавшего местное наречие:

– Пусть явятся на борт!

– Будет сделано, – спокойно произнёс пожилой томский⁴ казак.

Репов вразвалку повернулся к спускаемой на воду шлюпке: «Сберегай, Господи!»

2

Индейские вожди приплыли на «Константин» вооружённые до зубов; все с ружьями и здоровенными кинжалами. Пятеро крепких мужей в расписных домотканых накидках, в своеобразных плетёных шляпах. Трое ещё и усатые, а у одного в носу большое, размером с наручный браслет,



кольцо. «Солидные дикари», – усмехнулся корабельный начальник. Линдфорс видел, что краснокожие настроены весьма воинственно. «Следует действовать дипломатически!» – капитан изобразил уверенную улыбку.

Однако колошинские тойоны отнеслись к русским дружелюбно. Линдфорс стал их расспрашивать, почему они так жестоко расправились с командой английской шхуны. Вожди откровенно рассказывали, дескать, всё произошло быстро и даже неожиданно, из-за того, что шкипер судна южных бледнолицых⁵ вдруг поднял якорь и поставил паруса. Это вызвало панику среди тлинкитов, решивших, что их намериваются увезти в английские владения... Не скрывали индейцы, что были пьяны (виски краснокожие получили от самих контрабандистов в обмен на меха).

«Так... Англичане стали готовиться к отплытию, надеясь, что пьяные колоши покинут их корабль» – размышлял капитан РАК. «А индейцы, с перепугу, не разобрав в чем дело, устроили резню! В такой манере и составлю отчет расследования...»

Тут была и ещё одна причина, про которую и бледнолицые, и краснокожие не старались вспоминать: в мае, на острове Ванкувер, в городке Виктория, британские власти повесили двух «русских индейцев»⁶, – зарезавших в пьяной ссоре кого-то из канадцев. Тлинкиты не забыли нанесённое их народу оскорбление.

– Где шхуна теперь? – спросил Линдфорс; тойоны молча указали на селение. – Пойдём, хочу посмотреть!

3

Канадское судно капитан РАК разыскал в лесистом заливе, позади деревни.

Разграбленный парусник краснокожие вытащили на берег; он лежал на боку. На шхуне не было ни мачт, ни руля. Там же, недалеко, Желан обнаружил две пустые бочки из-под дешёвого джина и кое-какие судовые инструменты, бесполезные для индейцев. На корме всё ещё явственно различалось название: «Ройял Чарли». Линдфорс, Репов и три матроса с российского парохода обыскали капитанскую каюту и другие корабельные помещения, но каких-либо соответствующих бумаг не нашли. Разумеется, корабельный журнал отсутствовал. Словом, россияне не могли установить ни имени капитана контрабандистов, ни имени судовладельца, ни какой груз находился в трюме.

«Картина ясна, нужно возвращаться на пароход. Доложу Максутову о результатах расследования и пусть сам решает, что предпринимать. Разумею, лучше сие дело замять...», – капитан подал сопровождающим его казаку-переводчику и вооружённым матросам знак: «Уходим». Налетевший порыв ветра обдал присутствующих запахом сосен и дымом тлинкитских очагов.

Возле селения к русским подбежала встревоженная индеанка (длинное платье из замши, на ногах высокие мокасины, черные волосы, в нижнюю губу вставлен небольшой деревянный диск; довольно миловидная) и что-то залопотала. Линдфорс, машинально одёрнув длиннополый сюртук, устремил вопрошающий взгляд на Репова.

– Мальчишка у неё помирает. Шаман, местный, излечить не смог. Помощи просит жинка, – перевёл сибирский казак.

– Сходи с ней посмотри! – распорядился



капитан. – Сам не справишься, батюшку попросим...

Казак мотнул головой: «Посмотрим».

В просторной индейской бараборе⁷ скво подвела русского к ложу из шкур, на котором без чувств разметался мальчик лет семи-восьми. Мать сдёрнула шерстяное одеяло, английской работы, и урядник увидел на спине маленького колоша большой нарыв (чуть ли ни с кулак).

– Це-це-це, – тихо прищёлкнул языком томский казак.

Желан достал из сумки (в которой находился порох и пули для его ружья) нарывный пластырь; аккуратно приложил к страшной язве.

– Завтра зайду, проведаю, – урядник ободряю кивнул взволнованной матери. – Бог даст, выдюжит малец.

Колошанка, тяжело вздохнув, пошла провожать служилого. Женщина почему-то успокоилась – поверила, что ли, индейка в лекарские способности русского. Желан ещё раз ободряюще кивнул скво и, положив тяжёлую ладонь на эфес своей сабли, зашагал к берегу.

Репова нельзя было назвать образцом красивого человека. У него было ничем непримечательное обветренное морщинистое лицо, а сложен он был, как большой шимпанзе: мощная грудная клетка, короткие кривоватые ноги, сильные руки. Но индейке урядник казался совершенством: в руках этого длиннорядого – жизнь её сына.

Колошанка долго смотрела русскому вслед, пока туман ноябрьского воздуха не поглотил его.

4

Пароход «Константин» задержался в проливе Дюк-Кларенс ещё на двое суток. На судне прибыл православный миссионер – игумен Николай. Священник упросил капитана позволить ему просветить индейн словом божьим. «Да, и постараюсь вразумить дикующих мериканцев против разбоев в отношении белых людей и людей себе подобных...»

Два дня батюшка Николай и урядник Репов ходили в Кеку. Миссионер отслужил, для уже окрещённых колошей, службы; читал проповеди, устраивая их в виде доверительных посиделок. Томский казак лечил больного.

На другой день у страдающего мальчика нарыв размяк, и Желан вскрыл его раскаленным на огне ножом, спустив много гноя. К вечеру юный тлинкит пришёл в чувство и стал разговаривать.

Священник за это время окрестил ещё четверых индейцев.

Перед отплытием Желан снова пришёл к больному, чтобы поменять пластырь. Мать мальчика услужливо суетилась возле Репова.

– Ты великий шаман! – восторженно произнесла скво. – Мой ахгит⁸ будет жить!

– Даст Бог, на свадьбе твоего сынишки гульну, – добродушно усмехнулся старый вояка.

Он дал скво несколько пластырей, объяснив,

что их нужно менять каждый день. Легонько похлопав поправляющегося мальчика по смуглой руке, казак поднялся и стал прощаться:

– Бывайте здоровы!

Женщина выскочила вслед за Реповым на улицу:

– Благородный муж! Через два года мой ахгит станет старше, я привезу его в Ново-Архангельск, чтобы он научился у тебя всем премудростям лекарства.

– Я простой русский воин – казак, шаввот⁹, а не целитель. Лучше ты отдай сыночка в нашу семинарию. Там твой ахгит обучится не токма лекарству, но и грамоте. Воинов пруд пруди, а грамотеев по пальцам пересчитаешь. Грамотный человек высоко взлететь может... В школу к инокам отдай мальчика, не прогадаешь!

Индианка кивнула. «Так будет!».

Урядник одобрительно на мгновенье прикрыл глаза и, развернувшись, вразвалочку зашагал к берегу. Коренастый, с задубелой кожей, коренной томский казак, ныне служащий РАК, которому уже далеко за пятьдесят... Но который всё ещё мог укротить норовистую лошадь и опередить любого опытного рубаку.

5

ОКТАБРЬ 1867 ГОДА. НОВО-АРХАНГЕЛЬСК.

День выдался хмурым. Медленно летали над водой чайки, выискивая добычу. Белоголовый северный гусь покружил над столицей Русской Америки, низко прошёл над крышами изб, над погостом с покосившимися крестами и быстро улетел в море на запад.

В российский порт вошёл небольшой тлинкитский чёлн, выдолбленный из кедра. Он был выкрашен в ярко-красный цвет, с двумя огромными чёрно-белыми глазами, нарисованными чуть ниже высокого носа. Трое гребцов равномерно работали вёслами в такт гортанной песни. На корме сидели индианка с девяти-десяти летним мальчиком.

Никто не встречал прибывших, и это насторожило колошей.

Из города доносился барабанный бой, индейцы поспешили туда.

С флагштока, на центральной площади Ново-Архангельска, медленно спускался русский флаг. Русские солдаты и матросы выстроились в шеренгу, остальные толпились, переминаясь с ноги на ногу, по периметру площади. Напротив русской шеренги стоял строй американских солдат. Пёстрая толпа гражданских и однотонные ряды армейских и флотских. Барабанный бой.

Дойдя до середины флагштока, российское знамя остановилось: что-то заело в блоках. Из

грудей собравшихся россиян вырвался дружный вздох: «А может?..»

Одному из матросов пришлось влезть на мачту и срезать флаг ножом. Тщетны наивные надежды – Русская Америка, с одобрения императора Николая I, продана США. На добрую половину присутствующих это происшествие произвело тягостное впечатление: «Вот так вот!..»

На смену русскому поднялся звёздно-полосатый флаг Соединённых Штатов. И сразу с неба заморосило. Люди стали расходиться с площади.

Возле величавого Михайловского собора игумена Николая нагнала, приплывшая на красном каное, колошанка.

– Батюшка! Что, школы больше не будет? Покидают эти земли русские? – индианка говорила на своём родном языке.

Священник обернулся. Его усталый взгляд встретился с глазами скво. Блеск этих глаз, словно сияние чёрных бриллиантов, пронзил сердце россиянина.

– Нет, дочь моя. Не все оставляют места сии. Православная церковь остаётся. Школа-семинария тоже будет работать, – ответил потлинтски монах.

Взгляд индианки смягчился. Она подтолкнула к игумену длинноволосого мальчишка.

– Я привезла к тебе сына. Научи его всему, что знаешь сам.

Священник слегка усмехнулся, погладил юного тлинкита по голове:

– Как зовут тебя, отрок?

Мальчик поднял на отца Николая смышлённую мордашку.

– Казак! – смело ответил он.

1 – затинщик (старорусское) – служилый человек, обслуживающий артиллерию, стоящую за крепостной стеной;

2 – жило (старорусское) – обозначает любое жильё или населённый пункт;

3 – канадцы – в описываемое время Канада являлась колонией Англии;

4 – томский казак – житель сибирского города Томск, на реке Томь (приток р. Обь);

5 – южные бледнолицые – канадцы жили южнее тлинкитов, поэтому «южные»; соответственно, русские для них были «северные бледнолицые»;

6 – некоторые колоши нанимались к англичанам работать – проводниками, матросами, рабочими лесопилок, плотниками.

7 – барабора – так русские называли жилища туземцев севера;

8 – ахгит (тлинкитское слово) – сын;

9 – шаввот (тлинкитское слово) – женщина;

Загадочный мир Крайнего Севера

Образ шамана в творчестве костореза Виктора Ядне

Легендой и гордостью Ямала становится ученик и соратник Леонида Лара – мастер-косторез из среды коренных народов Севера Виктор Ядне. Он в своём творчестве сумел отразить своеобразие духовного мира своего народа, в котором значительное место занимают языческие и шаманские представления. Он не только стремится осмыслить темы, разрабатываемые им в кости, но и воплотить в своих произведениях своеобразие фольклорных произведений в русле национальных художественных традиций своего народа. Его произведения представлены во многих музеях России, в частных коллекциях мира. Следует отметить, что в искусствоведческой литературе освещение творчества Виктора Ядне в этом аспекте ещё не нашло достаточно полного и глубокого отражения.

Творчество Виктора Ядне стоит на стыке европейской, азиатской и якутской традиций современных школ северного декоративно-прикладного искусства с элементами ненецкой символики. Он до сих пор находится в активном поиске современных форм для воплощения мировоззрения и художественных традиций ненцев. Рядом с талантливым косторезом Виктором Ядне присутствует его опора, помощница, вдохновительница, спутница жизни, супруга и мать его детей – Ядне Инна Ейлювна. В трудные времена они всегда поддерживают друг друга, ценят каждый миг своего вдохновения, чтобы воплотить новый замысел, создать новый образ, сказать через свои работы людям о величии человека в этом мире, о роли ша-



Виктор Ядне
с супругой Инной

мана в жизни северного человека. Когда они вместе – это сочетание их общего труда и творчества. Работать с костью – это очень большой физический труд, но и творческий процесс тоже. Ведь несмотря на то, что мастерам нужно сохранять стилистику этноса, своё видение есть у каждого и они объединяют их, чтобы получить гармонию в работе.

Жизнь художника столь же многогранна, как и его творчество. Нелёгкий путь прошёл мастер, чтобы открыть мир малых форм, тонкости мирового косторезного искусства, даже шаманского обучения. Ему были переданы особые знания и открыто особое видение мира. Можно ли сказать, что он посвящён в шаманы? Да, в конце своего трудного детского и юношеского жизненного становления, покорения косторезного мастерства он был посвящён в мастера, где оценили его

работы тысячи почитателей его творчества. Проходя через шаманское видение мира, чтобы воплотить свои идеи, он вступает в конфликт с потусторонним миром и административной системой, которая не даёт ему раскрыться. Знания, переходящие из поколения в поколение, выплёскиваются в его работах, удивив даже искушённых зрителей слиянием человека, природы и шамана. Особая значимость скрыта в тщательно вырезанных деталях. Их следует разгадать и восхититься мастерством Виктора Ядне и мудростью рождённого из под резца шамана.

Тема шаманизма сейчас актуальна и специфична. У каждого художника своё видение на образ шамана и каждый вкладывает свой взгляд, философию. Также и мастер Виктор Ядне пытается донести до зрителя своё видение этого таинственного образа. Является ли Виктор Ядне шаманом? Является. Только одним движением резца он раскрывает перед зрителем дух образа шамана, который защитит, оградит человека от надвигающего зла. Он сам потомок шамана и каждый свой труд посвящает через ритуал очищения. И работая над очередной скульптурой, он воплощает идеи пришедшие ему во время сна, во время бодрствования или во время проведения шаманского ритуала. Есть ли тайна у Виктора Ядне? Тайна навсегда останется тайной. Но мастеру, овладевшему резцом и покорившему кость, всё же разрешено приоткрыть магический и загадочный мир Крайнего Севера, благодаря чему и мы можем приобщиться как к видению мира, к видениям шаманов. Образ сильного и мудрого шамана в работах мастера Виктора Ядне представляет само величие, любовь к жизни, сопереживание, гордость и силу народа, который он оберегает.

Общаясь с ним, люди отмечают, что он не просто образованный, но и хорошо знающий мифологию, обычаи, обряды и шаманские традиции своего народа. Рассмотрим работу «Шаман в образе священного оленя». Образ оленя и характер знакомы как оленеводу, так и рыбаков. Его часто использовали шаманы в своей практике. Он становился духом-помощником, духом-предком. Из шкуры делали шаманские бубны, которые являлись одним из важнейших атрибутов. Скульптура «Шаман в образе священного оленя» навеяна древними шаманскими легендами, рассказанными оленеводами и рыбаками Ямала. Виктор Ядне раскрывает образ шамана во время ритуала, когда он стал священным оленем и борется со злом, прогоняя в тёмный мир «Нга». Большое внимание



мастер уделяет проработке лица и передаче движения. Мастер умеет отобразить главное, наиболее свойственное для севера. В движении он передаёт позу шамана с характерной повадкой оленя. При этом сохраняется красота кости с её мягкими плавными линиями, перетекающими один в другой объёмами, без резких переходов. Именно это и придаёт пластику и музыкальность.

В жанровых композициях, посвящённых религиозной традиции ненцев, проявился интерес мастера Виктора Ядне к пространственной взаимосвязи фигур и предметов. Скульптурная композиция «Благословение высших сил» привлекает своим мастерством исполнения, тонкостью и изящностью



резьбы. Процесс создания скульптуры очень кропотливый, посвящённая высшим силам природы, Вселенной, она привлекательна тем, что это и есть философия шамана. Традиционная тема верований северных народов одна из интереснейших тем в композиционной скульптуре. Это умение сочетать пластику, движение, мимику и проработку лиц. Четырёхфигурная композиция имеет вертикальное основание, что позволяет придать динамику изображению. Здесь изображены главные персонажи, которые просят благословение для своего рода. Среди этих фигур мы видим главного – шамана, который проводит ритуал обращения к небесам. Рядом с шаманом находится ребёнок – символ продолжения рода, традиций. Пластика фигур помогает раскрытию образного строя персонажей. Образ ребёнка изящен и сделан с любовью. Традиционная повествовательная композиция, которой пользуется мастер, помогает зрителю внимательно рассмотреть лица героев и понять эпизоды их жизни. Глядя на небольшую скульптурную композицию, видишь живых, конкретных людей, слышишь их голоса.

Ворон функционирует в мифах народов мира как культурный герой. Связь ворона с тремя сферами определяет то, что он наделяется шаманским могуществом и, в частности, выполняет посреднические функции между мирами – небом, землёй, загробным царством, являясь, таким образом, медиатором между верхом и низом. К этой теме обратился и мастер Виктор Ядне. Скульптура «Ворон-Шаман» лаконична. Природная красота материала, выразительная скульптурная форма раскрывают нам образ ша-

мана, превратившегося в Ворона. Большое внимание мастер уделяет миниатюрной проработке лиц и передаче народной одежды. Ворон-шаман предстаёт перед нами в своём величии. Голова ворона поднята к небу, клюв раскрыт, крылья раскрыты, бубен поднят. Кажется, он действительно обращается к Нуму. В мифологии народов севера Ворон один из главных персонажей. Он управляет подземным и средним мирами, где разыскивает потерявшуюся душу. В образе шамана с бубном мы видим олицетворение могущества, спокойствия и веры в будущее. Традиционная культура была гораздо сложнее, чем нередко представляется сегодня. Работая с костью, мастер всегда стремится передать её природную красоту.

Большого внимания среди творений Виктора Ядне заслуживают пояса. По существу, это уже ювелирные работы. Пояса украшены самыми разными гравированными рисунками от предельно лаконичных до сложных узорчатых орнаментов. Даже на поясах можно увидеть как красной нитью идут шаманские образы. Пояса и ножи обладают ярко выраженным национальным характером. Неповторимая цветовая гамма, свойственная каждой заготовке из мамонтовой кости, делает уникальной каждое изделие. В творчестве Виктора Ядне основной темой продолжает оставаться анималистика – изображение животных, в которых появляется много конкретных черт. Плотная однородная структура бивня мамонта позволяет вырезать скульптуру монолитным объёмом. Через свои работы мастер старается передать свои наблюдения за миром природы, с которой они так близки.

Виктор Ядне приближает нас не только к миру видений шаманских церемоний ненцев, но и к своему собственному богатому внутреннему миру. Его произведения обладают ярко выраженным национальным характером. Тут всегда присутствует сюжет, рассказ, происходит какое-то действие, что позволяет прочитать в работе информацию, которую несёт автор. Особенно интересны работы, посвящённые шаманской и анималистической теме. Решены они всегда своеобразно – через легенду, сказку с её метафорой, гиперболностью, подчёркнутой динамикой, яркой декоративностью. На протяжении многих лет творчество Виктора Ядне привлекает к себе внимание искусствоведов, этнографов, писателей, журналистов.

Валентина ВАНУЙТО,
кандидат исторических наук

г. КАЛИНИНГРАД

фото с сайта kasugai.ru

Светлана БЫЧЕНКО

В поисках розовой чайки

Телеканал «Культура» показал фильм Светланы Быченко о «розовой чайке». Сегодня она – наш гость.



– Когда у вас появилась идея фильма о розовой чайке? В какой степени на ваш замысел повлияли повесть Олега Куваева «Птица капитана Росса» и экранизация этой повести Николая Калинина (к слову, вам какое название ближе: «Птица капитана Росса» или «Тройной полярный сюжет»)?

– Увидеть розовую чайку – мечта давняя. Конечно же, «виноват» в этом Куваев, и фильм Николая Калинина мне тоже нравился в своё время, тоже впечатлил... Мне даже странно, что люди моего поколения не слышали о розовой чайке, всегда казалось, что все мечтают её увидеть. Но большинство всё же читали не «Тройной полярный сюжет», а «Синюю птицу». На мой взгляд, первое произведение гораздо интереснее. Название «Тройной полярный сюжет» как по мне – лучше, чем «Птица Капитана Росса».

– Вы сами когда и при каких обстоятельствах впервые увидели розовую чайку?

– Первая встреча с розовой чайкой произошла на пути к Походской Едоме, собственно за ней мы и плыли туда с проводником Русланом Слепцовым. Розовая чайка на льдине, синее небо, река Колыма... Это и есть то самое счастье, за которым готов ехать на край света.

– Через что вам пришлось пройти, чтобы снять фильм о розовой чайке?

– Никаких особых трудностей не было... Разве что – чуть больше комаров...

– Будет ли продолжение сериала «Страна птиц»?

– «Страна птиц» выходит на телеканале «Культура» уже десять лет, и я очень надеюсь, что наше сотрудничество продолжится. Мне представляется чрезвычайно важным, чтобы на российских каналах было больше фильмов о нашей природе; природа – это тоже культура, это наша основа, наши корни... У нас замечательный редактор Виталий Трояновский, мы вместе с ним в своё время придумали этот цикл, он много сил прикладывает для его существования. У нас много новых идей, только хватило бы финансирования.

– Почему мы до сих пор не можем увидеть на федеральных каналах ваш блестящий фильм «Территория Куваева»?

– «Территория Куваева» в сокращённой версии была только в эфире телеканала «Культура», не могу объяснить, почему фильм оказался неинтересен другим каналам; мы, конечно же, предлагали его. Но, увы... Скорее всего, несовпадение взглядов на проблемы, представленные в фильме.

– В своё время вы сняли фильмы о Варламе Шаламове и Венедикте Ерофееве. Как эти два по-своему трагических писателя перекликаются с Куваевым? Что всех этих троих художников в вашем понимании могло бы связывать?



– Все эти писатели – Шаламов, Ерофеев, Куваев – в первую очередь, писали о том, что хорошо знают. Олег Куваев не писал о лагерях, потому что считал, что не имеет на это права, так как не пережил, не знает этого, хотя его позже упрекали, что в «Территории» он не говорит об этой теме. Шаламов и вовсе «документалист». Вся его проза документальна, там нет ни одного слова, которое можно было бы отнести к «художественного вымыслу»... Ерофеев экзистенциален, потому правдив. Этим замечательных писателей объединяет любовь к человеку, к своей стране.

– **Как вы оцениваете книгу Авченко и Коровашко о Куваеве?**

– Очень здорово, что Василий Авченко и Алексей Коровашко написали эту книгу. Я очень волновалась перед тем, как её открыть. Но Вася сразу порадовал и языком, и осмы-

слением. Певек он называет «городом-офицером». Очень много материала переработано, очень. Труднее читать Коровашко, сложноватый текст для простого читателя, но зато больше радуешься страницам, где опять «говорит» Авченко. Честно говоря, я жду от них второго издания книги, мне кажется, авторы не всё ещё сказали о Куваеве, не всё упорядочили, не всё осмыслили.

– **Кто из нынешних писателей, на ваш взгляд, созвучен Куваеву?**

– Сейчас время блогеров. Есть созвучные Куваеву – фотограф, блогер Сергей Карпужин.

– **Продолжает ли Вас тянуть на Чукотку и в Магадан?**

– Конечно... Очень надеюсь, что буду там снимать, и ещё раз встречусь с розовой чайкой.

Вопросы задавал Вячеслав ОГРЫЗКО

